

Сергей Коняшин

Последний РУБЕЖ

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
К65

Иллюстрация на обложке Натальи Лейбиной
Текст на обложке Нозми Арсуага Герра

К65 **Коняшин, С. С.**
Последний рубеж / Сергей Коняшин. – М. : Издательство
РСП, 2018. – 326 с.

ISBN 978-5-4477-3137-3

Оказавшиеся среди немногих выживших в кровопролитных боях на Балке Адамовича на восточной окраине Новороссийска, морские пехотинцы Андрей Новицкий и Эндель Мэри добровольно соглашаются вступить в отряд особого назначения, которому предстоит ещё намного более жестокая битва против многократно превосходящих сил вермахта. У каждого из них, как и у командира отряда майора Цезаря Куникова, на это есть весьма веские причины.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Светлой памяти
Константина Ивановича Подымы,
вдохновившего меня на написание этой книги,
посвящается

От автора, или Коротко о том, как и зачем был написан этот роман

— А ты возьми и сам напиши, — хитро усмехнувшись, сказал Константин Иванович.

Это был ответ на мой шуточный риторический вопрос, почему никто из коренных новоросийцев до сих пор не написал ничего более или менее серьёзного про Малую землю.

— Обязательно постараюсь, — легкомысленно подыграл я ему и тут же забыл об этом отступлении от нашего разговора о литературе военных лет.

Мне нравилось навещать Константина Ивановича в его маленькой квартире на Речном вокзале в Москве, густо заставленной редчайшими книгами. Большинству из них не находилось места в забитых до предела шкафах, и они были сложены высокими стопками прямо на полу.

Мы подружились очень быстро, сразу после моего поступления в МГИМО и переезда из Новороссийска в столичное студенческое общежитие. Прекрасный кинодраматург, тонко чувствовавший ткань видеоматериала, он здорово помог мне с дипломной работой по курсу тележурналистики, признанной по результатам экзаменов одной из лучших на потоке. Первоклассный поэт, виртуозно владевший искусством рифмы и ритма, он научил меня не бояться джунглей творчества и смело садиться за белый лист бумаги. Скрупулёзный исследователь, обладавший энциклопедическими знаниями, он поделился со мной умением видеть великое в простом, ценить каждую пядь родной земли, скрывающей бесконечно трудную, но славную историю. Наконец, просто

добрый отзывчивый человек, отдавший не один год своей непростой жизни делу помощи попавшим в трудную ситуацию детям, он подал мне незабываемый пример светлого подвижничества и бескорыстной заботы о людях.

Именно таким, с одной стороны, простодушным и в чём-то даже наивным романтиком, с другой — недостижимым идеалом глубочайшего ума, природного таланта и добродетельной смелости Константин Иванович навсегда остался у меня в памяти. Тогда, накануне первой заграникомандировки в Йемен, я, конечно, не мог знать, что наша неторопливая беседа за чашкой чая с куском абрикосового торта станет, к моему горькому сожалению, последней.

Перед самым уходом Константин Иванович попросил меня подождать на кухне и удалился в комнату. Через четверть часа он вернулся с двумя пакетами, туго набитыми книгами, и, сияя от удовольствия, вручил их мне.

— Что это? — не сразу понял я, с ужасом прикидывая, сколько это может весить.

— Как что? — деланно удивился Константин Иванович. — Справочная литература для твоего будущего романа.

— Какого романа? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

— Который ты мне обещал написать, сидя вот здесь, — тонкой, уже дрожавшей от продолжительной болезни рукой Константин Иванович показал на стул, с которого я только что встал.

— Ах да, — спохватился я. — Только не написать, а постараться написать...

— Ну ладно, ладно, — нетерпеливо перебил он. — Тут только самое основное. Если потребуется что-то ещё, скажи. У меня всё есть.

— Хорошо, — просопел я, с натугой выволакивая в коридор увесистые пакеты.

Константина Ивановича я не обманул и по приезде в Йемен действительно попытался начать работу над романом, однако тысяча мелких дел на совершенно новой и не очень ещё понятной мне дипломатической службе решительно отодвинули любые попытки литературного творчества на одно из последних мест.

Трагическое известие застало меня менее чем за полгода до окончания командировки. Мучительно тяжело было возвращаться в Россию, сознавая, что никогда больше не доведётся навестить Константина Ивановича, попить с ним чаю на его крошечной кухне, так же, как и комната, плотно заставленной книгами, и до поздней ночи говорить обо всём и прежде всего о горячо любимом нами небольшом черноморском городе, изогнутом подковой вдоль берегов Цемесской бухты.

В Центральном аппарате МИД я провёл неполный год, после чего вновь был откомандирован за границу, на этот раз в Судан. Перебирая в Хартуме архивные файлы на старом ноутбуке, я случайно натолкнулся на давние безыскусные наброски этого романа и уже занёс палец над клавишей «delete», чтобы удалить их, когда вспомнил вдруг наставление Константина Ивановича.

Поразмыслив несколько секунд и ухватившись за первое подвернувшееся на ум оправдание — «ведь я действительно обещал только постараться, а не написать», вновь занёс руку над кнопкой удаления, но внутренний голос, за долгие годы общения воспитанный непримиримым к фальши Константином Ивановичем, справедливо заметил: «но ты же никогда не пытался понастоящему», — и палец с кнопки пришлось убрать.

Выкрадывая время в выходные и по вечерам, в праздники и в поездках, я внимательно перечитал доставшиеся

мне книги об истории обороны Новороссийска, кое-что из советской военной классики, кое-что из немецкой и сел писать. К концу 2016 года повесть была в общих чертах завершена, но я долго не решался выносить её на суд широкой публики, считая сырой и нуждающейся в серьёзной доработке.

Позднее, по мере карьерного роста, взросления требующего всё большего внимания сына и других обстоятельств, круто закручивающих водоворот жизни, я вынужден был считаться со всё большей нехваткой времени и пониманием, что отсрочка издания уже не сильно повлияет на качество написанного. Поэтому я решил опубликовать «Последний рубеж», не снимая с себя, разумеется, авторской ответственности за его литературное исполнение.

Искушённые историки, и не только они, безусловно укажут мне на фактологические несоответствия при описании обороны Новороссийска во второй половине 1942 года и десантной операции в посёлок Станичка (сейчас — Малая земля) в начале 1943 года. Предвосхищая эти замечания, хочу подчеркнуть, что осмысленные и неизбежные в рамках творческого процесса изменения в описании отдельных событий или временных отрезков, не умаляющие величия боевого подвига защитников нашего города, вряд ли способны оскорбить чью-либо память. Легендарные события тех лет довольно подробно задокументированы и добросовестно изложены в любом хоть сколько-нибудь методическом описании Великой Отечественной войны, и каждый может позволить себе ознакомиться с ними.

Главное же назначение своей книги — как в первую очередь художественного произведения — я видел в том, чтобы как можно более достоверно напомнить читателю, сколь отвратительна и страшна в своей первобытной

жестокости любая война, сколь неотвратимо и равнодушно отбирает она у каждого человека самое дорогое вне зависимости от его личных заслуг и качеств.

Давайте всегда будем помнить об этом, чтобы никакая война больше не была возможна на нашей земле, и сохранение благодарной памяти — лучший тому залог.

Пролог

Двадцать вторую годовщину освобождения от фашистов Новороссийск, официально пока не город-герой, встречал шумными народными гуляниями. Ещё не был воздвигнут на Малой земле величественный мемориал-музей в виде носа десантного катера, с которого навстречу испепеляющему огню пяти отборных немецких дивизий прыгают первые бойцы дерзкого куниковского десанта, и будто каплями крови, рассыпанными по изумрудной траве, вся она была покрыта крупными алыми маками.

Легендарный плацдарм, почти окружённый новыми микрорайонами полностью восстановленного и сильно расширившегося после войны на запад Новороссийска, оставался практически нетронутым памятником грозным боевым годам. Неровная ухабистая земля на месте полностью уничтоженного жесточайшими боями пригородного посёлка Станичка, до сих пор напряжённо бугрилась высокими брустверами, зияла глубокими воронками и была густо исполосована длинными порезами окопных траншей. Обугленные и помятые всё ещё чернели на ней остовы взорванных танков, фрагменты разбитых орудий, опрокинутые надолбы и руины разрушенных домов.

Уроженец далёкого Русского Севера Андрей Прозоров, получивший по окончании Ленинградского Нахимовского военно-морского училища распределение на Черноморский флот, медленно бродил среди заросших высокой травой грозных свидетельств той свирепой битвы, что гулким эхом отгремела на весь мир более двух

десятков лет назад на этом крошечном участке береговой линии.

С удивлением глядя на пустынную почти плоскую местность без единого дерева или целого строения, без источников пресной воды и естественных укрытий, он с трудом представлял себе, как его отец мог воевать здесь в далеком 1943 году, когда плацдарм насквозь простреливался от края до края, и над каждым его клочком часами висела гитлеровская авиация, несколько раз в день перепачивая выжженную землю огнём и металлом. Тяжёлые немецкие и румынские орудия засыпали тысячами снарядов этот стонущий от разрывов и утопающий в огне берег. Вражеские катера и подлодки непрерывно долбили торпедами в наспех сооружённые причалы и береговые обрывы, обваливая их на головы раненых бойцов, ожидавших эвакуации на узких каменистых пляжах. И несмотря ни на что отчаянно дравшиеся на этой земле люди выстояли и победили.

Андрей дошёл до окраины плацдарма и увидел группу отставных морских пехотинцев. Один из них сидел на обгорелом корпусе немецкого танка и, виртуозно растягивая меха старенькой гармошки, громким бесшабашным голосом пел бодрую боевую песню, написанную на стихи краснофлотца-малоземельца Евгения Сущенко:

Море за кормою яростно ревёт.
На жестокий бой нас Родина зовёт.

Привлечённый мелодией Андрей подошёл ближе. Окружавшие гармониста однополчане радостно подпевали:

Ночью над Мысхако шёл девятый вал.
Куников с отрядом берег штурмовал.

Чья-то тёплая ладошка осторожно тронула Андрея за руку. Он оглянулся, посмотрел вниз и увидел возле себя маленькую жадно грызущую огромное яблоко девочку.

— Дядя, купи колечко, — широко улыбаясь, предложила она, протягивая ему зажатое в худых перепачканных землёй пальчиках тонкое медное кольцо.

— Как интересно! Давай-ка посмотрим, что тут у тебя, — подыгрывая девочке, заговорил Прозоров смешным, нарочито громким голосом.

Он взял из её руки старое немного погнутое кольцо, очистил от налипшей влажной земли и осмотрел. На внешней стороне ясно читалась тонкая гравировка «Полине от Андрея». «Надо же какое совпадение! — удивился он. — Готовый подарок младшей сестрёнке!»

— Где же ты взяла такую красоту? — спросил Андрей.

— Мы с Димкой вон там откопали, — быстро ответила пристально наблюдавшая за ним девочка, показывая грязным пальцем на противоположный конец Малой земли.

— Ну, хорошо, беру, — как бы сомневаясь, согласился Прозоров. — Сколько?

— Четыре листочка, — тихо ответила юная продавщица, словно не веря, что так просто нашла покупателя для своей безыскусной находки.

— Ну, четыре так четыре, — сказал Андрей, начиная срывать листья с ближайшего дерева.

— Не таких! — закричала девочка. — Димка такие не берёт. Каштановые нужно.

— Как скажешь, — повиновался моряк.

Он направился к стоявшему поодаль каштану, оторвал от него четыре самых широких и плотных листа, до каких смог дотянуться, и отдал их девочке.

— Носите на здоровье, — радостно проверещала она и, крепко сжимая в ладошке сложенные стопкой тёмно-зелёные листья, побежала прочь.

Андрей ещё раз осмотрел кольцо и, стерев с него остатки грязи, положил в карман.

I

Гренадер 17-й армии вермахта Вильгельм Шульц уверенно шагал по изорванной взрывами брусчатке улицы Рубина. Стреляные гильзы, густо устилавшие дорогу, с шорохом разлетались в стороны из-под тяжёлых сапог и звонко цокали о разбитые бордюры. Вся улица была усыпана ещё горячими осколками и обугленными обломками разрушенных домов. На обочинах догорали огромные тополя и акации, выкошенные немецкой артиллерией. Вокруг лежали окровавленные, обгоревшие и разорванные трупы. От тяжёлого смрада, расплзавшегося в крутой сентябрьской жаре, схватывало дыхание и кружилась голова.

Вильгельм прищурил глаза, ослеплённые палящим черноморским солнцем, и положил уставшие руки на поцарапанный в недавних жестоких боях «шмайсер», болтавшийся у него на шее. «Захватить этот порт оказалось проще простого», — размышлял гренадер, равнодушно осматривая свежие руины. «Пожалуй, прочесть в измятых картах его длинное непонятное название было сложнее», — продолжал усмехаться Шульц. Вместо полноценной армии на берегу Цемесской бухты немецкие войска встретили немногочисленные разрозненные группы матросов с недавно потопленных кораблей и сборище плохо обученных партизанских отрядов, одетых в лохмотья и вооружённых трофейным оружием. Ещё немного, мечтал Шульц, и из-за скалистых вершин Кавказа покажутся, наконец, эти чёртовы нефтяные вышки, о которых столько раз твердили им чопорные немецкие генералы, и он победителем поедет домой. И тогда уже пусть турки, итальянцы или хотя бы

румыны, наступающие по соседней улице, вбивают последние гвозди в крышку гроба этой огромной дикой страны. Больше всего ему сейчас хотелось дойти наконец до Каботажной пристани у морского вокзала, откуда на нескольких оставшихся в Новороссийске пассажирских кораблях русские эвакуировали остатки вооружения и продовольствия, раненых солдат, женщин и детей. Уничтожением этих судов и должно было завершиться их сегодняшнее задание.

Надсадный грохот оглушительной пулемётной очереди оборвал мечты гренадера. Несколько его друзей, шедших впереди, свалились замертво, как подкошенные.

— Пулемётчик в башне! — разнеслось рядом, и Шульц стремглав бросился с дороги за угол разрушенного дома. Единственное, что он слышал в эти секунды, хищный лязг пуль, бьющих прямо под его ногами в круглые серые камни, которыми была вымощена мостовая, и затем оглушительный хруст свинца в бетонной стене, за которую он спрятался.

Вильгельм облегчённо выдохнул. Конечно, не в первый раз смерть прошла так близко, но, пожалуй, впервые застала его с висящим на шее и разряженным автоматом. Взводный же вроде ясно сказал: путь свободен. Откуда мог взяться этот пулемётчик? Шульц зарядил автомат и выглянул из-за угла. В окне второго этажа старинной башни из серого крымского известняка маячил худенький силуэт. Похоже, совсем мальчишка. Однако не успел гренадер прицелиться, как из башни в его сторону вновь яростно огрызнулся пулемёт «максим».

Солдат отпрянул за угол и испуганно уставился в стену позади дома, из которой пулемётная очередь кучно высекала несколько высоких фонтанов кирпичной

пыли. Помедли он хоть мгновение, и его голова оказалась бы между стволом «максима» и этими раскрошенными в красную пыль кирпичами. Если там действительно мальчишка, подумал Шульц, он весьма умело для своих лет управляется с пулемётом.

За углом соседнего дома минометный расчёт из трёх человек спешно собирал к бою орудие. Однако стоило одному из солдат по неосторожности приподняться из-за укрытия, чтобы установить ствол на сошки, на его ките тут же появились глубокие рваные прострелы, и кровь брызнула на раскалённые бордюры. Миномётчик вскрикнул и медленно завалился на бок. Ствол выпал из рук и выкатился на тротуар, хорошо простреливаемый из башни.

— Прикрой! — крикнул Шульцу командир минометного расчёта.

Вильгельм высунулся из-за угла и, практически не целясь, выпустил почти всю обойму в окно второго этажа. Миномётчик выскочил на тротуар, подобрал ствол и едва успел убежать обратно. Как только в проёме окна погасли последние искры, выбитые пулями Шульца из стен и щитка пулемёта, «максим» застрочил опять. На этот раз в сточную канаву скатился с простреленной головой младший сержант из второго взвода, неудачно спрятавшийся за акациями на противоположной стороне дороги.

В тот же миг тяжело ударил всё-таки собранный за соседним домом пятидесятимиллиметровый миномёт. С надсадным свистом снаряд вонзился в край окна. Оглушительный взрыв выворотил из башни кусок стены, поднял густое облако пыли и плотные клубы чёрного дыма. Когда пепельное марево рассеялось, Шульц разглядел в развороченном окне пулемёт с погнутым щитком, опрокинутый на широкий подоконник

и покрытый толстым слоем обломков. В ту же секунду из-за ветвистых акаций на противоположной стороне улицы к башне бросились несколько солдат, вероятно рассчитывая, что пулемётчик убит или оглушён.

Вильгельм перезарядил автомат и на всякий случай взял на прицел взорванное окно с перевёрнутым пулемётом. Когда солдаты были уже в нескольких десятках метров от башни, её дверь неожиданно распахнулась. На пороге стоял смуглый босой мальчишка в рваных шортах и обгоревшей тельняшке с немецкой гранатой в руке. Его голова была сильно рассечена, русые волосы и перепачканное маслом лицо густо залиты кровью. Коротким отточенным движением он метнул в набегавших солдат гранату. Грамотно — по навесной траектории, успел отметить Шульц, чтобы к моменту взрыва она была на излёте и её нельзя было отбросить обратно. Гренадер перевёл прицел на мальчишку, нажал на спусковой крючок, но тот уже исчез за дверью, и пули лишь высекали из неё ворох щепок.

Раздался взрыв. Густой фонтан земли и травы хлёстко ударил в воздух. Вильгельму показалось, что не успели упасть разорванные тела его товарищей, как мальчишка поставил обратно опрокинутый пулемёт и вновь длинной очередью пропорол улицу. Немецкий солдат, пробежавший в этот момент мимо укрытия Шульца, уклоняясь от пуль, с разгона кувыркнулся к нему за угол.

— Видал, что пацан творит? — выпалил он, прислоняясь спиной к стене и удобнее перехватывая автомат. — На что рассчитывает, непонятно.

— Не говори! — согласился Вильгельм, перекрикивая звуки выстрелов и со злостью передёргивая затвор. — Дали бы пинка под зад, и вали куда хочешь. Но нет же! Видимо, тоже решил гнить здесь среди прочего русского отребья.

Больше двух часов Витя Новицкий в одиночку сдерживал на улице Рубина натиск немецкой роты. Уставшие руки из последних сил давили на тугую гашетку пулемёта. Кровь из разбитой головы вязкими струями стекала на лицо и за шиворот под грязную взорвавшуюся тельняшку. По углам комнаты, уткнувшись окровавленными лицами в кирпичное крошево, лежали последние матросы миноносца «Бдительный», убитые снарядами немецкого танка несколько часов назад. Взрыв был такой силы, что винтовка Мосина, вылетевшая в окно, на полстволы воткнулась в ближайшую акацию. Витя в это время был в подвале — побежал за гранатами. Он услышал оглушительный взрыв наверху, после которого наступила зловещая гробовая тишина. Матросы больше не стреляли и не перекрикивались между собой. Только снаружи иногда раздавались короткие автоматные очереди и одиночные винтовочные выстрелы, скупое разбавленные резкими сухими командами на немецком языке.

Витя схватил ящик с гранатами, втащил его в комнату и осмотрелся. Стены были круто — до фиолетовой черноты — обожжены взрывом и забрызганы кровью. Густо воняло сгоревшим порохом. Оба его старших боевых товарища — последние советские бойцы на Октябрьской площади — с разбитыми головами лежали в углах комнаты, присыпанные пылью, щепками, обломками кирпичей, осколками стекла и снарядов. Под ними быстро растекались лужи крови.

Окно, в проёме которого остывал пулемёт, выходило на угол улицы Рубина и переулка Декабристов. Витя осторожно выглянул наружу. Мимо башни, набирая скорость, с кряхтящим скрипом протарахтела чёрная квадратная башня немецкого танка. Вслед за ней, выползая из траншей и разрушенных домов, из-за углов

и деревьев, неторопливо и поначалу не очень уверенно шли вперёд многочисленные тёмно-зелёные силуэты. Но ободрённые наступившей тишиной фрицы двигались всё быстрее и увереннее, смыкая на марше неровные ряды и начиная выстраиваться повзводно.

Витя беспомощно сполз вниз по стене на разбитые коленки и крепко вцепился исцарапанными пальцами в русые волосы. По грязному лицу прочертила тонкую полоску слеза. Вот и всё, подумал Новицкий, сейчас они дойдут до Каботажной пристани, взорвут корабли, на которые так спешили сегодня утром его мать и старшая сестра, и расстреляют многотысячную толпу, в которой те будут стоять, ожидая очереди на посадку. А в этой башне, где вся их семья жила до войны, разместится немецкий штаб. Прямо в этой комнате, где отец, погибший два месяца назад во время очередной бомбёжки в порту, учил его читать и писать. Немецкие офицеры будут рисовать здесь карты дальнейшего наступления и строить победные планы. А потом где-нибудь далеко на Кавказе фашист застрелит из чёрного автомата его старшего брата Андрея, призванного на фронт в первый день войны сразу после выпускного. Витя вспомнил, как они в последний раз обнялись с ним год назад у этого окна, в котором сейчас стоял раскалённый, помятый и поцарапанный уже никому не нужный пулемёт.

Ради чего он, тринадцатилетний мальчишка, полгода назад сбегал воевать в Крым, соврав командиру боевого катера, что родители разрешили? Ради чего он долгих четыре месяца в грязи и в поту учился бросать гранаты и заправлять патронные ленты в пулемёты? Зачем пробирался в немецкий тыл под видом попрошайки, разведывая обстановку и докладывая о ситуации советским офицерам, а во время ожесточённых боёв

метался между взрывами на передовой, собирая патроны и гранаты, чтобы красноармейцы, оставшиеся без боеприпасов, могли продержаться на решающем рубеже ещё несколько часов? Затем, чтобы остаться теперь круглым сиротой и чистить сапоги оккупантам в своём родном городе?

Как он ненавидел фашистов с их наглой походкой, засученными рукавами и автоматами наперевес!

Нет, надо дать матери с сестрёнкой ещё хоть несколько минут. Может, именно этих минут им не хватает сейчас, чтобы успеть на последний корабль и спастись, уйти в Геленджик.

Витя вскочил и не раздумывая стиснул остывавшую гашетку. После длинной оглушительной очереди несколько фрицев уткнулись блеснувшими на солнце касками в землю и растянулись поперёк тротуара. Остальные рассыпались по подворотням и залегли. «Лишь бы не танк!» — подумал мальчишка и припугнул коротким выстрелом гитлеровца, высунувшегося из-за угла дома его школьного друга Вальки Свидаевского, жившего напротив.

Два часа ему удавалось сдерживать натиск немцев. Израненный и уставший, он продолжал отстреливаться из последних сил, когда из-за окна донёсся быстро нарастающий лязг железных гусениц о мостовую. «Похоже, конец!», — криво улыбнулся Витька и несколькими плотными очередями перепачкал улицу Рубина. Изрядно побитая к этому времени немецкая рота в очередной раз отхлынула в переулок.

Через минуту под окнами показался танк. Его угловатая башня медленно заскользила по кругу, плавно разворачивая короткий ствол в Витькину сторону. «Тот же самый, — подумал он. — Похоже, вернулся». Значит, ему

всё-таки удалось на пару часов задержать продвижение фашистов.

Из-за дома Свидерского выскочил немецкий солдат и бросился к танку, по всей видимости намереваясь спрятаться за бронёй, чтобы подобраться ближе к башне. Витька легко поймал его на прицел и подстрелил. Фашист сложился пополам, схватился руками за живот и рухнул на мостовую, громко крича и размахивая ногами. Только «шмайсер», слетевший с его шеи, крутясь и дребезжа на горячей брусчатке, проехал ещё несколько метров до расколотого взрывом бордюра.

— Шу-ульц! — заорал из-за укрытия другой немецкий солдат и выскочил на дорогу. Он схватил раненого за шиворот и медленно поволок обратно за угол.

«Хорошая мишень, — подумал Витька. — Пристрелить бы обоих, если бы не танк». Он схватил в каждую руку по гранате, зубами вырвал кольца и швырнул обе под правую гусеницу. Два мощных взрыва в нескольких метрах от башни колко брызнули горячей землёй и металлическими осколками в разрушенное окно — так что он сам едва успел пригнуться, и сорвали гусеницу с колёс. Танк резко повело по кругу. Многотонный железный корпус с чавканьем размазал по дороге нескольких фашистов, прятавшихся за его бронёй. Но экипажу всё-таки удалось справиться с управлением и остановить машину в тот момент, когда её ствол смотрел в сторону башни. Громко ударил выстрел. Танк легко качнулся назад, лязгнув оголёнными колёсами по камням.

Витька зажмурил глаза, но почувствовал только, как башню сильно тряхнуло снизу. Видимо, снаряд вколотился в стену на уровне первого этажа. Поредевшие тёмно-зелёные группы, прикрытые танком,

вновь медленно, упорно пошли вперёд. Мальчишка облегчённо вздохнул и снова начал поливать улицу свинцом.

Только он не знал, что два фашиста уже поднимались по лестнице его неприступной крепости. Взрыв танкового снаряда проломил наскоро замурованное матросами окно первого этажа, и немцы, увидев это, незаметно залезли внутрь. Гулко скрипнули деревянные ступеньки под их сапогами, с грохотом соскользнула с ржавых петель высаженная дверь.

Витя испуганно обернулся и, увидев врагов, бросился к ящику с гранатами.

Но не успел. Один из гитлеровцев сбил его с ног, а второй с размаху ударил прикладом по голове. Потеряв сознание, мальчишка свалился на пол. Немцы швырнули его на подоконник и несколько раз облили керосином с головы до ног. От резкого запаха он стал медленно приходить в себя.

Мимо окна санитары пронесли на носилках бледного, как мел, истекающего кровью Шульца.

— Эй, Вильгельм! — окликнул его из башни один из солдат. — Хочешь взглянуть на соплика, который прострелил твою жирную бочину?

Превозмогая боль, Шульц поднял взгляд на сослуживцев, стоявших в окне башни, сильно побитой пулями, минами и танковыми снарядами. Мальчишка тем временем открыл глаза и попытался подняться. Один из немцев спешно выплеснул на него остатки керосина, другой чиркнул зажигалкой и бросил её Новицкому на живот. Тот вспыхнул, как лучина, с оглушительным криком вскочил на ноги и, оступившись на краю окна, вывалился на улицу.

Гитлеровцы уселись на разбитый подоконник и закурили, с интересом наблюдая за горящим у основания

башни русским подростком. Тот истошно кричал, размахивал руками и катался по земле в тщетных попытках сбить пламя.

На улице гулко скрипнул тормозами песочного цвета «кюбельваген», изрядно побитый пулями и осколками в утренних боях на ближних подступах к городу. Из него, не дожидаясь полной остановки, выскочил командир полка оберст-лейтенант Альфред Шэффер.

— Эй, вы двое, — небрежно крикнул он на ходу куращим в окне, — быстро вниз! — и, не поворачиваясь к подскочившему к нему майору, командиру батальона Хайнцу Краузе, стальным голосом спросил:

— Сколько погибших?

— Семнадцать, господин оберст-лейтенант, — виновато промямлил тот. — Ещё восемь тяжело ранены. Мы решили, что путь свободен и...

— И как всегда облажались. Я знаю, — в спокойном бешенстве проговорил командир полка. — Вы что, два часа не могли справиться с малолетним сопляком? Да ещё столько людей положили! Я не потерплю подобного бардака, господин Краузе.

— Это он? — спросил Шэффер, подходя к обугленному трупу.

Чёрные волдыри ожогов покрывали почти всё тело. Только нога с торчащими из-под кожи костями, сломанная от падения со второго этажа, и клочок светлых волос на самой макушке остались нетронутыми огнём. Мальчишка лежал на животе, уткнувшись обгоревшим и окровавленным лицом в сухую горячую землю, усыпанную гильзами из его пулемёта.

— Да, он самый, — сказал Краузе.

— Вытащите это маленькое дерьмо на середину улицы. Пусть все видят, чем заканчивается сопротивление

войскам вермахта. Рядом прибейте плакат, что каждого, кто будет замечен при попытке его похоронить, расстреляют на месте. Пусть русские свиньи знают, что их ждёт.

II

Грузные силуэты пассажирских транспортов «Суджук» и «Маркотх» были едва видны из-за многотысячной толпы на Каботажной пристани. Обезумевшие от страха люди, навьюченные сумками и чемоданами, яростно напирали друг на друга, толкаясь и истошно крича. Местами среди всеобщего гама и ругани вспыхивали драки. Кто-то задыхался, терял сознание и падал в чудовищной давке — таких затаптывали насмерть. Возле узких трапов и без того плотная толпа смыкалась ещё сильнее. Под её натиском стоявшие на самом краю пристани срывались в море и беспомощно проваливались в высокие серо-зелёные волны. Кому посчастливилось не захлебнуться и не покалечиться между бетонной стенкой причала и крутым густо заросшим бурыми водорослями бортом, выползали на набережную с разбитыми головами и порезанными о ржавую арматуру руками, чтобы попытаться вновь протиснуться к судну.

Полина Щербакова крепко сжимала ладошку десятилетнего брата Вани, чтобы он не потерялся в беснующейся толпе.

— Быстрей, Полина! — подгоняла её мать, бредущая сзади с огромным холщовым мешком за спиной. — Уже совсем близко стреляют.

— Раздавят нас здесь, мам, — отвечала ей девушка.

— Иди живее! — приговаривала мать. — Не свои, так немцы раздавят.

Полина пропустила брата вперёд и, положив руки ему на плечи, начала активнее проталкиваться с ним к месту посадки.

На «Маркотхе» надсадно взывала сирена и загудели машины. Из-под кормы сначала медленно, а затем всё жёстче и стремительнее поползли бурлящие потоки воды, разбиваемые бежевыми струями морской пены. Капитан с мостика грозно проорал в громкоговоритель:

— Назад, товарищи! Судно переполнено. Всем места не хватит. Не задерживайте нас. Чем скорее мы уйдём, тем раньше вернёмся за остальными.

Услышав эти слова, толпа с удвоенной силой ринулась вперёд. Самые отчаянные пытались запрыгнуть на перегруженный борт прямо с берега, но ухватиться за леера и канаты удавалось не всем. Многие, стукнувшись о покатый фальшборт, соскальзывали и падали в море. Видя, что его призывы бесполезны, капитан в ярости прокричал матросам на полубаке:

— Руби носовые!

После нескольких крепких ударов топорами концы корабельных канатов беспомощно провисли в широкие волны. Сотни людей оглушительно взвыли от отчаяния. Убрать трап даже не пытались — на палубе не было места, а на нём самом, тесно прижавшись друг к другу, всё ещё стояли люди. Никто не сошёл с шаткого мостка, даже когда стало ясно, что корабль отходит. Пропась между причалом и бортом «Маркотха» резко расширилась. Конiec трапа соскользнул с берега и со скрипом провалился вниз, подняв высокий фонтан брызг и стряхнув в бугристые волны кричащих от испуга людей. Кому посчастливилось стоять ближе к борту, успели зацепиться за леера. Другие беспомощно барахтались в воде, выкрикивая проклятья и крича, чтобы их забрали. Секундой спустя ещё около сотни человек полетели в воду с пристани под напором обезумевшей толпы, увидевшей, что судно отходит, и резко подавшейся вперёд. Кто-то пытался

плыть следом в надежде, что его заметят и подберут, но, отстав, поворачивал назад.

— Один корабль уходит! — крикнула Полина. — Остался последний.

Они с матерью стали ещё напористее работать локтями в оживившейся толпе.

— Смотри, Новицкие, — приостановившись и кивнув головой в сторону, сказала Полина матери через плечо. — Тётя Таня с Нинкой.

— Давай к ним, — подтолкнула её мать. — Вместе нам будет легче.

Те уже сами заметили Щербаковых и начали продвигаться в их сторону. Две семьи дружили давно, и дети знали друг друга с младенчества. Андрей, старший брат Нины, был хорошим другом Полины, и девушки часто общались. Мать Полины Анна Васильевна работала хирургом в первой городской больнице, а отца арестовали в тридцать шестом году, и дети его почти не помнили. Татьяна Петровна, мать Вити, Андрея и Нины, преподавала математику в седьмой школе, а её муж Дмитрий Николаевич перешёл на руководящую должность в Управление морского порта. Квартиру в старинной трёхэтажной башне на Октябрьской площади Новицкие получили незадолго до войны, а Щербаковы всю жизнь прожили в одноэтажном доме в посёлке Станичка на западной окраине Новороссийска. Совсем непохожие друг на друга семьи дружили давно и увлечённо. Вместе справляли праздники, ходили в кино и горные походы. Вкус душистых шашлыков на вершине Сахарной головы, ночные купания в Абрау-Дюрсо, надрывные плачи шакалов в чёрных скалах под Геленджиком, багровые разливы закатов над Навагирском хребтом и бриллиантовые россыпи звёзд, которые можно было рассматривать ночью, высунув голову из палатки, прочно связывали их.

Потом началась война. Андрея забрали на фронт сразу после выпускного, а остальные остались дожидаться победы в Новороссийске. Только её всё не было, а сегодня, 8 сентября 1942 года, рано утром по городу разнеслась весть, что фашисты уже прошли Глебовку и скоро появятся на центральных улицах.

— Таня, Нина, вот вы где! — издали закричала Анна Васильевна. — Идите к нам! Последний корабль остался! Пойдёмте вместе.

— Забери Нину, Ань, — ответила Татьяна Петровна, протискиваясь к подруге. В её заплаканных глазах стояли слёзы. — Уходите без меня. Мне надо вернуться.

— Куда ты?! А Витька ваш где? — начала торопливо расспрашивать Анна Васильевна.

— Дома он остался. Сказал, не жди меня, мамочка, уходите с Нинкой, я только матросам помогу и догоню вас. А я слышу, немцы уже совсем близко стреляют. А его всё нет и нет. Постою ещё, подожду.

Обернувшись к дочери, она добавила:

— Иди с тётей Аней. Если мы не успеем на корабль, постарайся найти Андрея в Геленджике, он вроде там сейчас. Скажи, мама с Витькой остались в городе, у них всё хорошо. Пусть не волнуется.

В этот момент внезапно оживившаяся толпа резко отёрла говоривших женщин в сторону и быстро потащила девушек и Ваню в сторону пристани.

— Дети, не ждите меня, — прокричала им вслед Анна Васильевна. — Если сможете попасть на корабль, спасайтесь сами. Держитесь вместе, смотрите, чтобы Ваню не раздавили...

Последние слова исчезли в нарастающем гаме, и Полина, как ни высматривала мать поверх голов, не могла увидеть её.

— Ладно, пошли вперёд, — наконец крикнула она вцепившимся в неё с обеих сторон Нине и Ване. — Надеюсь, она сможет подойти к кораблю в другом месте.

Втроём они устремились к трапу «Суджука», с трудом пробираясь среди напирających со всех сторон людей.

— Тётя Таня сказала, Андрей в Геленджике? — спросила Полина у Нины в какой-то момент.

— Да, в триста пятом батальоне, — перекрикивая гул сотен голосов, ответила сзади подруга. — Вчера письмо получили.

Искры радости загорелись в Полининых глазах. Она украдкой прикоснулась к висящему у неё на шее на толстой белой нитке тонкому медному колечку, которое подарил ей перед расставанием Андрей, и бросила взгляд в сторону «Суджука». Его облупленный борт казался теперь не таким далёким и недостижимым, как до встречи с Новицкими.

— Надо спешить, — выпалила она, — иначе точно места не хватит. Корабль уже и так почти полный.

Но с каждым шагом толпа смыкалась плотнее. Полине всё яснее казалось, что им не удастся попасть на транспорт. Слёзы вступили на её глаза.

— Ничего не получится! — с досадой прокричала она Нине. — Мы здесь не сядем.

— Полина, Нина, — вдруг заговорил Ваня, — помните, как мы лазили с Андреем по канатам? Смотрите туда.

Девушки оглянулись, куда показывал мальчик. С кормы «Суджука» на пристань был переброшен толстый канат. По нему отчаянно карабкались несколько человек. Кто-то срывался в воду, но кому-то удавалось зацепиться за борт. К тому же на юте пока ещё не было такой сильной давки, как на носу.

— Другого выхода нет, — сказала Нина. — Пойдёмте попробуем.

Ваня первым протиснулся к огромному поржавевшему кнехту, на который был накручен толстый морской канат.

— Главное не бойтесь, — ободрил он девушек. — Надо повиснуть на руках и ногах вниз головой, — он запрыгнул на канат, как, видимо, учил его Андрей, — и в таком положении ползти.

Ваня начал ловкими рывками продвигаться к борту. Полина и Нина последовали за ним. У лееров их встретили матросы и помогли взобраться на палубу.

— Отчаянные вы девицы! — усмехнулись они. — Сюда так не каждый мужик залезает.

Анна Васильевна догнала Татьяну Петровну на выходе из толпы.

— Таня, подожди! — крикнула она. — Ты с ума сошла? Туда же нельзя возвращаться.

— Витька в башне остался. Нужно его забрать, — отвечала та, ни на секунду не замедляя шаг.

В этот момент несколько тёмно-зелёных фигур появились из-за угла первого дома на улице Рубина и уверенно пошли прямо в их сторону. Увидев их, женщины застыли в растерянности посреди опустевшей рыночной площади. Первой взяла себя в руки Щербакова.

— Уходим, быстро! — твёрдо проговорила она и попыталась взять Татьяну за руку.

Новицкая оттолкнула подругу и с яростным криком «Витя, сынок!» бросилась вперёд. Шедший впереди выпустил короткую очередь из автомата. Женщина схватилась за живот и упала на землю. Убедившись, что опасности она не представляет, солдаты быстро прошагали мимо.

— Мой Витька! Что же с ним?.. — истекая кровью и быстро бледнея, повторяла Новицкая в лицо склонившейся над ней Анны Васильевны.

Вслед за солдатами из-за угла, дребезжа гусеницами по горячему асфальту, выкатился танк. Набирая скорость, машина двинулась по набережной прямо на сидевших посреди дороги женщин.

— О боже! — вскрикнула Щербакова. — Таня, надо вставать! Живо!

Но та уже не могла самостоятельно подняться. Осталось лишь схватить подругу за руки и попытаться оттащить на обочину.

Анна Васильевна не успела. Обдав спёртым запахом сгоревшего топлива и размозжив гусеницами ноги Татьяны, танк остановился прямо перед Каботажной пристанью, заполненной людьми, и выстрелил. Набережная содрогнулась от оглушительного взрыва. Столб огня, пыли и кусков вырванного асфальта с грохотом поднялся в самом центре людского столпотворения. Разорванные тела и обезображенные трупы повалились в стороны.

Из всех переулков, выходящих на набережную, как и с улицы Рубина, выбегали немецкие отряды и выкачивались, лязгая бронёй, новые танки. Началась паника. Люди стали разбегаться, но повсюду натывались на кинжальный огонь. Не давая никому уйти и едва успевая менять магазины и патронные ленты в пулемётах, гитлеровцы принялись расстреливать мирных жителей.

Экипаж «Суджука» поспешно обрубил концы и отчалил. Однако к тому времени, когда набережная была устлана трупами, судно успело отойти от пристани всего на несколько кабельтовых. Давя окровавленными гусеницами тела убитых, танки начали стремительно преследовать корабль по берегу.

Едва «Суджук» развернулся между молами и лег на ровный курс к Дообскому маяку, к выходу из Цемесской бухты, в его сторону грянули несколько выстрелов. Два снаряда плюхнулись в воду, а последний попал в цель. Взрывом разворотило палубу, убитые и раненые попадали за борт.

Экипаж начал неуверенно и безрезультатно отбиваться из нескольких ППШ и единственного пулемёта ДШК на корме. Танки же пристреливались всё лучше и лучше. Помятые железные борта сотрясли ещё несколько мощных взрывов, и судно стало медленно крениться вправо.

Почувствовав, что палуба под ногами заходила ходуном, Полина испуганно вцепилась одной рукой в леер, другой в Ванину руку. Но брат вырвался и закричал:

— Не держись ни за что, мы тонем. Прыгай в воду, быстрее, — и, никого не дожидаясь, вскарабкался на сильно поднявшийся над водой левый борт и бросился с него вниз головой.

Вынырнув и выплюнув воду, он опять закричал:

— Прыгай за мной, утонешь!

Нина подскочила к Полине и схватила её за руку:

— Давай за ним. Здесь нельзя оставаться. Мы перевернёмся, и нас засосёт в воронку вслед за кораблём.

Полина, почти не умеющая плавать, не могла найти смелости отпустить надёжный и спасительный, как ей казалось, поручень. Тем временем в воду начинали выпрыгивать всё больше людей. Пересилив себя, она отпустила леер и полезла за Ниной на уже почти вертикально вздыбленный левый борт. Едва они оказались на нём, как в корму ударил очередной снаряд. Взрыв выбросил в море их обеих и ещё нескольких человек.

«Суджук», распоротый взрывами, изрешечённый вдоль и поперёк, опрокинулся кверху килем. Надстройки,

ударившие по волнам, выбросили в воздух мощный фонтан брызг. Неровно покачиваясь, массивный железный корпус начал стремительно уходить на дно, выдавливая из внутренностей крупные пузыри воздуха.

Провалившись глубоко под воду и открыв глаза, чтобы осмотреться, Полина увидела, как морскую толщу внезапно проткнули пучки длинных молочных полос — немцы начали стрелять из автоматов с берега. Одна из таких полос воткнулась в голову Нины, и вокруг тут же расплылось густое багровое пятно, взбурлённое вырвавшимся из груди воздухом. Оставляя за собой клубящийся кверху красный след, Нина пошла ко дну.

Полина вынырнула, резким движением головы смахнула с глаз мокрую чёлку и огляделась: спасшиеся с «Суджука» пассажиры пытались вплавь добраться до берега. Немецкие солдаты стояли цепью по колено в воде и расстреливали всех, кто подплывал к ним на расстояние прицельного выстрела. Вода у городского пляжа была багровой от растёкшейся крови, но обезумевшие люди продолжали один за другим плыть к берегу.

Оглушённая взрывом, растерявшаяся Полина, поддавшись общему движению, как и все, поплыла к городскому пляжу, надеясь спастись — хотя не видела ни одного человека, кому бы удалось живым выйти из воды. Вдруг она почувствовала, что её крепко схватили за ногу. Это был Ваня:

— Назад! — прокричал он, захлёбываясь на высоких волнах. — Туда нельзя!

— А куда можно? — прокричала Полина, пытаясь освободить ногу.

— От них, в другую сторону! — не отпускал Ваня. — У берега нас убьют.

— В открытое море? — не понимала Полина. — Мы же там утонем.

— Надо уплыть как можно дальше отсюда, переждать и вернуться.

— Я не смогу, — отбиваясь, кричала Полина, — я утону! Отпусти меня!

Но Ваня изловчившись схватил её за волосы и потянул за собой. Полина закричала от боли и несколько раз попыталась ударить брата, но он отбивал удары и продолжал тащить её прочь. Уставшая и подавленная, она наконец подчинилась.

Когда они отплыли почти до центра бухты, Полина заметила невдалеке ещё нескольких человек и мысленно поблагодарила судьбу, что у неё не хватило сил побороть младшего брата.

— Сейчас медленно поплывём в сторону Станички, — сказал Ваня.

— Это же далеко! — с ужасом возразила сестра.

— По-другому нельзя. Здесь нас везде убьют. Если устанешь, ложись на спину и глубоко дыши. Так можно отдохнуть. Мы с ребятами всегда так делаем, когда плываем далеко.

— Хорошо, — ответила Полина, — попробую.

Расстреляв последних пассажиров «Суджука», фашисты рота за ротой разбрелись расквартировываться в захваченном городе.

Над морем начало смеркаться, воздух заметно посвежел. Полина сильно устала и замёрзла. Всё сложнее становилось держаться на усиливающихся волнах, уже не раз она наглоталась горько-солёной воды.

— Пора, — наконец сказал Ваня, — вроде все ушли. Надо выбраться на берег около леса. Там будет проще спрятаться.

Собрав последние силы, Полина попыталась оттолкнуться от свинцовой воды ногами, но они уже едва слушались. Сильно заболела спина, повреждённая в самом начале войны осколками авиабомбы. Ваня тоже сильно устал. Помогая друг другу, они с большим трудом доплыли до берега. Больше получаса, пока совсем не стемнело, они пролежали не двигаясь на остывающем вечернем берегу. Передохнув и собравшись с силами, стали пробираться через лес домой, в Станичку. Несколько раз они видели, как за чёрными силуэтами деревьев по дороге проносились мимо них немецкие мотоциклисты, проезжали фашистские машины и танки. Почти всюду раздавались непонятные команды и звучали марши. Где-то разговаривали на своём гавкающем языке и громко смеялись немецкие солдаты.

То, что ещё сегодня утром казалось далёким кошмарным сном, уже произошло в действительности, подумала Полина. Новороссийск был захвачен фашистами. Они теперь — по чужую сторону фронта. Как бы стремительно в последнее время ни приближалась к ним линия наступления немецких войск, ей всё время казалось, что она остановится раньше, чем дойдёт до дверей дома. Вопреки всякой логике она верила в это. Верила, что никогда не заглянет за эту линию, — просто потому, что не хотела заглядывать за неё. Она и сейчас, несмотря на горькую очевидность происходящего, отказывалась осознавать, что вместе со всей своей семьёй уже стала пленницей оккупантов.

У калитки их встретила мать и тут же заплакала:

— Слава богу, вы живы, мои родные! — приговаривала она, по очереди обнимая Полину и Ваню.

— Это нас Ваня спас, — тоже не сдерживая рыданий, отвечала Полина, нежно поглаживая брата по мокрым волосам.

После короткой паузы она отстранённым, как будто не своим голосом добавила:

— Нину застрелили в море.

— И Татьяну Петровну танк раздавил, — растерянно прошептала Анна Васильевна.

Ваня за вечер не проронил ни слова. Он долго сидел на берегу и неотрывно смотрел в сторону города, окутанного пламенем пожаров и густыми шлейфами чёрного дыма.

III

Вечернее небо над Мефодиевкой, восточным пригородом Новороссийска, было плотно заложено густыми матовыми облаками. Затаившаяся за ними жёлтая луна скудно освещала обезлюдившие улицы. Доносился орудейный гул и треск пулемётных очередей.

Капитан первого ранга Георгий Холостяков с группой автоматчиков на двух автомобилях пробирался к линии фронта узкими переулками. Два часа назад ему, начальнику штаба местной военно-морской базы, позвонил генерал-майор Котов, командовавший Новороссийским оборонительным районом.

— Плохи дела, каперанг, — проговорил он мрачным упавшим голосом. — Немцы уже заняли вокзал и идут в восточную часть города, как раз в вашу сторону. Отбросьте их там.

— Извините, товарищ генерал, — не в правилах Холостякова было возражать начальникам, но ситуация требовала предельной ясности. — У меня больше нет ни одной роты. Единственная воинская часть здесь — штаб моей базы.

— Сейчас ни у кого нет людей, — с сожалением, граничащим с плохо скрываемым раздражением, процедил в трубку Котов, но тут же изменив тон, твёрдо скомандовал:

— Делайте, что хотите, Георгий Никитич, но заткните эту брешь чем угодно.

Положение действительно было критическим. Холостяков приказал собрать всё имевшееся в штабе оружие. Через несколько минут адъютант доложил, что удалось найти семь пистолетов, двадцать три ППШ,

немного гранат и несколько ящиков патронов. Холостяков отобрал среди личного состава двадцать два человека и приказал разобрать оружие. Один автомат, пистолет и гранату взял сам.

На «полуторке» и «эмке» сколоченный на скорую руку отряд двинулся в сторону города через Мефодиевку, уже оставленную жителями. Что именно теперь делать, Холостяков представлял слабо. Обстановка была очень неясной, а напрасно рисковать и уж тем более погибать не хотелось.

На Стандарте, промышленной окраине Новороссийска, начальник штаба приказал оставить автомобили и, развернувшись боевым порядком с охранением впереди и на флангах, двинуться вперёд на контакт с противником. Короткими перебежками, прикрывая друг друга из-за рассечённых осколками деревьев и обрушившихся после частых бомбёжек домов, вчерашние тыловики неуклонно приближались к линии фронта. Никто из них до сих пор не мог поверить, что она так стремительно дошла до них через пол-Европы.

Эти улицы были хорошо знакомы Георгию Никитичу. В самом начале войны его перевели сюда из Севастополя начальником штаба Новороссийской военно-морской базы. В её задачи входило морское снабжение советских войск под Одессой и в Крыму. Штаб располагался как раз на Стандарте, неподалёку от цементного завода «Октябрь». Тогда, помнится, офицер всерьёз обиделся на вышестоящих командиров, посчитав, что они ссылают его в тыл. Однако заметив, как быстро и безнадёжно рушится на западном фронте вся советская оборона, решительно взялся за подготовку своей тыловой базы к неумолимо надвигающимся боям. И оказался прав. В конце августа 1942 года после захвата немцами Одессы, Севастополя и Керчи война пришла

и в Новороссийск. Штаб пришлось срочно перевести в село Кабардинка на девятом километре к востоку от города.

Холостяков до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что по этим так хорошо знакомым ему улицам нельзя идти в полный рост и спокойно останавливаться, где захочешь. Все они были густо изрыты воронками и перегорожены завалами разрушенных домов. Даже бывшее здание его штаба лежало в руинах после прямого попадания авиабомбы.

— Хальт! — внезапно донеслось из-за железнодорожной насыпи, и в ночном полумраке мелькнули едва различимые многочисленные тени.

Отряд Холостякова тут же открыл огонь. Немцы рассредоточились и залегли за железной дорогой. Только сейчас советским бойцам стало понятно, в какую невыгодную позицию они поставили себя испуганной поспешностью. Позади них предательски тянулись лишь стены домов и высокий каменный забор, не оставлявшие никакой возможности для укрытия. Но отходить теперь было поздно — немцы открыли ответный огонь из-за насыпи. Завязалась ожесточённая перестрелка. Клёкот пулемётных и автоматных очередей, разбавляемый одиночными пистолетными выстрелами, с дробным цоканьем разносился по улице.

Георгий Никитич почувствовал тупой удар у пояса, где висел запасной диск ППШ, отлетел назад и ударился затылком о стену. В глазах у него поплыло. В размытом мерцании теней он увидел прогребовавший по железной дороге бронепоезд «Черноморец», уходящий из его родной белорусской Речицы за Днепр вслед за последним советским эшелоном. Это был март 1918 года. Он тогда вместе с другими мальчишками лежал в канаве у железной дороги, с тревогой наблюдая, как последние

красноармейцы, обречённо отстреливаясь под натиском германских кайзеровских войск, оставляли Белоруссию. Как ему хотелось убежать тогда вместе с ними. Удерживала лишь мысль об оставшихся в городе матери и младшем брате. Дома юный Георгий застал картину, которую всегда потом вспоминал с отвращением. Несколько немецких солдат, жадно чавкая, доедали яичницу, задрав на стол ноги в грязных сапогах. У него и сейчас стояли перед глазами их сапожищи с коротким голенищем и толстой подошвой, подбитой крупными медными гвоздями. В таких же сапогах фрицы явились в Россию и в 1941 году.

Через минуту еле различимая немецкая речь начала становиться громче. Сквозь едва приоткрытые веки Холостяков всё чётче различал знакомые ему шляпки медных гвоздей на подошвах вокруг. Он начал приходить в сознание и понял, что лежит навзничь посередине улицы. Склонившиеся над ним четыре немца внимательно рассматривали его нашивки и награды, должно быть, считая его убитым. ППШ лежал на животе, палец хорошо чувствовал спусковой крючок. «Пока не забрали автомат, надо действовать», — решил он. Терять было нечего.

Он вскинул ППШ и дал длинную очередь по фашистам. Трое тут же попадали в разные стороны. Тело последнего он успел подхватить, вскочив на ноги, и закрываясь им от кинжального огня немецкого отряда, стал быстро пятиться назад по улице.

Неожиданно из-за его спины ударили в сторону гитлеровцев длинные сверкающие следы трассирующих пуль. Холостяков оттолкнул от себя изрешечённый труп и бросился в темноту к своим. Выслушав быстрый доклад, что в живых осталось всего девять человек, приказал отходить дворами — было очевидно, что никакого

серьёзного сопротивления нескольким фашистским полкам группа штабистов в захваченном городе оказать уже не могла.

Неприятельская пехота в сопровождении танков занимала квартал за кварталом. В дальних концах улиц всё чаще мелькали немецкие танки и солдаты. Начальник штаба метался со своими людьми из одного переулка в другой, везде натываясь на наступающих немцев и едва успевая отстреливаться.

Единственную свою задачу Холостяков теперь видел в том, чтобы вернуться на девятый километр, доложить по закрытой связи обстановку старшим начальникам и организовать ещё один рубеж обороны. Где именно, он пока не мог решить. Георгий Никитич был до мозга костей морским человеком и отчаянным подводником. В сухопутных делах он понимал плохо, но естественным рубежом обороны, где немцам можно поставить заслон после захвата Стандарта и Мефодиевки, казалась Балка Адамовича с расположенными возле неё цементными заводами. К ней он и начал пробираться с остатками своего отряда.

Видя, как быстро немцы занимают последние районы Новороссийска и разворачивают в них свои укрепления, ещё печальнее было осознавать собственную беспомощность. Растянувшись длинной цепочкой и почти не пригибаясь из-за часто встающих то тут, то там взрывов, отряд Холостякова короткими перебежками прорывался к восточной окраине города. Смешанный треск очередей, визг пуль и звенящая россыпь падающих мин быстро заполняли улицы и переулки. Многие дома уже пылали, выталкивая из разбитых окон клубы дыма и бушующих искр.

Оставленные ими автомобили оказались целы. Штабисты успели добраться до них в тот момент, когда в конце

улицы уже появились немецкие танки и дали несколько залпов. Петляя между взрывами и обвалами рушащихся зданий, они вырвались на Сухумское шоссе и на предельной скорости помчались к цементному заводу «Октябрь», чернеющему вдали огромной угловатой глыбой.

При подъезде к главному корпусу Холостяков услышал шорох шагов и позвякивание сапог по асфальту. Было ясно, что в их сторону движется большая воинская часть. Он приказал заглушить моторы и внимательно прислушался. Порыв ветра донёс до его слуха несколько русских слов. Отдалённые голоса становились всё громче, и уже не было никакого сомнения, что это свои. Георгий Никитич вышел на середину дороги и быстрым шагом направился в их сторону. Через мгновение из-за заводских строений навстречу ему вышли несколько советских солдат и, заметив его, взяли на прицел:

— Стой. Кто идёт?

Холостяков понимал, что его морскую форму в темноте можно спутать с немецкой, поэтому не задерживаясь представился. Он сразу понял, что имеет дело с передовым охранением крупной части, развернувшейся походным строем на марше к линии фронта, а потому настроенной решительно. К нему приблизился румяный голубоглазый старшина и доложил:

— Триста пятый отдельный батальон морской пехоты, — и, присмотревшись к его нашивкам, плохо различимым в темноте, добавил:

— Товарищ капитан первого ранга.

Холостяков был не понаслышке знаком с этим батальоном, который отличился в тяжелейших боях на Тамани и последним покинул обречённый полуостров.

— Командира ко мне, — приказал он, ожидая увидеть своего старого знакомого, коренастого, крепко сложенного майора Цезаря Куникова.

— Капитан Богословский, — доложил подбежавший рослый моряк с холодными голубыми глазами и пышной шевелюрой зачёсанных назад тёмных волос.

— А где Куников? — удивился Холостяков.

— В госпитале, ранен — ответил капитан. — Я принял командование батальоном несколько часов назад для выполнения приказа заместителя командующего Новороссийским оборонительным районом Горшкова.

Расспросив капитана подробнее, Холостяков выяснил, что батальону приказано занять оборону в Мефодиевке и держать её до прихода подкрепления из Поти и Батуми в Геленджик.

— В Мефодиевке уже немецкие танки, — сказал он. — Мы видели их своими глазами. Вашими силами их оттуда не выбить. К тому же вчера фашисты захватили порт. Вы просто попадёте в мешок. Думаю, вам лучше занять оборону на Балке Адамовича.

Богословский твёрдо посмотрел в глаза Холостякову. Он явно сомневался в его праве ставить другую боевую задачу.

— К сожалению, у меня не было приказа оборонять Балку Адамовича. Извините, каперанг. Нам нужно спешить.

— Постой, — окликнул Холостяков уже развернувшегося Богословского. — Я не прощу себе, если отпущу вас на верную гибель. Где твоя служебная книжка?

Богословский расстегнул нагрудный карман и протянул книжку начальнику штаба. Холостяков раскрыл её на пустой странице и, подсвечивая себе фонариком, крупными чёткими буквами написал: «Боевое распоряжение: занять оборону в районе цементных заводов с передним краем по Балке Адамовича и удерживать рубеж до прихода подкрепления. Начальник гарнизона

Холостяков, 9 сентября 1942 г., 01:00 ночи». Возвращая книжку капитану, пообещал:

— Как только прибуду в штаб, лично доложу о своём приказе всем вышестоящим. За это не беспокойтесь. Занимайте оборону и стойте насмерть. Здесь вы будете нужнее, чем там.

Богословский внимательно прочитал запись и показал её стоявшему рядом батальонному комиссару. Они переглянулись и кивнули друг другу. Затем, не теряя времени, комбат громким чётким голосом начал отдавать своим людям приказы окапываться и занимать оборону у цементных заводов.

Едва Холостяков переступил порог, из поцарапанной брезентовой коробки телефонного аппарата штаба застрекотал раздражённый звонок. Это был Котов.

— Слава богу, вы живы, Георгий Никитич! — не скрывая радости, сказал он. — Мне уже несколько раз докладывали, что вы то ли убиты, то ли в плену.

— Честно говоря, был близок и к тому, и к другому, но обошлось. Ситуация в городе действительно катастрофическая.

— Знаю, каперанг. Знаю, — тяжело вздохнул генерал-майор. — Как раз по этому поводу собираю у себя экстренное совещание. Хочу, чтобы и вы рассказали нам о своей вылазке в Новороссийск. Вы, можно сказать, только что из самого пекла, но, к сожалению, не могу позволить вам даже перевести дух — фашисты ждать не будут. Через полчаса вас заберёт моя машина. Будьте готовы.

Когда все участники совещания собрались, генерал-майор Котов, высокий, атлетического телосложения, с крупными чертами лица, предоставил Холостякову

первое слово. Георгий Никитич вышел к висящей на стене карте и, короткой деревянной линейкой прочерчивая по ней маршрут передвижения своей группы, подробно рассказал о событиях минувшего вечера. Как и обещал Богословскому, особенно заострил внимание на встрече с его триста пятым батальоном возле цементных заводов.

— Всю полноту ответственности за их размещение на Балке Адамовича между цементными заводами «Октябрь» и «Пролетарий» несу я, — закончил Холостяков. — Об этом свидетельствует письменное распоряжение в служебной книжке капитана Богословского за моей подписью.

— Простите, каперанг, а чем вы руководствовались, принимая это решение? — вдруг спросил неизвестный ему офицер Особого отдела НКВД. — Разве вы имели право отменять приказ Горшкова?

— В первую очередь тем, товарищ полковник, что оперативная обстановка серьёзно изменилась. Я видел это собственными глазами. На той улице, где ещё две недели назад спокойно стоял штаб вверенной мне базы, я получил вот это.

Холостяков расстегнул портфель и вытащил из него диск ППШ, спасший ему жизнь. Из него выпукло торчали три немецкие пули. Положив диск на стол, чтобы все могли его рассмотреть, он продолжил.

— К тому времени, когда я встретил триста пятый батальон, Стандарт и Мефодиевка полностью были в руках противника. Немцы ввели туда танки и создавали укрепления. Драться за эти районы уже не имело практического смысла. Восточнее же, — Холостяков с нажимом ткнул в карту линейкой, — расположена Балка Адамовича, удачно сочетающая в себе несколько преимуществ. Во-первых, горы здесь ближе всего примыкают к морю.

Остаётся лишь незначительный просвет, который немцы не смогут атаковать всеми имеющимися у них силами одновременно. Значит, их численное преимущество будет нивелировано. Во-вторых, высокие толстые стены цементных заводов — хорошая крепость, обороняться в которой проще, чем на улицах захваченного врагом города.

— Вы так хорошо разбираетесь в тактике сухопутного боя? — не унимался особист. — Похвально для моряка.

— Каперанг принял единственно верное в тот момент решение, — прервал его Котов. — Я сам, старый пехотинец, поступил бы точно так же.

Он поблагодарил Холостякова за доклад, движением руки попросил его занять место за столом и продолжил сам:

— Новороссийск, который мы сегодня потеряли, товарищи, оставался для немцев последней серьёзной преградой на их пути к Кавказу. Наши люди дрались отчаянно, но войск, чтобы создать здесь прочный фронт, не хватило. У противника остаётся огромный численный и огневой перевес. Пяти их дивизиям противостоят по сути всего две наши бригады морской пехоты да горстка разрозненных отрядов. Логика действий генерал-лейтенанта Руоффа сейчас предельно проста — окончательно дожать нас здесь и прорваться на Сухумское шоссе.

Генерал-майор показал на карте дорогу, идущую вдоль берега моря из восточной части Новороссийска в Геленджик через Балку Адамовича.

— Мы должны остановить их здесь любой ценой. Позади нас до самой турецкой границы не осталось ни одного боеспособного советского соединения. Немцы это знают. Если они пройдут здесь, то уже не остановятся нигде до самого Закавказья.

Блестящей указкой он медленно провёл по карте длинную линию от Новороссийска до южных регионов Грузии.

— Если в войну вступит ещё и Турция, то вместе с немцами и румынами они легко парализуют бакинские и грозненские нефтепромыслы. Тогда советские танки встанут без топлива по всему фронту от Мурманска до Сталинграда. И войне конец. Всем нам конец, — строго закончил генерал-майор.

В кабинете повисла долгая пауза.

IV

Едва батальон Богословского успел занять позиции на обозначенном Холостяковым рубеже, на восточной окраине города длинной линией замелькали сдвоенные пучки света. Это были фары немецких грузовиков, медленно тянувшихся из Новороссийска дальше на восток.

Комбат внимательно наблюдал за бесконечными изгибистыми потоками в бинокль, стоя в дверях товарного пульмановского вагона, занятого им под штаб батальона. В ночной темноте невозможно было рассмотреть деталей, но накопленный в тяжелейших боях опыт подсказывал ему, что фашисты не собираются атаковать. Посчитав советскую оборону полностью уничтоженной, они сели в грузовики и двинулись дальше. Для них, завоевателей Европы и Северной Африки, стало привычным делом спокойно ехать вперёд, не встречая серьёзного сопротивления.

Однако капитана сейчас смущало не это. Не в правилах фрицев было воевать и перемещаться ночью. Безотказная военная машина Третьего рейха, работавшая, как часы, была эффективна, но предсказуема. Активные действия фашисты начинали утром. К вечеру, захватив намеченные рубежи, переходили к обороне. Ночью, выставив охранения и дозоры, отправлялись спать. На следующий день всё повторялось. Раньше восхода солнца Богословский не ждал их и в этот раз.

Что же заставило их изменить своим правилам? Они ведь только что взяли крупный город с множеством брошенных домов и военных объектов. Элементарная логика подсказывала остаться им там до утра, отдохнуть, подтянуть резервы, перегруппироваться и ударить как

обычно, на рассвете. Но они зачем-то прямо сейчас пошли дальше. Значит, их боевая задача ещё не выполнена? Значит, не Новороссийск нужен был им сегодня? Что же тогда?

«Шоссе!», — вдруг понял комбат. Они всеми силами пытаются успеть занять шоссе, пока его не перекрыли советские части. Ту самую дорогу, на которой стоит сейчас его батальон — последний на всём её протяжении.

Выдвигаясь несколько часов назад из Геленджика в сторону Новороссийска, комбат планировал противопоставить фашистам подвижный огневой рубеж, который будет останавливать врага, наносить ему потери и, маневрируя, откатываться назад, чтобы через некоторое время вновь возникнуть перед ним в неожиданном месте. Так, медленно пятась по Сухумскому шоссе и изматывая противника в коротких стычках, он рассчитывал задержать немцев до подхода подкрепления. Теперь же, после встречи с Холостяковым и получения нового приказа, после того, как своими глазами увидел неестественную спешку фрицев, он понял, что сорвать планы гитлеровских генералов можно лишь прямо противоположным образом — стоять насмерть здесь и только здесь. Каждый метр этой дороги, доставшийся врагу, будет гвоздём в крышку гроба всей малочисленной советской группировки на подступах к Кавказу.

— Командиров рот ко мне, быстро, — скомандовал Богословский, резким движением отрывая глаза от бинокля.

— Ситуация изменилась, товарищи, — быстро сказал он, когда все собрались. — Забудьте про тактические отходы. Они будут лишь на руку фашистам. Ни шагу назад! Слышите? Доведите это до каждого бойца.

Обернувшись к командиру артиллерийской батареи, он приказал:

— Навести орудия на дорогу. Встретим их прямой наводкой.

Командир артиллерии, быстро выкрикнув «Есть!», выскочил из вагона и исчез в темноте.

— После того, как мы разобьём машины, они скорее всего отойдут, — продолжил комбат, — а потом наваяются на нас уже всей своей мощью. Это будет тяжелее всех наших предыдущих сражений вместе взятых, но надо выстоять. Отступать нельзя. Каждой роте приказываю оборудовать пулемётные гнезда и выставить снайперов. Вы, — Богословский посмотрел на командира третьей роты, — посадите пулемётчика на башне цемзавода «Октябрь». Это единственная наша верхняя точка, её нужно использовать по максимуму. Пошлите туда Андрея Новицкого, он лучше всех управяется с пулемётом. Остальное по ходу боя. Времени больше нет. Занять позиции.

Вслед за остальными Богословский вышел из вагона и ещё раз взглянул в бинокль в сторону немцев. Грузовики заметно приблизились. Теперь можно было различить лица солдат, сидевших в тускло освещённых кузовах на длинных в два ряда скамейках. На них не было улыбок или самодовольной победной уверенности — только усталость и безразличие. Трясаясь на ухабах и толкая друг друга лежащими на коленях автоматами, одни из них дремали, прислонившись головой к плечу соседа, другие с унылой тоской смотрели вдаль.

— Орудия готовы, — доложил артиллерист. — Прицелы выставлены.

Богословский подождал, пока колонна подползёт ближе, и уже не заботясь о маскировке, громко прокричал:

— Батарея! Огонь!

Глубокий грохот, острые вспышки — на освещившихся заводских стенах скрученными узорами мелькнули чёрные словно резные тени деревьев. Секунду спустя гулко дрогнула земля. Из немецких машин, вмиг охваченных клубами оранжевого огня, полетели куски искорёженного железа и горящие обломки. С перевернувшихся грузовиков соскакивали уцелевшие фрицы, скатывались на обочину и начинали беспорядочно стрелять, но советские бойцы тут же встречали их пулями.

С чердака серой густо побитой осколками авиабомб заводской башни из-за щитка пулемёта следил за завязывающимся боем сержант морской пехоты Андрей Новицкий. В наскоро выдолбленной в толстой стене амбразуре лежала штыком наружу готовая к стрельбе винтовка. Посчитав её сейчас более эффективной, Андрей с быстрым щелчком передёрнул затвор и прильнул к прицелу. Первого он легко взял на мушку, и тот с простреленной головой скатился к морю по крутому каменному обрыву. Второго, стоящего за машиной, он ранил в ногу. Тот выпал из-за укрытия и тут же был застрелен кем-то другим.

Комбат, стоя возле своего штаба, внимательно наблюдал за происходящим и раздавал быстрые короткие указания. Он хорошо видел, как дрогнули первые ряды немцев и как они, бросая оружие, побежали назад. В бинокль он разглядел разворачивающиеся в хвосте колонны машины — объезжая друг друга по обочинам, они спешно уходили обратно в город.

Неожиданно всё стихло. Казалось, тишина ударила по барабанным перепонкам сильнее взрыва. Богословский осмотрелся и понял, что разбежавшиеся немцы уже далеко, и его солдаты перестали стрелять, потому что больше не видели врага перед собой. На распаханной взрывами дороге догорали немецкие автомобили,

два танка и вытекшее из них топливо. Тем слышнее и отчетливее, словно подчёркивая надвинувшуюся ночную тишину, ахнул издалека одинокий винтовочный выстрел. В полуметре от головы комбата пуля со злобным треском пробила стенку вагона. Несколько секунд спустя во мгле сверкнула ещё одна вспышка. Богословский бросился на землю. Вторая пуля со звоном впечаталась в металлическую перегородку вагона в том месте, где секунду назад маячила его голова.

— Не поднимайтесь, комбат. Я его вижу, — услышал он тихий спокойный голос. Это был старшина первой статьи Филипп Рубахо, который лежал между рельсов под вагоном и, затаив дыхание, сосредоточенно глядел в оптический прицел винтовки.

Из ночной черноты раздался ещё один хлопок, и в ту же секунду Рубахо тоже выстрелил. В тусклых полосках света, вырывающихся из простреленных стенок штаба, ещё кружились выбитые немецким снайпером щепки, как старшина доложил:

— Убит, товарищ комбат. Можно подниматься.

Богословский понял, что неправильно выбрал место для штаба. Даже с изгиба дороги, куда отступили немцы, его массивный пульман был виден как на ладони. Много ли толку, что тебе открывается хороший обзор всего участка, если в любой момент тебя изрубят в капусту даже с дальних подступов?

Отсчёт времени пошёл на минуты — фашисты могли вернуться в любой момент. Комбат приказал переместить штаб вглубь обороны и пошёл по позициям. Он хотел лично проверить боеготовность солдат и отдать последние распоряжения. Осмотрев пулемётное гнездо Новицкого на башне цемзавода, он приказал втащить ему несколько дополнительных ящиков патронов. Этому бойцу он особенно доверял. Андрей был коренным

новороссийцем. На войну ушёл с первого её дня, сразу после выпускного, оставив дома всю семью — родителей, младшего брата и сестру. Воевал под Одессой и в Крыму, и теперь, получается, вернулся туда, откуда начал. Каждый резкий поворот подвижной головы, пристальный внимательный взгляд карих глаз, казалось, ясно говорили: «С самого начала войны я только отступал. Но здесь так не будет! Свой родной город я не отдам и буду драться за него до последней капли крови!». Богословский знал, что Новицкий не уйдёт со своего места, даже если под немецким натиском погибнет или разбежится весь батальон. Именно поэтому он распорядился поставить его на самую важную и опасную точку.

Тупые удары выстрелов отдалённых немецких батарей заставили комбата прервать обход позиций и спешно вернуться на передовую. Дальнобойные снаряды с утробным урчанием просверлили воздух и с глубоким грохотом разорвались на ближних подступах. Земля туго качнулась и испуганно задрожала под первыми ударами.

Немцы оправились раньше, чем ожидал комбат. Перестроившись боевым порядком, они вновь появились на шоссе. Теперь уже хорошо слышался жадный лязг танковых гусениц по асфальту. За бронёй, пригнувшись, семенили бойцы бессмертного, как они считали, рейха.

Словно вымещая злобу из-за невозможности проехать по шоссе, фашисты начали хлестать по Балке Адамовича всеми калибрами. Кометой сверкнул в воздухе и с хрустом разломился над головами пристрелочный бризантный снаряд. Его осколки жадно зачавкали по земле. Заурчали из ночной глубины немецкие шестиствольные миномёты. Рассекая темноту и закручиваясь раскалёнными спиралями, заблестали дымные хвосты реактивных мин.

С башни Андрей хорошо видел, как заплясали вокруг яркие всполохи. Из-за коротких, но частых вспышек окрестности стали видны, как днём. Разрывы сплошным частоколом вонзались в землю, и почти вся линия обороны батальона исчезла под высокими чёрными выбросами, подсвеченными изнутри багровым пламенем. Оранжевые клубки огня зло расшвыривали измельчённый грунт и резко шибали горячими нахлёстами. Пот потёк по воспалённому лицу Новицкого. Глаза заслезились от ослепляющих огненных ударов. В накалённом, пропитанном смертью воздухе со свистом разлетались искрящиеся, брызжащие жаром осколки. Взрывы безжалостно испарывали землю, и вздыбившийся, разламывающийся на лету асфальт тяжёлыми комьями падал на головы ещё живых и мёртвых.

В заводской двор, куда выходила амбразура, с оглушительным грохотом шарахнул снаряд. Через узкую щель сильно обдало ударной волной, и Андрей почувствовал, как мощно зашатался под ним пол. Он смахнул ударивший в глаза песок и взглядевшись увидел первые ряды немцев. В своей зелёной униформе и в такого же цвета касках в слабых огнях ночного боя они казались совершенно чёрными.

Приблизившись на расстояние уверенного выстрела, фашисты начали поливать советские позиции из автоматов — от бедра, практически не целясь. Их лёгкие «шмайсеры», непрерывно грохоча, выплёвывали сотни трассирующих пуль, светящихся в ночной черноте красными пульсирующими веерами, полосовавшими воздух, скрешиваясь и чередуясь.

Подпустив фашистов ближе, Андрей взял на прицел первую цепь и надавил на гашетку пулемёта. Длинная очередь выкосила центр немецкой фаланги. Фашисты попадали на спины отброшенные пулями.

Бой разгорался с редкостным ожесточением. Воздух пропитывался запахом гари и наполнялся кипящим свинцом. Осколки и пули кромсали деревья и обгрызали бетонные стены, со свистом проносились над головами. С ожесточённым шипением куски раскалённого металла втыкались в землю, высоко подбрасывая в воздух расколотые камни, или вонзались в напряжённые человеческие тела.

Было ясно, что немцы решили броском проломить советскую оборону и с ходу ворваться на Сухумское шоссе, где уже никто не остановил бы их шествия к Кавказу. Отброшенные на Балке Адамовича, но хорошо осведомлённые о малочисленности противостоящих им войск, они отказывались верить в провал. Им по-прежнему казалось, что будет достаточно одного усилия, короткого быстрого удара, и преграда рухнет.

Но триста пятый батальон стоял крепко. Быстро и уверенно раздавались в спёртом от дыма воздухе команды Богословского, метко пробивали фашистские головы пули снайпера Рубахо, без передышки косил немецкие ряды раскалённый пулемёт Новицкого.

К утру решимость немцев иссякла. Они отступили, смирившись, что прорваться восточнее Новороссийска с наскока не удалось.

Богословский вновь обошёл позиции, распорядился собрать убитых, оказать помощь раненым. Он видел, как сильно утомлены люди, но ничего поделать не мог. Менее двух суток назад они ещё вели тяжёлые бои на Таманском полуострове. Когда, повинувшись приказу, отступили и пришли в Геленджик, им дали три дня отдыха, но через два часа подняли по тревоге и снова бросили в бой. И этот бой, чувствовал Богословский, только начинался.

Конечно, он не мог знать, что командующий войсками 17-й армии вермахта генерал-лейтенант Рихард Руофф на срочном совещании уже обозначил Сухумское шоссе главной осью наступления всех пяти немецких дивизий, стянутых к Новороссийску и собранных в единый кулак. Однако он понимал, что следующий удар, перегруппировавшись и восполнив потери, фрицы нанесут совсем скоро, и он будет сильнее предыдущего. А за ним последует ещё один, и ещё, и ещё... И все их надо отбить.

Пятый день, не считаясь с потерями, фашисты упрямо ломились вперёд, отказываясь свернуть с избранного направления. Они не могли обойти город с севера — там преграждали путь высокие отроги Маркотхского хребта. Провести танки и остальную военную технику по горным тропам и крутым перевалам было невозможно, а пехоте с первых же дней боёв путь намертво перекрыли партизанские отряды и немногочисленные растянутые по горной цепи подразделения 47-й армии — пары винтовок или пулемёта было достаточно, чтобы надёжно запереть каждый узкий проход. Тем яростнее и злее становились последующие немецкие натиски на Балку Адамовича.

К исходу пятого дня кровопролитных боёв земля вокруг цемзаводов была испещрена чёрными оспинами рваных воронок. Трава и листья редко где уцелевших деревьев потеряли ярко-зелёный цвет — на них толстым слоем осели пыль и копоть. От товарного пульмановского вагона, недолго послужившего штабом батальона, остался лишь голый металлический остов, густо побитый пулями и осколками. Тысячи кусков раскалённого металла за несколько дней содрали с него деревянную обшивку и раскрошили все болты в узких пазах.

А люди выстояли.

Триста пятый отдельный батальон морской пехоты, не сделав ни шагу назад, продолжал держать смертельный рубеж. Потери были чудовищными. За задней стеной цемзавода «Октябрь» темнела рыхлая земля двух свежих братских могил. Рыть третью у уцелевших, истерзанных и истощённых, людей уже не хватало сил — изуродованные трупы и фрагменты тел, которые удалось подобрать после недавних атак, грудой лежали неподалёку. В короткие моменты затишья Богословский приказывал своим людям только спать или готовить оружие к новому бою. Ни на что другое сил не оставалось.

В очередной раз — бесщётный за последние дни — вдали показались длинные ряды тёмно-зелёных силуэтов. Дрожащими чёрными пятнами поползли по дороге короткоствольные танки. Сполохи ракет и косматом брызжащие разрывы бризантных расцветили раскалённое небо. Над истерзанной землёй закрутились метельные круговороты жаркого дыма. Воздух, потрясаемый новым боем, заколыхался наливающейся смертью. Гулко ударили орудия, часто и близко зашлёпали немецкие мины. Утренняя свежесть порвалась сотнями выстрелов, над траншеями повис терпкий запах сгоревшего пороха и тола. В огненных коридорах заблистали низкие трассирующие очереди ручных пулемётов и автоматов. Загрохотали гранаты, разбрасывая в стороны комья подпалённого грунта. Кто-то застонал и упал на дно окопа.

Новицкий в очередной раз перепахал очередью разбитый асфальт Сухумского шоссе, оставив на нём несколько растянувшихся поперёк дороги фигур, и перенёс огонь на подбитые немецкие танки, за которыми пытались спрятаться фашисты. Упругие пулемётные очереди вышибали из пылающих машин шлейфы искр,

раскалённый ствол скрежетал и захлёбывался. Зрачки сквозь перекрестие прицела опаляли кроваво-знойные вылеты пламени, напряжённые плечи дрожали от непрерывной стрельбы, съезжала на затылок потная окровавленная бескозырка.

Пытаясь подавить пулемёт, немцы сосредоточили огонь на башне. Миномётчики всаживали в толстую кирпичную кладку снаряд за снарядом, вздымая над заводскими стенами клубы красной пыли. Едва они рассеивались, пулемёт вновь оживал и продолжал яростно отплёвываться острым огнём.

Из-за невосполнимых потерь комбат Богословский больше не пытался держать линию фронта непрерывной. Он приказал командирам рот загнуть фланги на тех пятачках, которые они ещё могли защитить оставшимися силами, и, если нельзя иначе, драться в окружении. В образовавшиеся бреши сразу же хлынули немецкие отряды. Они медленно, но уверенно пробирались по слабо простреливаемым теперь коридорам за спину бойцам. Земля Балки Адамовича, накрытая чёрным дымом, пылала густым огнём. Всё смелее долбили по цемзаводу и окопам немецкие танки, поднимая над брустверами треугольные фонтаны земли. Вибрирующий звон осколков бритвенно прорезывал воздух.

Возбуждённый грохотом боя и жаркой дрожью раскалённого пулемёта, Андрей видел сквозь пляшущие отблески багровых вспышек, как длинные трассы выпускаемых им очередей, мягко закругляясь под напором сильного ветра, вонзались в набегающие фигуры, и те подрезанно падали на землю. По его щеке и подбородку, колко щекоча оглохшее ухо, стекала выпуклая струйка крови. Он размазывал её по грязному лицу вместе с прилипшим песком, но она вновь выступала на подсыхающей тёмно-красной корке.

Двум немецким автоматчикам удалось обойти заводскую башню и, взорвав дверь, проникнуть внутрь. Убрать советского пулемётчика теперь стало вопросом времени, и они быстро побежали вверх по крутой винтовой лестнице. Не слыша в горячке боя их шагов, Новицкий продолжал посылать очередь за очередью в нескончаемые потоки набегающих врагов.

Выбитая ногами дверь с грохотом вывалилась из проёма. Новицкий быстро оглянулся, натолкнувшись взглядом на двух ворвавшихся фашистов, но не успел схватить лежавшую на полу винтовку — те уже вскинули свои «шмайсеры».

Длинная автоматная очередь прогремела на тесном чердаке, остервенело разрывая барабанные перепонки. Немцы неожиданно повалились вперёд и рухнули замертво. Позади с дымящимся ППШ наперевес стоял Эндель Мэри, однополчанин и хороший друг Новицкого.

— Спасибо, — не веря неожиданному спасению, проговорил Андрей.

— Давай вниз, братишка, ты там нужнее, — бросил Эндель и тут же исчез в темноте проёма.

Андрей бегло взглянул сквозь амбразуру: оборона батальона была прорвана на всех участках. Немцы уже спрыгивали в окопы, завязывались ожесточённые рукопашные бои. На каждого бойца наседали по несколько фашистов, а из Новороссийска по Сухумскому шоссе бесконечно тянулись новые немецкие отряды.

Танки всё ближе подползали к советским позициям. Андрей уже отчётливо видел широкие кресты на массивных тупых башнях, пулемёты, плещущие непрерывным огнём, и длинные орудийные стволы, бегло выталкивающие лохматое пламя. Из окопов хлопали

противотанковые ружья. Фиолетовые огоньки лопались на броне танков, не останавливая их, и чёрные машины медленно наползали на траншеи, хищно вертя дрожащими башнями, со скрежетом давя блиндажи, обваливая и разутюживая гусеницами брустверы. Вслед за ними, перешагивая через тела убитых и поливая очередями в разные стороны, уверенно шагала по скользкой, мутно блестящей грязи вязких багровых луж немецкая пехота. Истребив практически весь батальон за пять дней непрерывных боёв, немцы уже были в шаге от заветной цели. Набегая под прикрытием танков и миномётов бесконечными рядами, они врывались в опустевшие окопы и добивали оставшихся морских пехотинцев.

Новицкий подхватил с пола оба немецких автомата и выскочил вслед за другом на улицу. В ближайшем окопе он увидел крупную фигуру комбата, который бок о бок с последними солдатами второй роты молча дрался против наседавших врагов. Его измазанная, как и у остальных бойцов, окопной глиной военно-морская фланка была окровавлена и разодрана пулями и осколками.

Невысокий и худой израненный Филипп Рубахо, едва держась на ногах, яростно орудовал бесполезной в ближнем бою винтовкой с примкнутым к ней штыком. Новицкий увидел, как он сильным ударом приклада в грудь оттолкнул наскочившего справа немца и тут же, отчаянно впоров клинком влево, пригвоздил к стенке окопа другого.

Убитые, уткнувшись лицами в землю и словно вцепившись в неё растопыренными окровавленными пальцами, в неестественных позах лежали в разбитых взрывами траншеях и свежих воронках, усыпанных стреляными гильзами.

Отчаяние и злость волной подкатили к горлу Новицкого. Ему не хотелось верить в разгром, но всё, что он видел, не оставляло надежды на благополучный исход очевидно последнего для него сражения. Похоже, придётся погибнуть здесь.

Он крепко, до хруста в пальцах сжал цевьё лёгкого немецкого автомата и бросился в бой. Несколько раз вокруг него взметнулось яркое белое пламя, громыхнули взрывы. Жаркий смерч колыхнулся над головой — казалось, прожёт волосы сквозь бескозырку — и горящей чёрной стеной плотно прижал к земле. Новицкий почувствовал горячий укол в ногу, но, стараясь не обращать на него внимания, вскочил и побежал дальше. Двумя короткими очередями он срезал зазевавшихся на краю траншеи фрицев и в последний момент скатился на дно окопа из-под смешанного с огнём дыма, с грохотом и звоном взметнувшегося над бруствером.

Лёгкие забило ядовитой гарью. Выроненный из рук автомат отлетел в сторону, комья земли обрушились на спину. Остатки бруствера, срезаемые пулёмётными очередями, посыпались в окоп. С замутнённым сознанием, со звоном в голове он почувствовал, что рот наполняется тёплой солёной влагой. Выплывая кровь, Андрей выхватил из сапога круто заточенную финку и врезался в скопище фашистов.

Кидаясь на пятящихся немцев, отбросив все надежды на спасение, он смирился со смертью и в отмеренные ему последние секунды хотел лишь искромсать как можно больше врагов. В иступлённом грохоте боя он не сразу заметил, что попадавшие назад гитлеровцы больше не поднялись. Через несколько секунд в окопе оказался незнакомый молодой грузин в чистой серо-коричневой советской пехотной форме и дал по сторонам

несколько длинных очередей. Спустя мгновение рядом появился ещё один и, в спешке воткнув сошки ручного пулемёта в гребень разбитого бруствера, вщёлкнул в зажимы диск и хлёсткой очередью полоснул по набегающим фашистам.

Изнаненный Андрей не в состоянии больше держаться на ногах беспомощно привалился к земляной стенке. Всё ещё не веря глазам, он видел, как к Балке Адамовича со стороны Геленджика подбегают новые солдаты. Их здоровые румяные лица, сохранившие блеск начищенные сапоги, неизношенная, ладно сидящая на крепких фигурах форма и неистёртые ремни выдавали недавно собранную, пока ещё не изнурённую в долгих неравных боях свежую силу.

Вздрыгнул и забуксовал уже почти переползший через траншею охваченный огнём немецкий танк. Через минуту несколько бойцов проскочили рядом с ним. К их поясам были приторочены громоздкие противотанковые гранаты в чехлах с длинными ручками, каких у 305-го батальона к тому времени уже не оставалось. Откуда-то сбоку ударили прибывшие на подкрепление советские миномёты. Горячее зарево безвозвратно, как ещё недавно казалось, проигранного боя широко и багряно раскинулось над Балкой Адамовича с новой силой. Андрей видел, что фашистов повсеместно вышибают из уже почти занятой ими линии обороны, как останавливаются и буксуют в чёрном дыму вражеские машины, как дрогнула и в очередной раз побежала назад их пехота.

Рядом с ним в окоп прыгнули ещё несколько бойцов. Сапог одного из них опустился прямо на затылок убитого фашиста, вдавив его голову в землю, размокшую от растёкшейся крови. Пошарив руками среди деревянных щепок и гильз, боец вытащил из-за труп

округлый дырчатый кожух немецкого ручного пулемёта и, вправив в него найденную рядом колючую железную ленту, выпустил по фрицам длинную трассирующую очередь.

V

После тяжелейшего пятидневного боя против нескольких фашистских дивизий из 619 бойцов 305-го батальона, занявшего в ночь на 9 сентября оборону у цементных заводов, живыми вышли сорок два. Все — тяжелораненые.

Нетвёрдой походкой, шатаясь и тихо постанывая от боли в кровоточащих ранах, комбат Богословский медленно уводил выживших в тыл по чудовищно распаханной, чернеющей обнажённым нутром земле.

Позади них затягивалась дымом и сверкала выстрелами Балка Адамовича. Густой смрадный воздух, раскалываемый оглушительными очередями, сотрясаемый раскатистыми взрывами, тяжело стоял над зияющими воронками и развороченными позициями, изрытыми неровными ямами. Оголённые и раздавленные танками траншеи были завалены обожжённой землёй с торчащими из неё трупами и стволами. В осыпавшихся брустверах вязли окровавленные обрывки фланок и гюйсов, россыпи закопчённых гильз, расщеплённые прямыми попаданиями приклады винтовок, деревянные ящики из-под патронов и снарядов. Из-за массивных сильно разрушенных заводских стен жутко и пронзительно веяло сладковатой гнильцой — напористый ветер короткими нахлёстами добрасывал до бойцов тошнотворный смрад начинающих разлагаться трупов, смешанный с гадким плохо рассеивающимся запахом немецкого тола.

На позиции, плотно окутанной дымом, огнём и поднятой цементной пылью, где немцам так и не удалось сломить последние остатки батальона, продолжал

гремять яростный бой — в решающий момент Холостяков успел перебросить из Поты и Батуми в Геленджик на эсминцах «Харьков» и «Сообразительный» два полка 318-й стрелковой дивизии.

С трудом преодолевая жгучую боль в простреленной ноге, ноющей при каждом шаге, Новицкий тяжело ступал по рваным металлическим осколкам, тускло поблёскивающим под его сапогами, почти не обращая внимания, как навстречу, в сторону Балки Адамовича, часто проскакивают свежие советские отряды и проносятся поднимающие облака пыли грузовики с боеприпасами. Ему было достаточно, что они выстояли, что враг не прошёл и вновь отступить больше не нужно. Знать в этот момент что-то большее ему не хотелось. Значит, у него, пока ещё живого, остаётся шанс вернуться в родной город, увидеться с семьёй и любимой девушкой. И от этой мысли его крупные белые зубы, влажно блестящие на окровавленном лице, обнажались в слабой улыбке.

Отведя остатки батальона на безопасное расстояние, Богословский приказал бойцам спуститься к морю и ждать подхода группы санитаров и врачей, уже высланных за ними из Геленджика. Едва добравшись до берега, изнурённые солдаты один за другим падали на тёплую гальку и засыпали убаюкиваемые тихим прибоем, с упорной однообразностью плещущимся перед ними в жарких солнечных искрах. Из-за скал ещё долго доносились тугие удары взрывов, яростные пулемётные и автоматные очереди. По небу тянулись удушливые шлейфы дыма. Однако теперь всё это казалось далёким и ненастоящим, словно сама судьба решительным движением всевластной руки отодвинула от них в прошлое все ужасы страшного пятидневного боя.

Перед тем как провалиться в беспамятство, Андрей бросил усталый взгляд на грузно прижатые друг к другу

величественные горы, выстроившиеся высокой зелёной стеной вдоль моря на восток — туда, где не стреляют оглушительно пушки, где воздух не пропах пряным смрадом сгоревшего пороха. Там ещё теплилась мирная жизнь, спасённая их 305-м батальоном морской пехоты, почти полностью погибшим в неравном жестоком бою, — его друзьями, с которыми ещё совсем недавно они делили миску жидкой мучной болтушки, несколько оставшихся гранат, мечтали выжить и победить.

Немногим более года назад, в мае сорок первого, он точно так же лежал здесь на камнях — в этом очень удобном для привала месте на берегу моря. Тогда болели не огнестрельные раны, а натёртые новыми ботинками ноги, и он, чтобы притупить ноющую боль, погрузил стопы в ещё по-весеннему прохладную воду. Где-то далеко в волнах плескалась с Витей и Ваней его сестра Нина, а родители с Анной Васильевной копошились под скалами с рюкзаками. Полина, тоже поставив ноги в холодную солёную воду, сидела рядом с ним и задумчиво перебирала маленькие цветные камни, которые небрежно бросал взад и вперёд беспокойный прибой.

Его отец, Дмитрий Николаевич, собрал обе их семьи — Новицких и Щербаковых — и повёл их в дальний увлекательный поход по Маркотхскому хребту. Здесь, хорошо помнил Андрей, они сделали последний привал перед тяжёлым долгим переходом. Вечером ближе к Геленджику, в восточной части Цемесской бухты, почти на самой вершине горы Пенай за Дообским маяком они разбили палатки.

После вкусного сытного ужина, приготовленного на костре и аппетитно пахшего душистым дымом, Андрей поднялся на узкий уступчик на краю крутой высокой скалы и уселся там, рассматривая окрестности. Отсюда Новороссийск был виден едва различимой

узкой полоской в западной части залива. Вокруг города и на десятки километров вокруг мускулистыми складками топорщились темнеющие в вечерних сумерках горы. Прямо перед Андреем, начинаясь где-то глубоко внизу и протянувшись до самого горизонта, распахнулись беспредельные сине-зелёные морские просторы.

Андрей любил море. Он мог часами сидеть, глядя на бескрайнюю водную гладь, дышащую освежающими солёными бризами и располагающую к размышлениям. Тогда ему было о чём подумать.

Сзади подошла Полина.

— Можно к тебе? — осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, спросила она. — Зачем ты сидишь здесь один, вдали от всех?

— Посмотри, как здесь красиво, — улыбнулся в ответ Андрей. — Сколько ни смотрю, всё равно не могу оторвать глаз.

— И правда, — оглядевшись, согласилась Полина. — Значит, будем любоваться вместе.

Она легла на траву рядом с Андреем, положила голову на его колено и тоже стала заворожённо рассматривать серо-изумрудную морскую ширь и нависшие над ней горы. Солнце тем временем, выбросив в облака последние, быстро сгоревшие лучи, спустилось за горизонт. Небо почернело, и на нём рассыпались яркие звёзды. Моря больше не было видно. Казалось, они сидят на самом краю света, над обрывом, после которого больше нет ничего, кроме вечной черноты.

Полина перевернулась на спину и, глядя на Андрея снизу вверх, сказала:

— Жаль, что так быстро стемнело, правда? Никогда раньше не видела такой красоты. Ну что, пойдём к нашим?

— Иди, если хочешь, — спокойно сказал Андрей. — А я ещё посижу здесь, подумаю.

— Ты ещё не надумался? — рассмеялась Полина. — О чём, интересно, можно так долго думать?

— О тебе, — просто ответил Андрей и, наклонив голову, посмотрел ей прямо в глаза.

Полина перестала смеяться и задумчиво прикусила губу. Полежав ещё минуту, она подняла голову с коленей Андрея и села рядом.

— Зачем обо мне столько думать? — наконец растерянно спросила она.

— Мы так давно знаем друг друга, — проговорил Андрей, — с самого детства. Ты всегда была моим лучшим другом, но мне хочется, чтобы мы были не только друзьями.

Они долго смотрели друг на друга, пока Полина наконец не произнесла:

— Наверное, рано об этом думать. Разве нам плохо и так?

— Могло бы быть ещё лучше, — ответил Андрей, поднимаясь на ноги. — Потому что я люблю тебя. Но ничего не поделаешь — на нет и суда нет.

С этими словами он шагнул к обрыву и прыгнул вниз. Ещё засветло, придя сюда первым, он заметил узкую плоскую площадку, выступающую из края скалы двумя метрами ниже уступчика, на котором они сидели. И теперь, желая разыграть Полину, он спрыгнул туда. Не успели его ноги коснуться каменной ступеньки, как сверху раздался оглушительный испуганный крик. Поняв, что перестарался, Андрей сразу же вылез обратно по пологому краю обрыва.

— Не кричи ты так! Всех вокруг перепугаешь, — шикнул он на неё и, взглянув на перепуганное лицо, не смог сдержать громкого смеха.

Растерянность и испуг сменились в глазах Полины гневом и яростью. Она с размаху всадила ему крепкую звонкую пощечину и, крикнув «дурак!», быстро развернулась и не оглядываясь побежала прочь к палаткам, чернеющим вдалеке на фоне звёздного неба. Андрей остался стоять в темноте, с досадой глядя ей вслед и потирая словно кипятком обожжённую щеку.

С того вечера — до конца похода и после возвращения в Новороссийск — Полина с ним не разговаривала. Сам Андрей, осознав позже всю глупость своей шутки, тоже стремился как можно реже попадаться ей на глаза. Несколько раз он собирался с духом, чтобы поговорить с ней, но непреходящее чувство вины быстро отбивало стремление к разговору. Тайные надежды на подходящий повод для извинений он возлагал на свой выпускной вечер, намеченный на 22 июня. «На него-то она точно придёт вместе со всеми Щербаковыми, — убеждал себя Андрей. — Там и поговорим. Раньше только хуже будет».

Однако из-за войны, начавшейся именно в этот долгожданный день, торжественные мероприятия в городе отменили. Сразу после коротких скупно обставленных школьных линеек, названных, чтобы не нарушать традицию, выпускными, парней с только что полученными аттестатами в руках выстраивали в колонны и отправляли в ближайшие военкоматы.

Всё, что не касалось войны, в эти грозные дни отодвинулось на задний план. Андрей это почувствовал и сразу понял, что солдатская судьба теперь может запросто забросить его из родного новороссийского военкомата куда угодно — от карельских сопок до украинских степей. Надо было схитрить, найти способ оказаться ближе к дому.

Сперва он подумал о флоте, но в моряки его не взяли. Тогда он попросился в морскую пехоту и к своему счастью нашёл покровителя в лице офицера, который искал пополнение для Балтики. «Ничего, — решил Андрей, — дивизий, куда могут отправить, не счесть, а флотов — всего три. Велик шанс, что выпадет Черноморский, а это уже, считай, дома».

К счастью для него так и вышло. К исходу двухмесячного курса молодого бойца Новицкий узнал, что их готовят для обороны Одессы, куда их должны перебросить в составе подразделения, приданного 157-й стрелковой дивизии.

В конце августа перед окончательными сборами для предстоящего морского броска на запад бойцам дали двухдневное увольнение. Жарким августовским вечером Андрей пришёл попрощаться с родными в их квартиру в старинной башне на Октябрьской площади, которую он никогда раньше не покидал так надолго. Несмотря на то, что война бушевала уже почти два месяца, новоросийцы не успели почувствовать её. Город оставался в глубоком тылу, и никому здесь в голову не приходило, что фронт когда-либо докатится до этих мест. Напротив, все ждали громкой победы и не сомневались в её близости.

Семья Новицких жила теми же ощущениями. Дмитрий Николаевич продолжал работать в порту, Татьяна Петровна готовилась к новому учебному году, Витя и Нина пропадали на улице с друзьями. Даже призыв Андрея в армию не сильно изменил ход этой привычной размеренной жизни. Ведь в учебно-тренировочном лагере в станице Раевской под Новороссийском, где они не раз всей семьёй навещали его, он всё равно оставался рядом с ними. Когда же Андрей переступил порог дома в обтягивающей грудь тельняшке, строгой тёмно-синей

фланке, прямых чёрных брюках, с ремнём со звездой и якорем на бляхе, бескозырке с лентами «Черноморский флот» и письменным приказом вернуться из увольнения 31 августа 1941 года для начала подготовки к десанту, в их жизнь пришли другие эмоции. Событие, о приближении которого вся семья старалась не думать и не говорить, наступило. Родители, глядя на непривычный облик сына, оторопело молчали, не зная, какие слова подобрать перед разлукой. Нина изредка бросала в его сторону тревожные взгляды и надолго выходила из комнаты. Только Витка восхищённо рассматривал военноморскую форму старшего брата и бесконечно твердил, что он тоже хочет стать морским пехотинцем и что обязательно убежит на фронт воевать, пока всех немцев не разбили окончательно.

Неловкую натянутую атмосферу, несвойственную раньше для их дружной семьи, нарушил телефонный звонок. Нина взяла трубку, недолго поговорила и окликнула Андрея. Тот подошёл к аппарату и услышал взволнованный голос Полины:

— Привет. Я слышала, ты скоро уходишь на войну?

— Да, — с грустью ответил Андрей, — завтра ещё буду дома, а потом надо возвращаться в часть, готовиться к десанту.

— Зайдёшь попрощаться? — после долгой паузы неслемо спросила она.

— Конечно, обязательно зайду, — пообещал Андрей.

— Буду тебя очень ждать. До завтра, — прошептала Полина и положила трубку.

Следующим утром, едва Андрей переступил порог дома Щербаковых в Станичке, Полина, не сказав ни слова, бросилась к нему и крепко обняла, будто они никогда не ссорились. С первых же минут их встречи она

вела себя просто и естественно, с той чистой и лёгкой открытостью, которую он всегда знал в ней и которой не переставал восхищаться за всё время их многолетней дружбы. Две их детские жизни давным-давно соединились в одну общую, со множеством дорогих для обоих воспоминаний, благодаря которым они очень хорошо понимали и чувствовали друг друга.

Теперь же Андрей с удивлением отметил, что за три месяца разлуки привычные Полинины черты как будто размылись в его памяти. Ему всё время казалось, что перед ним другая Полина — ещё более красивая и сильно повзрослевшая. Взяв её за плечи, он широко раскрытыми, почти изумлёнными глазами смотрел на неё и, как ни старался, чтобы не затягивать ненужную паузу, не мог оторвать взгляда от её живого светящегося радостью лица.

— Полина, я так по тебе соскучился, — наконец, произнёс он. — Если бы ты знала.

— Я знаю, — тихо ответила она. — Я тоже.

Они пошли гулять вдоль моря в сторону города. На улице ярко светило солнце и дул лёгкий ароматный бриз. Полина была одета в новое ситцевое платье с крупными красно-синими цветами на белом фоне с открытыми плечами и плоёной юбкой. Андрей оставил свою тяжёлую морскую робу дома и теперь наслаждался последним днём, который он мог провести в такой удобной, как вдруг показалось ему, гражданской одежде.

Они шли по многократно исхоженному их ногами тротуару, мощённому старой, давно растрескавшейся плиткой, крепко взявшись за руки и практически не разговаривая, — слова сейчас не имели для них никакой ценности. Стены двух- и трёхэтажных домов были густо увиты цепкими лозами винограда. Раньше в это время

года Андрей сорвал бы им обоим по крупной ароматной кисти, но теперь они молча прошли мимо, думая каждый о своём.

На центральной городской набережной под раскидистыми каштанами примостилась тележка местного хладокомбината.

— Давай съедим по мороженому, — предложил Андрей. — На войне меня им вряд ли накормят, — попытался сосстричь он, но Полина от шутки лишь погрузтелась.

Они доели холодные вафельные стаканчики на длинном каменном моле, на конце которого статно высился над водой крепкий приземистый маяк. Отсюда, почти с самого центра Цемесской бухты, весь Новороссийск был виден как на ладони. В этом городе и его окрестностях прошло их детство, за его пределами они оба бывали редко. Поэтому всё, что они знали и чувствовали в своей недолгой жизни, было неразрывно связано с этими огромными кранами в порту, кораблями, стоящими вдаль на рейде, рваным урезом нависающих над бухтой гор, солёным ласковым морем, беснующимися зимой норд-остами и, конечно же, друг с другом. Неотвратимо надвигающееся с каждой минутой расставание искажало эту привычную картину.

— Это же та гора, где мы ночевали в последнем походе? — спросила Полина, показывая на другую сторону Цемесской бухты.

— Похоже на то, — согласился Андрей.

Он немного помолчал и добавил:

— Извини меня за ту глупую шутку, Полин. Я не думал, что так сильно напугаю тебя.

Лёгкая задумчивая улыбка сошла с лица девушки. Ей не хотелось вспоминать тот случай, и Андрей знал это. Но и ему не хотелось уносить с собой в долгую разлуку неприятный осадок того недоразумения.

— Выбрось, пожалуйста, из головы и не вспоминай больше, — тихо попросил он. — Я уже сто раз пожалел, что решил тогда посмеяться.

— Значит, ты завёл тот разговор, только чтобы посмеяться? — разочарованно спросила Полина.

— Нет-нет, что ты, — торопливо ответил Андрей и на всякий случай взял её за руку. — Шуткой был только прыжок с обрыва. Всё остальное правда. Но какое это теперь уже имеет значение?

— Имеет, — немного подумав, ответила Полина.

Она осторожно приблизилась к нему, крепко обняла и мягко прикоснулась влажными губами к его губам. Её волосы, разбросанные порывом ветра, заскользили по лицу Андрея, накрывая волной сладкой желанной свежести. Он жадно сгрёб её в охапку и долго не отпускал.

— Я дождусь тебя, слышишь, — выпалила Полина, когда они, наконец, оторвались друг от друга. — И мы будем вместе до конца жизни, как ты и хотел.

Слёзы градом хлынули из её глаз. Она прильнула к его груди, тихо и неутешно плача. Андрей молча обнял её за плечи, и налетевший с моря порыв ветра вновь бросил ему в лицо прядь её лёгких каштановых волос. Полина цепко обвила руками его шею и плотно прижалась к внезапно напрягшемуся телу грудью. Андрей чувствовал, как высоко и упруго вздымается она от частых вздохов.

Слова, которых он ждал столько лет, так ясно и отчётливо прозвучали наконец из уст давно любимого им человека, и к ним было нечего добавить. Он был готов целую вечность простоять на этом моле, обнимая Полину и втягивая обеими ноздрями пряный, до боли знакомый запах её выующихся на ветру волос.

В жгучий воздух жаркого черноморского лета неожиданно вторгся вязкий чужой, поначалу тихий, но

очень быстро крепнувший звук. Молодые люди подняли головы и увидели стремительно надвигавшуюся из глубины голубого чистого неба огромную эскадрилью самолётов. Их широкие раскрашенные белыми крестами крылья сверкали алюминиевым блеском.

— Бежим отсюда! Быстро! — прокричал Андрей, сразу догадавшись, что маяк на моле одна из первых целей фашистских бомбардировщиков.

Зловеще гудящие над городом чёрные силуэты заметно укрупнились. Немцы начали уверенно снижаться, заходя на позицию для сброса бомб. От нескольких самолётов отделились тонкие чёрные капли и, набирая скорость, устремились вниз.

Добежать до выхода на берег Андрей и Полина не успели. Сзади раздался оглушительный грохот, в их спины ударила тугая воздушная волна, которая сбросила их с узкой полоски бетона в море далеко друг от друга. Оглушительно обдав их напоследок железным звоном мотора, самолёт круто вышел из пике в нескольких десятках метров от поверхности воды и, широко развернувшись в воздухе, снова начал быстро набирать высоту.

Сшибаемый высокими волнами от разрывающихся в воде бомб, Андрей поплыл к Полине.

— Ты цела? — прокричал он издалека.

Полина не ответила, и Андрей поплыл быстрее. Она была очень бледной, с трудом двигалась и уже почти начала тонуть, когда он схватил её за волосы и резким усилием вытащил из-под воды.

— Очень болит спина, — прошептала она и бессильно повисла на его руках.

Андрей обхватил её за грудь и, отчаянно работая всё ещё гудящими от удара ногами, поплыл на спине к берегу. Он вытащил девушку на тёплую гальку, мелко

дрожащую в чугунном гуле близких бомбовых разрывов, и осмотрел. Ситцевое платье на спине было разорвано в клочья. Смешиваясь с морской водой и сливаясь в быстрые ручейки, из глубоких ран вытекала кровь. Андрей подхватил Полину на руки и побежал к Станичке, петляя среди взлетающих на воздух домов, в оглушительном грохоте яростной бомбёжки и запоздалом вое воздушной тревоги.

Через час он, распахнув ногой дверь, появился на пороге дома Щербаковых с потерявшей сознание Полиной на руках. Анна Васильевна, поняв всё без слов, стремительным движением сдёрнула с обеденного стола скатерть со всей стоявшей на ней посудой и побежала в комнату за набором хирургических инструментов, который с начала войны всегда забирала с работы домой.

Андрей положил Полину на стол, придвинул к нему стоявшую в углу торшерную лампу, несколькими сильными рывками разорвал и отбросил промокшее окровавленное ситцевое платье, которое так понравилось ему этим утром — спокойным, ясным, не предвещавшим никакой беды.

Анна Васильевна до позднего вечера корпела со скальпелем и хирургической иглой над хрупким израненным, временами казавшимся совсем безжизненным телом дочери, вынимая из него глубоко засевшие осколки и зашивая пугающие размерами раны. Андрей и маленький Ваня, как могли, помогали ей, подавая инструменты, спирт и бинты. Наконец Анна Васильевна устало отстранилась от залитого кровью стола, несмело опустилась на стул и дрожащими руками медленно ставила с лица марлевую повязку.

— Пускай отдыхает, — еле ворочая языком, проговорила она. — Самое страшное позади.

Андрей помог отмыть Полину от оставшейся крови и переложить в кровать и пошёл домой по ночным разрушенным улицам, почти неузнаваемым после немецкого авианалёта. Повсюду чернели силуэты обваленных домов и широкие пятна глубоких свежих воронок, из которых густо несло медленно расползавшимся, ещё новым для него луковым запахом немецкого тола.

Наутро металлический треск старого будильника безжалостно выпарапал Андрея из тяжёлого беспокойного сна. Свинцовая голова наполнилась осознанием неизбежной разлуки с семьёй и Полиной. Он быстро умылся и оделся в военно-морскую форму, накануне заботливо выстиранную и поглаженную матерью. Крепко обнялся на прощание с родителями, сестрой и братом и вышел из дома раньше срока, чтобы успеть проведать Полину.

Дверь открыла уставшая Анна Васильевна. Было похоже, что она не отходила от кровати дочери всю ночь и ни на минуту не сомкнула глаз.

— Как она? — переступая порог, тихо спросил Андрей.

— Поправится, — успокоила его Анна Васильевна. — Только лучше её сейчас не будить. Ты уж извини, Андрюша.

— Ничего страшного, — ответил он. — У меня есть немного времени. Позвольте мне посидеть рядом с ней на прощание. Кто знает, когда ещё увидимся.

Анна Васильевна провела его в комнату и оставила их одних. Полина неподвижно лежала на кровати в той же позе, в какой он уложил её вчера. Только дыхание стало более глубоким и ровным. Он пододвинул стул, сел рядом и несколько минут неотрывно смотрел на ровные, правильные, казавшиеся такими родными черты

лица. Затем вынул из кармана тонкое медное колечко с выдавленной на нём надписью «Полине от Андрея» и неуверенно повертел в руках. Незадолго до их майского похода в горы, он выточил его на заводе «Красный двигатель», где три раза в неделю после школы подрабатывал слесарем. Он хотел сделать сюрприз после возвращения в город, но сперва помешала дурацкая ссора, затем начало войны. Вчера он захватил его, чтобы подарить на прощание в конце их встречи, но немецкая бомбёжка и в этот раз нарушила планы.

«Ничего страшного, — подумал Андрей, — оставляю себе как талисман. Пусть будет дело, ради которого нужно всё преодолеть и вернуться». Он аккуратно погладил пальцами мягкую Полинину ладонь, запоминая её лёгкую нежную теплоту, и, старясь не шуметь, двинулся к выходу.

— Андрей, — в утренней тишине вопросительно прозвучал за спиной напряжённый голос.

Он обернулся, и их взгляды встретились. Полина попыталась привстать, но он жестаи показал, что этого делать не нужно.

— Уже уходишь? — насторожённо спросила она, удивлённо разглядывая фланку и матово поблескивающую морскую пряжку на новеньком ремне.

Андрей вернулся к кровати и снова сел на стул. Он посмотрел на неё с ласковой нежностью горячо влюблённого человека, досадливо сжал губы и кивнул:

— Пора, к сожалению.

— Мне будет здесь очень плохо без тебя. Не хочу, чтобы ты уезжал.

— Возьми на память вот это, — Андрей вложил в её руку кольцо. — Если будет совсем грустно, посмотри на него и знай, что где-то далеко я каждую минуту думаю о тебе.

Полина примерила кольцо и грустно улыбнулась:

— Велико.

— Моя вина, — тихо улыбнувшись, признался Андрей. — Хотел сделать неожиданный подарок, поэтому не спрашивал твой размер. Точил на глаз.

— Ничего страшного, — ободрила его Полина. — Я повешу его на шею. Мне всё равно, где носить. Лишь бы знать, что это от тебя.

Андрей склонился над кроватью, крепко поцеловал её в сухие горячие губы и, едва справляясь с отчаянием в груди, вышел из дома.

VI

В кабинет Холостякова тихо, но очень настойчиво постучали.

— Войдите, — не поднимая глаз и не отрывая остро отточенного ярко-красного карандаша от карты, крикнул Георгий Никитич — он размечал боевые позиции немцев в Новороссийске в соответствии с последними данными разведки.

Дверь напряжённо щёлкнула, слышались грузные шаги.

— Каперанг Холостяков, если не ошибаюсь? — прошелестел вкрадчивый голос.

Георгий Никитич поднял глаза и увидел полковника Особого отдела НКВД, придиричиво задававшего вопросы на совещании у Котова.

— Так точно, — удивлённо ответил он. — Чем обязан?

— Моя фамилия Буров, — представился особист, выдавливая дежурную улыбку. — Я, сами знаете, из каких органов. И вот по долгу службы добрался и до вас. Позволите на пару слов?

Холостяков коротким приглашающим жестом указал на стул для посетителей перед столом. Он не любил особистов. Не только потому, что по ложному доносу провёл два года в лагере в конце тридцатых годов, но и потому, что остро чувствовал неуклюжую фальшь и неискренность в их словах.

Буров мешковато опустился на стул, положил потёртый кожаный портфель на край стола и небрежно протянул бледную руку. Это был невысокий, толстый и не по годам сильно обрюзгший мужчина. Его сутулая фигура и размашистые жесты выдавали человека

нестроевого, но маленькие въедливые глазки и циничная ухмылка говорили о качествах, видимо, способствующих карьере.

— Добро пожаловать, товарищ полковник. Но должен предупредить, что у меня не очень много времени, — сказал Холостяков, пожимая руку непрошеного гостя.

Вялость рукопожатия и липнувшая мягкость ладони дополнили неприятное впечатление. Замечая, что посетитель не спешит переходить к делу, Холостяков добавил:

— К сожалению, меня никто не предупредил о вашем визите.

— Это правильно. Чем меньше о нас знают, тем лучше, — с поддельным, одинаковым у всех особистов смешком ответил Буров. — Строго говоря, у меня к вам всего два коротких вопроса. Я недавно получил назначение в ваши края. Поэтому, во-первых, просто хотел познакомиться. Кстати, меня зовут Василий Николаевич. Надеюсь, нам предстоит долго служить вместе, поэтому давайте сразу дружить.

— Всегда к вашим услугам, товарищ полковник. А что во-вторых?

— Другой вопрос более конкретный. Только не удивляйтесь. Скажите, вы полностью уверены во всех своих людях? Не замечаете у кого-нибудь слов или поступков, которые можно толковать двояко?

— О чём вы? — не понял Холостяков.

— Я о предателях и шпионах, — пояснил, неестественно вздохнув и усмехнувшись, Буров.

— У вас есть основания подозревать кого-то из моих подчинённых?

— Если бы кого-то из ваших подчинённых подозревал я, он бы уже давно давал показания в моём кабинете, товарищ каперанг. Как вы знаете, у меня есть

полномочия арестовывать любого, — самодовольно произнёс Буров. — Я спрашиваю: вы сами кого-нибудь подозреваете?

— Нет, — твёрдо ответил Холостяков. — Я уверен в каждом своём человеке.

— А это зря, — надменно бросил особист. — Помните второе июля? Думаете, обошлось без немецких осведомителей в наших рядах?

В памяти Георгия Никитича всколыхнулись тяжёлые воспоминания. 2 июля 1942 года было вписано в боевую историю Новороссийска жирными чёрными буквами. Ранним утром он в сопровождении секретаря горкома осматривал подвалы Дворца пионеров, куда намеревался перевести командный пункт противовоздушной обороны, когда бетонные стенки подземелья внезапно затряслись крупной дрожью, с потолка посыпалась цементная пыль. Снаружи донеслись тяжёлые раскатистые разрывы. Стало ясно, что наверху рвутся авиабомбы, но сигнала воздушной тревоги не было.

Каперанг сломя голову выскочил на улицу, ожидая увидеть несколько прорвавшихся «юнкерсов», но открывшаяся картина поразила его — почти всё небо было тесно забито фашистскими бомбардировщиками, и от каждого тянулись длинные косые пунктиры сбрасываемых бомб. Мощные взрывы сотрясали город, выбрасывая облака дыма и пыли. В море круто вздымались и медленно оседали молочные столбы вспенённой воды.

Согромной задержкой воздух распорол треск советских спаренных авиационных пулемётов. Где-то совсем рядом ударили зенитки. Частые оглушительные удары толчками зазвенели в ушах, но тут же в запоздавший лихорадочный лай орудий врезался тонкий дребезжащий

звон быстро приближавшегося самолёта — «юнкерс» спикировал прямо на Дворец пионеров, и обесцвеченные дневным солнцем трассы зенитных снарядов, вылетавшие ему навстречу, беспомощно провалились в сияющую синеву неба мимо чёрного корпуса.

Прямо перед Холостяковым, тяжело колыхнув воздух, быстро вырос высокий бомбовый разрыв, взвивший в небо густой фонтан сухой земли и камней. Пыльная серая пелена, внезапно ударившая в глаза, стала последним, что Георгий Никитич увидел в тот день. Очнулся он лишь спустя сутки в госпитале.

В результате дерзкого налёта немцам удалось почти полностью уничтожить весь советский флот, стоявший в Новороссийске. Только что отремонтированный после подрыва на mine транспорт «Украина», переломленный надвое прямым попаданием, беспомощно завалился на бок и затонул посреди Цемесской бухты. У Лесной пристани отвесно осел на корму эсmineц «Бдительный». На стенку Элеваторной навалился трубами и надстройками лидер «Ташкент», который через несколько часов должен был уйти на дополнительный ремонт в Потти. Корабль горел, дымился и медленно тонул, царапая причальную стенку искорёженным металлом. Немногочисленные уцелевшие матросы едва успевали выбраться на берег с палубы, уже ушедшей под воду. Были потоплены и получили повреждения другие более мелкие суда, разрушены порт и механический цех «Красного двигателя», с начала войны работавший на военные нужды. Серьёзно пострадали многие районы города.

Слишком малой расплатой за все эти потери казались три сбитых «юнкерса».

Расследование установило, что локатор показывал крупную групповую цель почти за двадцать минут до её приближения к Новороссийску. Однако маршрут

немецких бомбардировщиков и их количество точно совпадали с маршрутом и количеством советских самолётов, которые улетели бомбить немецкие цели в Крыму и примерно в это же время должны были возвращаться обратно. Оперативный дежурный противовоздушной обороны и начальник района посчитали приближавшиеся к городу самолёты своими и не подали предупреждающего сигнала. Позже оба они были расстреляны.

— Хорошо помню, — проговорил Холостяков. — Мы потеряли много кораблей в тот день.

— Если бы только кораблей, — понимающе покачал головой Буров. — А людей сколько? На одном только «Ташкенте» почти сто человек. А сколько первоклассных специалистов? Вот, например, — он раскрыл свой портфель и извлёк из него папку с личными делами, — лучший инженер порта Дмитрий Николаевич Новицкий. Разорвало на месте. Семье даже хоронить было нечего. Или вот...

— Всё это известно, — осторожно перебил Холостяков. — Вашу просьбу понял. Буду держать ухо востро. О любых своих подозрениях проинформирую немедленно.

— Я знал, что мы найдём общий язык, — снова широко и неискренне улыбнувшись, проговорил Буров, видимо, собираясь прощаться.

— Раз уж вы сами ко мне зашли, товарищ полковник, позвольте занять ещё пару минут вашего времени, — попросил Холостяков. — Услуга за услугу, как говорится.

— Конечно, каперанг.

Георгий Никитич вытащил из ящика стола комплект немецких документов и протянул Бурову. Тот развернул пакет и стал рассматривать бумаги.

— Эти документы передал нам командир партизанского отряда «Норд-ост». Вчера вечером они уничтожили фашистскую разведгруппу у перевала Волчьих ворота. Обратите внимание вот на это удостоверение, — Холостяков показал Бурову, какое именно он имеет в виду. — Рудольф Шнайдер, если я правильно прочитал его имя.

— Истинный ариец, — усмехнулся особист, рассматривая в окровавленной книжке фотографию немецкого солдата с крупными правильными чертами лица и светлыми волосами.

Холостяков положил рядом с Буровым ещё один комплект документов, уже на русском языке.

— А это личное дело бойца бывшего 305-го отдельного батальона морской пехоты Энделя Мэри. Это тот самый батальон, о котором вы с таким пристрастием расспрашивали меня у Котова, — как можно мягче напомнил Холостяков. — Поставленный мною на Балке Адамовича он был почти полностью уничтожен в тяжелейших боях и в виду невосполнимости потерь расформирован. Несколько десятков выживших сейчас в госпиталях. Мэри — среди них.

— Как же они похожи друг на друга! — удивился Буров, продолжая внимательно рассматривать документы. — Этот ваш Мэри и Шнайдер случаем не близнецы?

— Мэри — эстонец, из семьи прибалтов-переселенцев ещё по столыпинской реформе. Его мать коренная эстонка, а отец наполовину немец. Эндель хорошо говорит и по-эстонски, и по-немецки. Перед самым началом войны приехал из Красноярска, где обосновалась его семья, в Москву, поступать в университет на лингвистический факультет. После нападения немцев его направили в Одессу на курсы военных переводчиков. Пока добрался, в городе уже завязались

ожесточённые бои, никаких курсов не было. Записался в морскую пехоту и начал воевать. Так и прошёл с боями от Одессы до Новороссийска. По-хорошему давно стоило бы отправить его на переводческие курсы в Ставрополе, но куда тут отправишь, когда каждый человек на счету.

— Интересно, — Буров ещё раз с изумлением сравнил два почти одинаковых лица в удостоверении и в личном деле. — А что вы от меня хотите?

— Вы долгое время служили в нашем посольстве в Берлине.

— Было дело, — кивнул Буров.

— У меня есть идея забросить Мэри на разведку в Новороссийск с документами Шнайдера. Не хватает кое-чего для полноты картины, — он постучал карандашом по карте. — Поможете прочитать трофейные документы, чтобы собрать установочные данные? Я, к сожалению, не знаю немецкого языка, а штатных переводчиков у нас в базе нет.

— Боюсь, я знаю его не намного лучше вас, товарищ каперанг, — признался Буров. — Видите ли, я занимался в Германии другими вещами, постоянно был занят. Было не до изучения языка.

— И там шпионы? — осведомился Холостяков.

— Они везде, — глубокомысленно ответил Буров. — Будьте начеку.

— Что ж, — вздохнул Холостяков. — Похоже, придётся тревожить в госпитале самого Мэри. А я так хотел дать ему хоть немного отдохнуть.

— Наверное, другого выхода действительно нет, — поднимаясь и пожимая на прощание руку, проговорил Буров. — Извините, что не смог помочь, каперанг. Кстати, держите меня в курсе всей этой вашей разведывательной операции. Чем больше я буду знать, тем проще

будет отследить утечку информации, если она, не дай бог, произойдёт.

— Договорились, товарищ полковник.

Проводив Бурова и закончив с картой, Георгий Никитич собрал в отдельный пакет документы убитого Шнайдера, вызвал «эмку» и отправился в санчасть. Госпиталь располагался в широком длинном бараке почти у самого подножия гор. Здесь приятно пахло чистым бельём и осенней, ещё не слишком холодной свежестью, лёгким сквозняком продувавшей помещение через широко открытые форточки.

Койки Энделя Мэри и Андрея Новицкого стояли в дальнем от входа углу. Головы и тела обоих были в бинтах, на которых тёмными пятнами багровела проступившая кровь. Эндель дремал, подложив под голову согнутую в локте руку. Андрей задумчиво и отрешённо смотрел в окно.

Снаружи тихо шелестели деревья, яркое высокое солнце изумрудно расцвечивало их тёмно-зелёную густую листву. Вдаль убегала крутая гряда гор, а слева от неё под неохватным голубым небом светился сине-зелёной лазурью бескрайний морской простор. Какой мирной и беззаботной казалась Андрею здешняя тишина — как будто тонкие птички трели никогда не заглушались свистом пуль, а золотые солнечные лучи никогда не гасли под чёрным дымом пожаров.

Сейчас Андрею была известна подлинная цена этого короткого затишья и зыбкого безмятежного спокойствия. Цена эта была поистине чудовищной — сотни жизней его друзей, остановивших врага на восточной окраине Новороссийска. За каждую секунду непрочно-го мира, когда он, раненый и беспомощный, валяется в госпитале, на чудом выстоявшей Балке Адамовича

советские солдаты и офицеры продолжают платить эту цену. Всего в нескольких десятках километров от его госпитального барака дрожит от артиллерийских взрывов земля, и холодные комья падают за шиворот затаившихся в окопах солдат. Потом начинается атака. На рыхлые стенки траншей брызгает кровь и выбитые пулями мозги. В затянутом дымом небе лопаются бризантные снаряды, осыпая людей раскалёнными кусками смертоносного железа. Вокруг густо падают мины, вырывая из остатков расплюснутых брустверных насыпей высокие фонтаны серой сухой земли. Многочисленные убитые в застывших позах лежат в окопах вперемешку с живыми и безжизненно смотрят остановившимися глазами на мужество и смерть других людей. В этом аду дерутся за его родной город грузины и сибиряки, так же, как и он когда-то дрался за Одессу и Севастополь, но не отстоял их.

Будет ли у него право винить их, если они сдадут Новороссийск? Всё ли возможное они сделают, чтобы не отдать немцам его родной дом? А всё ли от него зависящее сделал он сам в Крыму и на Тамани, защищая чужие дома?

Андрею не давали покоя эти вопросы. Он был уверен, что пока сохраняется любая возможность оставаться рядом с Новороссийском и надеяться на встречу с дорогими ему людьми, он не должен прозябать без дела. Пусть даже раненому ему найдут занятие. Он был готов делать что угодно, лишь бы оборона стала чуть прочнее, лишь бы советские войска продержались на занятом рубеже лишнюю минуту, лишь бы истребить как можно больше фашистов. Андрей хотел во что бы то ни стало поговорить с кем-то из старших офицеров, но как это сделать, лёжа на больничной койке, не представлял.

В дверях барака появился незнакомый капитан первого ранга. В контрасте наружного света и барачного полумрака издали были видны резко очерченные плотные черты лица, на котором выделялись острые зоркие глаза и широкая спокойная улыбка. Офицер окликнул пробежавшую мимо санитарку, коротко поговорил с ней, и она, недолго поискав глазами среди длинных рядов коек, вскинула руку и показала в сторону Андрея. Каперанг быстрым твёрдым шагом подошёл к Новицкому, поздоровался и представился начальником штаба Новороссийской военно-морской базы.

— Мне нужен Эндель Мэри, — сказал Холостяков.

— Это он, — Новицкий кивнул в сторону спящего друга.

Георгий Никитич поставил стул между кроватями, аккуратно сел на него и осторожно потряс Мэри за плечо. Эндель открыл глаза, заспанно осмотрелся и, заметив сидящего рядом офицера, попытался собраться с мыслями.

— Здравия желаю, — проговорил он, глядя на гостя, и после короткой заминки, рассмотрев знаки различия, добавил:

— Товарищ капитан первого ранга.

— Извини, пожалуйста, что разбудил. Моя фамилия Холостяков, — представился Георгий Никитич. — Позволь к тебе на пару слов, Эндель. Можешь не вставать, я знаю, как тебе тяжело. Намечается одно очень ответственное и опасное дело, в котором было бы весьма желательным твоё участие. Сразу скажу, что это не приказ. Можешь отказаться от всего, что я предложу. Никаких последствий не будет.

— Я вас слушаю, — ответил Мэри, привставая на кровати.

— Ты ведь хорошо владеешь немецким языком?

— Меня иногда просили переводить на допросах пленных. Никто не жаловался.

— Предстоит кое-что более серьёзное, чем допрос. Нам нужно забросить человека в Новороссийск, чтобы собрать информацию. Как ты думаешь, немцы могли бы принять тебя за своего?

Мэри задумался и после долгой паузы сказал:

— Мы никогда не жили в Германии. Конечно, я знаю немецкий язык, всё понимаю, могу говорить, но боюсь, не так свободно, чтобы сойти за немца. Да и акцент сразу выдаст меня.

Теперь задумался Холостяков. Рисковать этим парнем ему очень не хотелось, но свежие сведения об обстановке в захваченном городе были нужны, как воздух. Без них эффективно организовать оборону представлялось невозможным.

— Нам сейчас крайне важно разметить на штабных картах расположение немецких частей и отдельных объектов по ту линию фронта, — наконец, проговорил он, словно размышляя вслух. — Это вопрос жизни и смерти. Воздушная разведка даёт общую картину, но многие детали остаются неясными. Позарез нужны глаза на земле. У нас здесь так мало сил, что мы не имеем права бить мимо ясно установленных целей. И кроме тебя послать некого. Но настаивать не буду. Дело добровольное. Решай сам.

Эндель глубоко вздохнул и ответил медленно, но убеждённо:

— Я пойду, товарищ каперанг. Сделаю, что смогу, а там будь что будет. Не вечно же нам отступать. Можно симитировать ранение в голову, чтобы мне её плотнее перевязали. Если говорить не чётко, а мычать в бинты, наверное, будет не так заметно, что я не немец.

— Что-нибудь придумаем. Сымитируем, — признательно улыбнулся Холостяков. — Под присмотром врачей, естественно. Об этом не беспокойся. Но дальше всё будет зависеть только от тебя.

С этими словами он вынул из портфеля пакет с документами и протянул его Мэри.

— Это твоя легенда, Эндель. Некий Рудольф Шнайдер. Партизаны хлопнули недавно у Волчьих ворот. Изучи всё внимательно, пожалуйста, если сможешь. Завтра пришлю за тобой адъютанта, в штабе у меня обсудим подробнее.

— Разрешите обратиться, товарищ каперанг, — попросил Новицкий, замечая, что разговор подходит к концу.

— Да, конечно, — Холостяков обернулся к Андрею.

— Сержант Новицкий. Я сам новороссиец. В захваченном городе моя семья и невеста. Позвольте, если он пойдёт туда, передать письмо...

— Отставить, сержант, — резко прикрикнул Холостяков. — Ты в своём уме? Какое письмо?! — он смерил Новицкого жёстким взглядом. — Любая мелочь может стать смертельной. А ты — письмо! Нашёл почтальона! Всё, что не относится к операции, исключить. Отправлю под трибунал собственноручно к едрёной матери. Понятно? — требовательно спросил он, обращаясь к обоим.

Оба согласно кивнули.

— Разрешите другую просьбу, товарищ капераг, — снова попросил Новицкий.

— Ну, давай, — насторожённо усмехнулся Холостяков. — Только без глупостей.

— Найдите мне дело, пожалуйста. Назначьте куда-нибудь, пока я не выздоровлю. Не могу просто валяться на койке и бездельничать. Хочу хоть чем-то заниматься, хоть чем-то быть полезным.

— Твоё дело сейчас быстрее поправиться и снова встать в строй, — улыбнулся Холостяков. — Ваш батальон уже совершил немало. Родина тебе и так благодарна.

— Что мне эта благодарность? — неожиданно жёстко процедил сквозь зубы Новицкий. — Она же не поможет мне спасти родных, которые остались там — он кивнул в сторону гор, за которыми был Новороссийск.

Холостяков тревожно огляделся по сторонам, убедился, что никто, кроме них не слышит, низко наклонился над Новицким и прошептал:

— Послушай, парень. Ты молодой, горячий. Все такими были. Но мой тебе совет: думай, прежде чем что-то ляпнуть. Тут последнее время бродит один необычайно резвый особист. Донесут — сам не заметишь, как к стенке поставят. Осторожнее, ладно?

— Извините, каперанг, — так же тихо ответил Андрей. — Спасибо вам. Больше не повторится.

Холостякову начала нравиться отчаянная прямота Новицкого.

— Хорошо, сержант. Давай подумаем, как с тобой быть. Умеешь что-нибудь делать?

— Немного слесарем на заводе работал, на «Красном двигателе». Знаю всего понемногу, но освою больше, если потребуется.

— Вот и отлично. Я сейчас собираю бригаду судоремонтников, чтобы наладить в Геленджике цеха и мастерские для наших корабельных дел взамен тех, что остались в Новороссийске. Отправлю тебя туда до полного выздоровления. Тоже важная работа. На море без кораблей не повоюешь, а их у нас с каждым днём всё меньше и меньше.

— Буду ночевать у токарного станка. Не подведу вас.

— Только и ты мне услугу за услугу, — сказал Георгий Никитич, доставая из портфеля подробную карту

Новороссийска и отдавая её Энделю. — Опиши, пожалуйста, на досуге нашему будущему разведчику каждую улицу и каждый дом в своём городе. Так, чтобы он ориентировался в нём лучше, чем в родном Красноярске. Ему это очень пригодится.

Когда Холостяков ушёл, Мэри спросил у Новицкого:

— Кому ты хотел написать письмо, если не секрет?

— Полине, но...

— Напиши, — заговорщически шепнул Эндель. — Захватывай с собой.

Андрей посмотрел на друга строгим неморгающим взглядом:

— Не стоит, дружище. Действительно дурацкая затея. Забудь.

Мэри положил руку на его плечо и тихо сказал:

— Напиши, Андрей. Если не срастётся, порву, выброшу — и дело с концом. Только никому ни слова, хорошо?

VII

Низкое рассветное солнце грузно тащилось в мглистом небе над сонными горными лесами, золотя их яркими осенними красками. Новицкий, слегка прихрамывая на ещё не полностью выздоровевшую ногу, спускался к морю в сопровождении худого неразговорчивого парня, представившегося адъютантом Холостякова.

Каперанг выполнил своё обещание и определил его в только что обустроенный в Геленджике судоремонтный цех. Испытывая удовлетворение, Андрей старался не обращать внимания на октябрьский дождь и надоевшую боль в голени, выстреливающую при каждом шаге в промозглой осенней слякоти.

По обочинам дорог неслись мутные потоки. Ямы и рытвины заполнились свежими лужами, на поверхности которых, предвещая долгую непогоду, вскипала пузырями тёмная вода. Крепкие нахлёсты ветра осыпали тяжёлыми косыми струями. По запаху сырой земли, по холодным каплям, ударяющим в мёрзнувшее лицо, и по безрадостному виду отяжелевших, нависших ниже, чем обычно, облаков Андрей чувствовал, что ненастная черноморская осень, короткая предшественница ледяной новороссийской зимы, уверенно вступает в свои права.

«Как они там сейчас? Как переживут зиму? — терзался он вопросами. — Фашисты наверняка выгонят людей из домов, отберут дрова и продукты, как в прошлом году. Нельзя терять ни минуты, — подгонял он себя. — Надо спешить. Надо работать на пределе!»

Курортная геленджикская набережная, которую Андрей в последний раз видел до войны, изменилась до неузнаваемости. Она была сплошь заставлена побитыми

в боях «виллисами» и армейскими грузовиками, запружена моряками и снующими повсюду солдатами. В беспокойном море напряжённо выгибались длинные волны, приятно колющие взгляд блещущими иглами солнечных лучей. Вокруг многочисленных катеров и лодок, беззлобно толкаясь крыльями и озабоченно гогоча, скакали на воде чёрные дикие утки. Большие белоснежные чайки кружили над волнами, вырывая друг у друга из клювов куски хлеба, которые бросали им с бортов смеющиеся матросы.

Мастерская была оборудована в сколоченном на скорую руку металлическом амбаре. Знакомые Андрею старые почерневшие станки, снятые со спешно эвакуированного из Новороссийска «Красного двигателя», были установлены на новые деревянные станины, ещё белеющие светлыми срезами свежеструганных досок.

— Здесь я тебя оставляю, — сухо проговорил немногословный парень. — Мне нужно обратно в штаб базы. Дождёшься старшего механика и поступишь к нему в подчинение. Думаю, найдёте общий язык. Он твой ровесник. Должен прийти через пару минут.

Адъютант пожал Новицкому руку и вышел на набережную, широко вышагивая длинными журавлиными ногами. Андрей долго провожал его взглядом через грязное замасленное стекло, наблюдая, как тот качает при ходьбе большой головой на тонкой шее.

Тем временем солнце, растолкав окрепшими лучами ночной полумрак, оторвалось от горизонта и набрало силу. Дождь прекратился, заметно потеплело. Море окрасилось в сочные изумрудные тона.

«Всё наладится! — подумал Андрей. — Выстоим. Обязательно выстоим!»

Железная дверь за его спиной нескладно загрохотала, послышались шаркающие шаги. Новицкий обернулся

и ошарашенно уставился на вошедшего. Он сразу узнал это длинное, осунувшееся, плотно выложенное из острых костей лицо. Тот в свою очередь тоже не сводил с Новицкого немигающего, до невозможности изумлённого взгляда тесно сдвинутых к переносице глаз.

— Капустин? — наконец, еле сдерживая досаду, проговорил Андрей.

Они были одноклассниками и старыми врагами. В Капустине невероятным образом сочетались подлый мелочный нрав и хитрый изворотливый ум. Он никогда ни с кем не дружил, потому что не любил людей и избегал их, но всегда умел добиваться своего без посторонней помощи. Единственным исключением стала Полина Щербакова, которая очень нравилась Капустину, но расположения которой он так и добился. Тем неприятнее и досаднее казалась ему её лёгкая непринужденная дружба с Андреем. Тем яростнее ненавидел он Новицкого и тем сильнее возбуждал в нём ответную неприязнь. После начала войны Капустин выбил себе броню от завода «Красный двигатель», на котором никогда не работал, и смог уклониться от призыва на фронт. Это было последнее, что знал о нём Андрей, уходя в свой первый десант под Одессу в жарком сентябре 1941 года. Тогда он был уверен, что этой циничной пронырливости надолго не хватит, и тот обязательно плохо кончит, но жизнь странным образом не спешила наказывать Капустина. Как видно, отсидевшись на «Красном двигателе» первый, самый тяжёлый год войны, он благополучно эвакуировался из родного города и здесь в тылу дослужился до старшего механика.

— Да уж, не ожидал, что ещё пересечёмся по жизни, — наконец, после неловко затянувшейся паузы, ядовито усмехаясь короткими обветренными губами, процедил в ответ Капустин. — Значит, ты и есть тот самый

морпех, которому не ложится в госпитале? Что ж, можешь не объяснять, зачем тебе всё это нужно. Всё равно я твоих поступков никогда не понимал. Поэтому давай сразу к делу.

Он подошёл к длинному зелёному ящику, звонко отщёлкнул замок и распахнул крышку. Внутри плотно переложенный свалывшейся и забрызганной машинным маслом соломой темнел массивный длинный цилиндр.

— Это корпус торпеды, — показывая на ящик, пояснил Капустин, — а там в углу сложены головные части. Наша задача — вытачивать на станках зажимы — образец есть вон там, — он мотнул головой в сторону стены, где висели несколько плохо обработанных деталей, — и с их помощью крепить головные части к корпусам торпед. Всё ясно?

Андрей понимающе кивнул.

— Только осторожней точи, мастер, — зло прошипел Капустин. — Заготовок мало дают, не попортить зря. Это тебе не окоп копать, тут мозги нужны.

— Тыловые крысы уже разбираются в рытье окопов?! — вскипел Андрей, сжимая кулаки и подступая к зарывающемуся начальнику.

— Полегче, полегче, боец. Без глупостей. Я просто даю понять, что работа ответственная. Да, и последнее, чуть не забыл, — спохватился Капустин. — Иди сюда, покажу, как настраивается инерционный ударник.

Он подошёл к помятому столу, покрытому широкими разводами масляных пятен, смахнул на пол ворох закрученных металлических стружек и поставил перед Новицким головную часть торпеды. Быстрыми выверенными движениями чёрных от машинной копоти пальцев он разобрал механизм, вынул из него длинный стержень с пружиной и протянул Андрею.

— Вот так он выглядит. Прежде чем устанавливать, нужно немного растянуть вот здесь, — он взял клещи и, ухватившись за край пружины, сильно отогнул её в сторону. — Чтобы она точно не вернулась в исходное положение, можешь сделать так, — он зафиксировал ослабленную пружину двумя гайками. — Этого достаточно. Можно собирать.

— Зачем мы ослабляем взрыватель? — осторожно спросил Андрей, предвосхищая новую порцию самодовольных нравоучений, и не ошибся.

— Я же говорю, в нашем деле без мозгов не обойтись, — вновь высокомерно ухмыльнулся Капустин. — Ты знаешь, когда должна взорваться торпеда? В момент удара о борт корабля?

Андрей неуверенно пожал плечами, давая понять, что он на этот вопрос ответил бы именно так.

— Неправильно, — тут же осадил его Капустин. — Торпеда должна пробить борт и взорваться внутри корабля. Тогда разрушения будут более значительными. Но пока она проломит обшивку и застрянет внутри, пройдет время. Поэтому мы замедляем инерционные ударники.

— Почему этого не делают сразу на заводе? — не переставал допытываться Новицкий. — Разве разумно заниматься двойной работой в военное время?

Капустин поднял томный взгляд к неровно сшитому из нескольких металлических листов дрожащему на ветру потолку мастерской и проговорил демонстративно утомлённым тоном:

— Может, тебе и американскую тушёнку сразу открытой и разжёванной подавать? Спроси сам на заводе, если интересно. Заодно и мне расскажешь. Ну всё, на этом ликбез окончен. Давай за работу. И не забывай

записывать номера собранных тобой торпед в журнал под своим именем.

В кровавом свечении густого черноморского заката боевая группа под командованием Холостякова выдвинулась к перевалу. Впереди, часто останавливаясь и подолгу прислушиваясь к вечернему лесу, осторожно шагал по узкой кабаньей тропе командир партизанского отряда «Норд-ост». Чуть поодаль, стараясь не трещать сухими сучьями и не шевелить низко нависавшие ветки, шли военный врач и Георгий Никитич. На расстоянии тридцати шагов за ними два краснофлотца, тяжело дыша и сопя от напряжения на крутой сильно петляющей горной тропе, тащили на носилках Энделя Мэри, одетого в грязную истрёпанную немецкую форму. К его почти зажившим ранам, полученным в боях на Балке Адамовича, добавились новые. Два часа назад в Геленджике под присмотром медиков он получил ранения в ногу и в голову — имитационные, но почти неотличимые от настоящих.

Согласно легенде, он, рядовой вермахта Рудольф Шнайдер, чудом вырвавшийся из партизанской засады у Волчьих ворот, пытался пробраться обратно в Новороссийск, но наткнулся на отряд красноармейцев и попал в плен. Сегодня вечером ему удалось обмануть охранников, забрать их оружие и убежать. В результате погони и завязавшейся перестрелки он убил преследователей, но сам был тяжело ранен. Не сумев добраться до города, он обессилел и остался лежать на горной дороге, где его должен подобрать отряд немецких разведчиков.

— Фрицы точно там пройдут? — в очередной раз спросил у партизана Холостяков. На сердце у него было тревожно, хотелось уверенности в каждой мелочи.

— Не беспокойтесь, товарищ каперанг, — весело ответил приземистый бородатый мужичонка неопределенного возраста, замотанный в рваный грязный ватник и перетянутый обшарпанным армейским ремнем. — Фашисты, они же, сами знаете, народ такой — часы сверять можно. Мы их повадки уже как свои повыучивали. В десять с четвертью будут на той тропе, как штык, вот увидите.

Солнце тем временем глубоко провалилось за горизонт, по лесу расползалась немая мгла. Молодой месяц матово бледнел скупым отблеском за лохматыми тучами. В его безжизненном свете деревья и камни потеряли привычную очерченность. По бокам извивались ажурные тени корявых веток, резко врезавшихся в ночной сумрак. В низко нависшем тёмном небе холодно сверкали алмазные звёзды.

Эндель не отрываясь смотрел на них, ловя себя на мысли, что только здесь, на войне, среди бесчисленных страданий, в нескончаемом потоке невероятной человеческой боли, перед лицом смерти он сумел увидеть эту простую красоту, всегда доступную глазу. Почему он не замечал её раньше? Неужели в мире есть более важные дела, ради которых можно не видеть этого бескрайнего ночного неба, не удивляться его беспредельности, не понимать истинной сути человеческого счастья? Ведь подлинная радость не добывается победами в войнах, не приобретается вместе с богатством, не утверждается незыблемой правотой. Она существует всегда, везде и во всем — так же, как это безбрежное бархатно-чёрное звёздное небо. Ради чего людям убивать и грабить друг друга? Зачем они пытаются отнимать у других то, что и так у них есть? Только потому, что в своей вечно беспокойной суетливой жизни они не находят времени заметить прекрасное и разделить с другими радость обладания им?

Резкий удар о камни и острые узлы древесных корней оборвал его мысли. Партизан показал, что здесь нужно остановиться, и уставшие красноармейцы, не рассчитав силы, резче чем стоило опустили носилки на землю. От неожиданной боли Мэри застонал, но оказавшийся рядом Холостяков быстро зажал ему рот ладонью:

— Извини, Эндель. Потерпи, не выдавай нас. Немного осталось.

Подавив стон, Мэри судорожно кивнул забинтованной головой, и Холостяков убрал руку.

— Десять минут у нас есть, но не больше, — торопливо шепнул партизан. — Советую не копошиться.

Врач подскочил к Мэри, распахнул санитарную сумку и вытряхнул на землю инструменты. Быстрыми движениями острого скальпеля он принялся спарывать с ран заблаговременно намоченные, чтобы не присыхали к телу, бинты. Когда он закончил, один из бойцов протянул бутылку заготовленной накануне человеческой крови. Врач залил ею штанину немецкой униформы Мэри вокруг свежей раны в ноге, перемазал светлые волосы возле правого виска, где было симитировано ранение в голову, испачкал остатками ладони.

— Вроде натурально, как думаете? — спросил он спутников.

— Сойдёт. Кто там в темноте будет разбирать? — бросил партизан и, внимательно к чему-то прислушавшись, добавил:

— Лучше поторопиться.

Врач начал поспешно сгребать инструменты, бинты и пустую бутылку в сумку. Красноармейцы быстро, стараясь не шуметь, переложили Мэри на землю и утащили носилки в заросли леса. Партизан, приложив палец к губам, нетерпеливо замахал, давая понять, что остальным пора убираться с тропы.

Георгий Никитич бросился вслед за врачом в сторону, куда указывал партизан, но в последний момент остановился и растерянно ощупал грудной карман своего кителя.

— Чёрт бы меня побрал! — выругался он громким шёпотом. — Документы!

Он круто развернулся и побежал обратно, на ходу вытаскивая немецкое удостоверение личности. Присев у распластанного на сырой холодной земле Энделя, он стал расстёгивать нагрудный карман его кителя, но тот не поддавался. В это время где-то вдалеке, ниже по склону, слышались медленные шаги и зашелестели ветки деревьев. Каперанг быстро расстегнул верхние пуговицы и попытался затолкнуть документы во внутренний карман, но помешал сложенный пополам бумажный конверт. Он вытащил его — никаких надписей и отметок.

— Что это ещё такое, твою мать?! — гневным шёпотом спросил он Энделя, трясая у него перед лицом тускло белеющим в лунном свете конвертом. — Я же чётко сказал: никаких писем!

Сознаться в том, что за день до начала подготовки к операции Мэри заглянул в судоремонтную мастерскую, чтобы проведать Новицкого, попрощаться, заодно забрать у него письмо для Полины, было равносильно тому, чтобы собственноручно выписать лучшему другу — а может, и себе заодно — путёвку в штрафбат.

— Это я для верности написал якобы из плена вымышленное предсмертное письмо своим родителям в Берлине, — вовремя нашёлся и бойко соврал Мэри. — На немецком языке. Можете проверить.

— Нет времени проверять! — зло шепнул Холостяков, сердито вталкивая конверт с удостоверением во внутренний карман. — Почему заранее не предупредил?

Опять эта самодеятельность, чёрт возьми! Хотя идея хорошая, молодец.

За длинным изгибом тропы уже совсем близко треснули сучья, зашуршали ветки.

— Успехов, боец! — Холостяков крепко пожал руку Мэри, быстро обнял и отбежал с тропы в скрытый темнотой перелесок. Из-под его сапог хрустко выскользнули ломкие пластины мергеля и, раскалываясь на части, с шуршанием покатались по крутому каменистому склону. Снизу послышалась тупая хорошо различимая в ночном безмолвии дробь камнепада. Уверенно надвигавшиеся шаги внезапно стихли. Через несколько минут они возобновились, но по звуку было ясно, что немцы повернули назад.

Георгий Никитич с возросшим напряжением прислушивался к каждому шороху. В лихорадочном беспокойстве он крепко сжимал кулаки, отказываясь верить в провал.

Отойдя на какое-то расстояние, немцы вновь остановились, видимо, прислушиваясь и присматриваясь к ночному лесу, и затем опять начали приближаться. Однако на этот раз не по той тропе, где лежал раненый Мэри, а по другой, значительно ниже по склону.

Холостяков несколько раз крепко выругался про себя и обречённо закрыл лицо ладонями: «Ничего не получилось! Это я, неуклюжий дурак, всё испортил! Что теперь делать?» Вдруг он услышал хриплый натужный стон, отнял руки от глаз и из-за чернеющих перед ним веток заметил, как Эндель, преодолевая боль, поднимается на ноги. Тяжело и нетвёрдо ступая на подкашивающуюся простреленную ногу, зажимая рукой рану на голове, Мэри сошёл с дороги и без остановки, натываясь в темноте на кусты и деревья, побежал через лес вниз по склону со всё нарастающим хрустом

и треском. Еле сдержав крик, каперанг бросился вслед за ним в чащу. Он почти догнал его, когда пламя выстрелов ударило в глаза и пронзительный треск автоматных очередей распорол ночной воздух — услышав приближающийся шум, фашисты открыли в их сторону беспорядочный огонь. Пули быстро защёлкали по стволам деревьев. Одна из очередей резанула близко от Холостякова, сбив несколько тонких веток. Он бросился на землю и вжался в груды опавших листьев.

На тускло освещённой тропе уже можно было различить группу тёмных силуэтов. Красными веерами разлетались от них огненные следы трассеров. Пули свистели между деревьев, и в дробном клёкоте переплетающихся очередей со звоном вонзались в стволы.

Затылком чувствуя, как свинец с визгом сверлит воздух над головой, Георгий Никитич не переставал искать глазами Мэри, но в густой черноте не было видно ни зги.

Когда немцы наконец перестали стрелять, над горным лесом повисла такая оглушающая тишина, что Холостяков отчётливо услышал своё затаённое дыхание и отрывистые удары сердца. «Вот и конец! — с отчаянием подумал он. — Какого чёрта он полез на рожон, какого чёрта?!»

Впереди внезапно раздался хруст ломающихся веток, и Георгий Никитич увидел, как на тропе прямо перед разведотрядом из высоких кустов появился чей-то силуэт. Сделав несколько слабых шагов, человек упал на землю. Немцы вскинули и наставили на него автоматы, но тот поднял вверх руку, умоляюще замахал ею и что-то быстро заговорил по-немецки.

VIII

— Не стреляйте, — прохрипел Эндель и громко застонал. — Меня зовут Рудольф. Я убежал из русского плена. Пожалуйста, помогите мне.

Немцы несколько секунд стояли неподвижно, не опуская автоматов и как будто осмысливая происходящее. Затем командир отряда коротким кивком скомандовал одному приблизиться к раненому. Остальные продолжали держать Энделя на мушке.

— Мои документы здесь, — осторожно проговорил Мэри, медленно доставая из внутреннего кармана удостоверение личности и протягивая подошедшему. — Их немного залило кровью, когда меня ранили, но в них всё видно.

— Рудольф Шнайдер, — раскрыв удостоверение и подсветив себе тусклым карманным фонариком, вполголоса прочитал солдат. — 73-я дивизия 17-й армии.

Командир приказал опустить оружие. Гитлеровец вернул документы Энделю, и тот поспешно убрал их обратно в карман гимнастёрки. Пока несколько человек срубали в лесу перекладыны для носилок, фельдшер оказал Мэри первую медицинскую помощь — промыл раны и забинтовал их. Затем фашисты собрали из только что срубленных шестов и собственных ремней носилки, уложили на них Энделя и понесли в сторону Новороссийска.

Часто оступаясь на кривой горной тропе, немецкий командир, шагая рядом с носилками, подробно расспрашивал Мэри, что произошло у Волчьих ворот, как ему удалось выжить и выскользнуть из засады, как он попал в плен и как сбежал. Эндель старался не углубляться

в подробности, боясь оказаться уличённым в обмане из-за какой-нибудь мелочи. Обстоятельства были на его стороне. Израненный и уставший он мог даже не притворяться, что ему сложно говорить, — это было и так очевидно, а бинты на голове, стягивающие подбородок, как и предполагалось, делали его речь не совсем разборчивой, скрадывая русский акцент. Наконец фельдшер посоветовал командиру отложить допрос до тех пор, пока бойца не доставят в госпиталь и не предоставят необходимое лечение.

Немцы спустились с гор со стороны Мефодиевки и отнесли Энделя в подвал одного из разрушенных авиабомбами домов. Здесь командир оставил с ним высокого лопухого бойца и, приказав им обоим дожидаться медицинской машины, увёл разведгруппу дальше в город.

— Возьми подкрепиться, — сказал он на прощание, бросив рядом с Мэри немецкую, с орлом и свастикой, флягу со шнапсом и пачку галет.

Эндель благодарно кивнул замотанной бинтами головой.

Когда глаза привыкли к подвальному полумраку, он смог рассмотреть, что весь пол был завален старыми грязными одеялами, бутылками из-под шнапса и водки, рваной женской одеждой и обрывками порнографических открыток. На стене, местами забрызганной кровью, белела коряво нацарапанная фигура обнажённой девушки, курящей длинную сигарету, с косо начерченной под ней надписью «Комната удовольствий».

Мэри распирали вопросы, но по непринуждённому виду своего сопровождающего, который задремал в углу, небрежно раскинув ноги в стороны и тихо похрапывая, он понял, что для фашиста во всей этой обстановке не было ничего удивительного, а значит его любопытство

могло привлечь внимание. Он опёрся на стену и попытался ненадолго заснуть.

Снаружи донёлся грохот приближающегося автомобиля. Коротко постреливая выхлопами и громко гудя мотором, он остановился возле входа в подвал. Лязгнув металлом, распахнулись двери кузова. Послышались торопливые удары сапог о землю и редкие женские крики. Через несколько минут четверо фашистов толкнули внутрь трёх русских девушек. К груди одной испуганно прижималась девочка лет пяти.

— Кто здесь раненый из плена? — весело спросил первый вошедший. — Ты, что ли? — наклонился он над Эндемем, рассматривая раны. — Ну да, сразу видно. Здорово они тебя! Ладно, через полчаса поедем. Только развлечёмся немного. Я, пожалуй, возьму себе эту.

Он шагнул к женщине и попытался вырвать ребенка из её рук. Мать отбежала к стене и отвернулась, закрывая собой дочку. Двое, подойдя к ней, силой разжали руки и, отняв девочку, бросили своему товарищу. Женщина, громко закричав, схватила с пола пустую бутылку и разбила её о голову одного из фашистов. Тот застонал и осел на пол. Оставшимся в руке зазубренным осколком она полоснула по щеке второго — он тут же отпустил её, схватившись ладонями за окровавленное лицо, и бросилась на санитаров, уже начавшего срывать с девочки платье. Фашист выхватил из кобуры «парабеллум», коротко блеснувший в свете единственной тусклой лампочки под потолком, и почти в упор выстрелил в подбежавшую мать. Женщина отшатнулась, выронила обломок бутылки и упала. Лёжа на земле и глядя на дочку, прижатую фашистом к земле, прошептала, закрывая глаза: «Танюша...» Девочка закричала и укусила немца за руку. Гитлеровец взвизгнул и стал отчаянно колотить её по голове рукояткой

пистолета. Она разжала зубы и безжизненно распростёрлась на полу.

— Сдохла маленькая тварь, чтоб её! — с досадой прохрипел фашист и грязно выругался. — Ладно, чёрт с ней!

Он толкнул пистолет обратно в кобуру и, свалив на пол другую девушку, начал стаскивать с неё одежду. Другой, оклемавшийся от удара, нетвёрдо встал, потёр ушибленное место и направился к последней, самой молодой.

— Что ты делаешь? — отойдя от шока, решил вмешаться Эндель. — Она же ещё совсем девочка!

— Конечно! — усмехнулся тот. — Старух мы сожгли в сарае.

— Надеюсь, это было так же весело, как в прошлый раз? — подключился к разговору солдат из разведотряда.

— Не то слово! — рассмеялся стоящий в дверях санитар. — Они, оказывается, так смешно горят в своих вшивых ватниках и платочках. Я, кстати, успел сделать несколько снимков. Когда проявлю плёнку, напечатаю фотографии и для тебя тоже. Будет что показать дома.

Эндель притворился, что у него заболела голова, и застонав закрыл ладонью глаза. Конечно, его предупреждали, с чем он может столкнуться, но он не был готов, что это произойдёт так сразу и будет настолько отвратительно. Он почувствовал, как распрямляется внутри него сжатая до предела пружина ненависти, нащупал напрягшимся пальцем спусковой крючок... и вспомнил последний разговор в кабинете Холостякова.

Перед ним светила заправленная бензином снарядная гильза, стоявшая на столе в углу подробной карты Новороссийска и брызгавшая в стороны дрожащим пламенем. На другом конце стола, склонившись над картой, сидел Георгий Никитич. На его лице причудливо изгибались тени от оранжевых бликов.

— Вроде бы всё, Эндель, — устало проговорил каперанг, отодвигая в сторону подробный конспект задачи будущему разведчику. — Ты всё запомнил правильно. Теперь от тебя многое зависит. Прошу только об одном: вернись живым. Каждое твоё слово будет для нас дороже золота, потому что позволит спасти сотни и тысячи жизней.

— Я понял вас, — устало ответил Мэри. — Разрешите идти?

Холостяков внимательно посмотрел на бойца и тихо сказал:

— Позволь задержать тебя ещё на один короткий разговор, а потом пойдёшь. Уже не по карте и не по разведке, а так просто, чтобы ты ещё кое-что знал.

Каперанг встал из-за стола, жестом пригласил Энделя перейти на маленький диван в краю кабинета и принёс к низкому столику рядом с ним помятый медный чайник.

— Угощайся, Эндель, — аккуратно пододвинул Холостяков горячую кружку.

Мэри поблагодарил и вопросительно посмотрел на начальника базы. Тот не спешил начинать, сосредоточенно отпивая маленькими глотками.

— Ты знаешь, — наконец медленно выговорил он, — война застала меня в Севастополе. Мы тогда только переехали в новую квартиру, и нам не успели провести телефон. Когда объявили тревогу, до нас не смогли дозвониться. Меня разбудили соседи и передали приказ срочно явиться в штаб. Я сломя голову побежал по набережной, уже догадываясь, что бегу на войну, но не имея ни малейшего представления, с кем именно. Сперва подумал — с англичанами. Оказалось, немцы.

Георгий Никитич отхлебнул ещё и продолжил:

— В самом начале войны нам казалось, что вермахт — это армия враждебного нам, но одинакового по своей культуре государства. Тогда мы просто не понимали, кто идёт на нас и убивает наших людей. Мы наивно считали, что идут такие же люди, как и мы. Просто одетые в другую форму и говорящие на другом языке. Мы думали, что они всего лишь выполняют преступный приказ, что они, как и мы, не хотят крови и разрушений, что при виде невообразимого числа жертв они всё осознают, и с ними можно будет договориться, остановить весь этот кошмар.

Холостяков сделал крупный глоток и тяжело вздохнул.

— К сожалению, мы очень поздно поняли, кто такие фашисты. Тебе предстоит пройти сквозь настоящий ад, Эндель. Там у немцев ты увидишь очень страшные вещи. Нормальные люди на такое неспособны. Сам бы я отдал полжизни, чтобы не видеть этого зверства. Фашистская орда — это скопище уголовного сброда и ублюдков. То, что они делают, выходит за всякие пределы человеческого разума. Это неподдающаяся никакому объяснению смесь садизма, жадности и тупой скотской жестокости. Забудь всё, что ты видел на допросах. Здесь в плену они становятся жалкими, заливаются слезами, визжат от страха и бьются в истерических припадках. Под стволами наших автоматов они скулят, как шакалы, рассказывая о своих пожилых родителях в Берлине или в Вене. Дрожащими руками они трясут фотографиями жён и детей, а потом умоляют о пощаде, целуя наши сапоги. Но всё это здесь, в плену. А когда их много и перед ними безоружные люди, они совсем другие — беспощадные, наглые и весьма гордые собой. Они считают себя очень культурными и просвещёнными, потому что у них есть острые

бритвы и дорогие авторучки. И ты идёшь в самое логово, Эндель.

Мэри внимательно посмотрел на Холостякова и тяжело сглотнул.

— Они глумятся над слабыми и убивают их не потому, что видят в этом необходимость, а для удовольствия. Каждую секунду на твоих глазах будет литься кровь невинных жертв, а в ушах будут биться их предсмертные вопли. Тебе очень захочется наплевать на всё, схватить оружие и крошить без разбора этих тварей, пока пуля не оборвёт и твою собственную жизнь.

Холостяков выдержал паузу и медленно произнёс:

— По крайней мере так потребовала бы совесть любого разумного человека. Но если ты прислушаешься к ней, это станет твоей самой главной, очень глупой и неисправимой ошибкой, Эндель. Как бы цинично ни прозвучали для тебя мои слова, помни всегда, что там в одиночку никого из этих русских людей тебе не спасти. Их замучают и убьют в любом случае — в твоём присутствии или нет. Поэтому постоянно держи в голове свою цель. Не забывай, для чего ты там находишься, и выбрось из поступков, слов и даже мыслей всё, что не относится к поставленной задаче. Если надо, слейся с ними до неузнаваемости, растворишься в их толпе, говори и поступай, как они, чтобы даже самые последние отморозки среди этих уродов, грабителей и бандитов не заподозрили в тебе чужака. Добудь нужные сведения любой ценой и вернись живым. И когда я буду знать, куда именно бить, обещаю тебе, что ни один из этих подонков не уйдёт безнаказанным. Они все сдохнут в ещё больших страданиях, чем те замученные ими люди, которых ты увидишь на новороссийских улицах. Что бы ни творилось вокруг, всегда помни мои слова и не рискуй зря. И ещё верь, что мы их

победим, — добавил Георгий Никитич. — Обязательно верь, Эндель...

Мэри оторвал ладонь от лица, открыл глаза и увидел, как девушка плюнула в лицо подошедшему фашисту и закричала:

— Как я вас всех ненавижу, паршивые твари! Даже смотреть на вас противно.

Немец наотмашь ударил её по щеке, и она беспомощно свалилась, распластавшись на полу.

— Если я правильно понял по-русски, — громко рассмеялся тот, утираясь, — эта свинья не хочет меня видеть. И вы знаете, — обернулся он к остальным, вынимая из-за пояса штык-нож, — я ей в этом даже помогу.

Он всем телом навалился на девушку, прижал руки к земле ногами и, продолжая смеяться, вырезал глаза.

— Должно быть, так этой сучке будет приятнее иметь со мной дело, — прохрипел он, распарывая на ней одежду окровавленным лезвием и расстёгивая ремень на своих штанах. — Подержи её, Ганс, — крикнул он другу, начиная насиловать отчаянно извивающуюся и кричащую под ним девушку.

Тот, кого называли Гансом, подошёл и наступил ей на горло. Хрипя от боли и удушья, она схватилась руками за подошву сапога, пытаясь сдвинуть ногу. Но чем больше она сопротивлялась, тем сильнее давил Ганс. Она перестала двигаться и затихла. Кровь продолжала вытекать из её глазниц пульсирующими струями, заливая лицо и раскиданные по полу светлые волосы.

Фашист замедлил движения и, удовлетворенно выдохнув, остановился. Мутным взглядом посмотрев на штык-нож, остававшийся в руке, он с размаху всадил его прямо в сердце лежавшей под ним девушки. Её тело напряжённо выгнулось и обмякло на заваленном мусором полу.

Кряхтя и тяжело дыша, фашист сполз с трупа и, не застёгивая штанов, расслабленно развалился рядом. Он вытащил сигарету и закурил, внимательно наблюдая, как его друзья по очереди насилюют последнюю девушку. Та, совершенно запуганная, не сопротивлялась.

Мэри сидел, опершись спиной о стену, низко опустив голову и закрыв глаза рукой.

— Эй, боец! — вдруг окликнул его фашист, привставая на локте. — Как тебя зовут?

— Рудольф Шнайдер, — глухо ответил Эндель, исподлобья глядя на немца. — А тебя?

— А меня Вильгельм Шульц, — ответил тот после глубокой затяжки, процеживая сквозь зубы серый дым. — Я смотрю, здорово тебя там в горах покромсали, а?

— Я действительно серьёзно ранен, — ответил Эндель, — и честно говоря, ожидал, что вы отвезёте меня в госпиталь. А вместо этого вынужден сидеть здесь и смотреть на это, — он кивнул в сторону оставшейся в живых девушки, над которой начинал пристраиваться очередной немец.

— Сейчас поедем, — спокойно произнёс Вильгельм, выпуская дым через ноздри. — Просто, сам понимаешь, не каждый день выдаются такие моменты, когда можно вырваться из-под командирского глаза и выловить себе бабу. Ты только не думай, что я тыловая крыса и не знаю, как болят боевые раны. Месяц назад при штурме города мне самому один местный сопляк прострелил бочину из пулемёта. К сожалению, не успел досмотреть, как друзья сожгли этого ублюдка. Только неделю назад встал на ноги и вот до полного выздоровления назначен в санитарный взвод. Надеюсь, скоро опять вернусь в строй и продолжу косить этих вонючих русских свиней. Заодно отомщу и за тебя, братишка.

Ох, знал бы ты, как я люблю простреливать их тупые головы и вырезать ремни из их животов. Впрочем, свою невесту я, пожалуй, люблю больше, — Вильгельм вынул из кармана всё ещё спущенных штанов фотографию девушки и, вскользя полюбовавшись ею, показал Энделю. — Моя малышка Маргарет. Никак не дождусь, когда мы наконец дойдём до этой паршивой кавказской нефти и нас отпустят домой. Тогда пусть крепче держится за спинку кровати, когда я вернусь и покажу ей всё, на что способен. Не зря же мы так усердно тренируемся на этих русских самках, — рассмеялся он, небрежно толкая ногой девушку, в груди которой продолжал торчать штык-нож.

Тем временем последний закончил своё дело, встал на ноги и, обращаясь к Энделю, крикнул через подвал:

— Эй, Рудольф, похоже, твоя очередь. Что сидишь?

— Нет, спасибо, — махнул рукой Эндель. — Мне сейчас так плохо, что я бы предпочёл скорее поехать в госпиталь.

— Ну, как хочешь, — ухмыльнулся тот, вытаскивая пистолет и наставляя его на голову забившейся в угол девушки.

— Хотя нет, оставь мне её, — быстро среагировал Эндель, пытаясь выдавить такую же мерзкую улыбочку, какими фрицы перебрасывались друг с другом. — Только, если можно, я бы предпочёл делать это без посторонних глаз.

— А-а, салага! — рассмеялся Вильгельм, закашлявшись после долгой глубокой затяжки. — Ну ничего, ещё немного повоюешь и поймёшь, что боевых друзей стесняться не стоит. Ладно, давай быстро. Ждём тебя у машины снаружи, — добавил он, щелчком отбрасывая искрящийся окуроч.

Когда фашисты ушли, девушка лишь безразлично глянула на Энделя затравленным взглядом, в котором читались лишь ненависть и обречённость. Она сидела возле стены, руками ещё пытаясь прикрыть наготу, прижимая колени к груди. Разорванная одежда лохмотьями валялась вокруг.

Превозмогая боль в ранах, Эндель встал, стащил пёструю маленькую блузку с убитой матери и, подойдя к девушке, протянул ей. Та, недоверчиво взглянув на него, быстрым вороватым движением схватила блузку и завернулась в неё, растерянно натягивая короткие полы то на грудь, то на бёдра. Эндель подобрал с забрызганного кровью одеяла обрывок юбки, сильно промокнул его шнапсом из фляги, оставленной ему командиром разведотряда, сел рядом и, мягко приподняв за подбородок её голову, начал осторожно протирать глубокую ссадину на лбу. При первом прикосновении, когда спирт обжёг рану, она мелко вздрогнула, по-прежнему не издавая ни звука и испуганно глядя на человека в немецкой форме.

Вытерев кровь и промокнув рану другим обрывком, Эндель положил возле коленей девушки флягу со шнапсом и галеты, молча развернулся и не оглядываясь вышел из подвала.

IX

Октябрьская Станичка наливалась свежим запахом прохладной осени. На обезлюдевших улицах было сыро и промозгло. Близкое море дышало тяжёлой сыростью. Анна Васильевна с Ваней собирали в высокой траве последние яблоки, осыпавшиеся с деревьев. Продуктов в подвале с каждым днём становилось всё меньше, и эти небольшие кислые яблоки — последний подарок трудного страшного лета — выручали их. Полина развешивала свежевystиранное бельё посередине просторного двора.

Необъятно голубело утреннее незаволоченное небо. В нём стояло низкое, без лучей рассветное солнце, не оставлявшее никаких следов на поверхности пепельно-серого моря. Прибойная волна с ласковым шумом долбилась в угрюмый берег, отрывисто перекачивая в пузырящейся пене круглые отполированные камни. Над водой в текучем воздухе кружились и базарно скандалили чайки. До Полины доносился их резкий далеко слышимый визг. Они подолгу висели над волнами в потоках ветра, нацеливая загнутые клювы на неосторожных рыб, на бредущем полёте выдёргивали добычу из воды и с протяжными криками гонялись друг за другом, разрывая улов на лету. От шумного балагана медленно отплывала, возмущённо крутя короткими тонкими шеями, угольно-чёрная стая диких уток.

Вдали со стороны города на проселочной дороге показалась группа немецких солдат. Они шли по направлению к Мысхако, но заметив во дворе Полину, свернули в виноградники и быстрым шагом пошли к Станичке.

Смеясь и шутивно переругиваясь между собой, они откинули ногами старую скрипучую калитку и вошли во двор. Их было семеро. Убедившись, что перед ними только две женщины и десятилетний мальчик, они сдвинули автоматы за спины и подошли к Полине, окружив её со всех сторон.

Девушка попыталась выскользнуть из сомкнувшегося круга, но ей не позволили. Один попытался, схватив её за талию, подтащить к себе. Полина наотмашь ударила его кулаком в лицо и оттолкнула. Разозлённый солдат в бешенстве прошипел что-то по-немецки и схватил её за горло. Полина громко закричала, сильно ударила коленкой в пах и, оттолкнув от себя, начала отбиваться от остальных.

Анна Васильевна, наказав Ване оставаться возле яблонь, схватила с земли старые ржавые вилы и с громким воплем бросилась спасать дочь. Один из фашистов выхватил из кобуры пистолет и несколько раз выстрелил в её сторону. Пуля пробила женщине коленку, и она, выронив вилы, подкошенно упала посреди двора.

— Оставьте её! Умоляю вас! — без конца кричала Анна Васильевна, корчась на холодной земле, но фашистов её вопли и испуганный плач Полины лишь веселили.

Избив девушку так, что она перестала сопротивляться, немцы схватили её за волосы и поволокли в дом. Ваня, растерянно наблюдавший всё это время из-под яблонь, выскочил в центр двора, подобрал выроненные матерью вилы и бросился вслед за немцами.

Он взбежал на крыльцо, когда фашисты уже почти затолкали Полину внутрь, и успел ткнуть длинными шипами в спину последнего. Однако его сил не хватило, чтобы причинить серьёзный ущерб. Немец, громко взыв от неожиданной боли, круто развернулся и с яростью выбил

вилы из Ваниных рук. Мальчик бросился на него с кулаками, но гитлеровец сильно ударил его по голове. Ваня, потеряв равновесие, упал на четвереньки. В ту же секунду немец с размаху пнул его ногой в живот, и мальчишка, проломив старые гнилые перила, слетел с высокого крыльца. Перевернувшись в воздухе, он упал спиной прямо на высокое острие сухого пенёка, и длинный деревянный зубец высоко вылез из его груди.

Анна Васильевна, издав истошный грудной рёв, из последних сил поползла к сыну, грузно волоча по земле кровоточащую ногу. Ваня, выгнув тонкую шею, неотрывно смотрел на медленно приближающуюся мать и широко открывал искривлённый судорогой рот, то ли ловя воздух в пробитые лёгкие, то ли силясь закричать. Однако вместо звука вырывались лишь пузырящиеся струи клокочущей крови, которые растекались по одежде, сбегали в землю и собирались под пенёком в широкую тёмную лужу.

Когда Анна Васильевна доползла до сына, тот был уже мёртв, и его худое тело висело на остром суку, колеблемое напорами морского ветра. В её глазах помутилось и, крепко схватившись дрожащей рукой за мягкую, ещё теплую, но уже неподвижную Ванину ногу, она почувствовала, что теряет сознание. Из распахнутых дверей дома доносились оглушительные вопли Полины, перемежающиеся громким смехом.

Уходя, солдаты небрежно переступали через лежащую без чувств Анну Васильевну.

Полина вышла на крыльцо слабыми подкашивающимися шагами, придерживая на теле лохмотья разорванной одежды. Лицо было разбито, на правой щеке наливался синяк, а из рассечённых губ стекала кровь. При виде мёртвого брата и безжизненно лежащей рядом с ним матери её глаза округлились в безмолвном ужасе

и, беззвучно рыдая, она рухнула на пол, зажав обеими руками онемевший рот.

Поздно вечером Анна Васильевна и Полина, кутаясь в теплые свитера, недвижно стояли у почерневшего моря, грохочущего у берега бурлящими волнами. В опухшие от слёз глаза ударяло стремительно клонящееся к закату низкое красноватое солнце. Последние отблески ненавистного дня растекались по камням, траурно сереющим после недавнего дождя. Усиливающийся ветер трепал сухие жёсткие стебли низко примятой осенней травы. Вокруг широких луж с мокшими в них ржавыми листьями, торопливо бродили взъерошенные озябшие чайки. Железистый запах земли струился набухшей сыростью в смурное небо. Немые облака тяжёлыми косматыми глыбами неспешно ползли над крышами опустевших домов.

За их спинами свежевыкопанной землёй чернела посреди двора маленькая Ванина могила с перекошенным крестом, сооружённом из двух связанных между собой сухих веток. Полина бессознательно тянула за шнурок на шее с подаренным Андреем кольцом, не замечая, как глубоко и больно он врежется в кожу, и беззвучно плакала. Бесконечные слёзы широкими струями очерчивали длинные полосы на грязном от могильной земли лице.

— Пойдём в дом, дочка, — наконец, попросила Анна Васильевна, тяжело разворачиваясь на затёкшей здоровой ноге и перекладывая из руки в руку самодельный костыль. — Холодает, шторм собирается.

Не слыша слов матери, Полина продолжала отчётливо смотреть в мутную сумеречную даль. Тусклая луна медленно плыла над окружавшими двор деревьями, бледно серебря влажные стволы и обливая мертвенным

металлическим светом морскую гладь. От её холодного накалённого свечения и затаившегося под ней моря, от неподвижных деревьев, тихого шелеста их листьев и чёрных толстых теней, пролегших поперёк двора, веяло безысходностью страшного горя и невозполнимостью утраты.

— Ты одна у меня осталась, Поляночка, — обняла её за плечи Анна Васильевна. — Не простынь на ветру, прошу тебя. Пойдём в дом. Надо пережить это, дочка. Мы сможем. Когда нас освободят, это всё закончится. Мы с тобой дождемся победы.

— Ты что, совсем ничего не понимаешь, мама?! — разрыдалась Полина в полный голос. — Никто нас уже не освободит! Не будет никакой победы! Немцы победили! Всё! Конец! И нас с тобой больше никто и никогда не защитит!

— Не говори так, дочка. Пожалуйста, — взмолилась Анна Васильевна. — У тебя есть Андрей. Он тебя очень любит. Он обязательно вернётся. Дождись его.

— Андрей! — с горькой мучительной досадой прошептала Полина, поднимая к опухшим от рыдания глазам подаренное им кольцо и жадно всматриваясь в знакомые ей до миллиметра буквы. — Жив ли он ещё сам, тот Андрей? — грустно спросила она то ли мать, то ли себя, и поцеловала кольцо разбитыми губами.

— Надо держаться, дочка, и надеяться, — задыхаясь от кома в горле, прошептала Анна Васильевна. — Что ты ещё сделаешь?..

— Что я сделаю?! — обернувшись и жёстко посмотрев матери прямо в глаза, переспросила Полина. — Я убью их всех! — яростным шёпотом договорила она, и жгучая ненависть блеснула в её слезах.

Убедившись, что мать крепко спит, Полина осторожно, стараясь не шуметь, прошла мимо неё и, не зажигая

света, на ощупь вытащила из шкафа первую попавшуюся под руку тёплую одежду. Взяла на кухне самый большой остро заточенный накануне нож и, спрятав его под полу своего чёрного пальто, бесшумно выскользнула на улицу. В небе за редкими косматыми облаками блеснул дымчатый месяц, тускло серебря слабыми лучами перекошенный крест посреди двора. Позади него мертвенно чернело необъятной темнотой ночное море, напоминая о своём присутствии размеренным шелестом прибойной волны.

Полина полной грудью вдохнула прохладную сырость ночи и с непримиримой болью в сердце, застывшем от накатившей ненависти, посмотрела на Ванину могилу. На её глаза тут же навернулись слёзы. Она смахнула их и, не позволяя исступлённому отчаянию овладеть собой, сбежала с разбитого крыльца по приглушённо скрипнувшему ступенькам. Выйдя за калитку, она решительно зашагала по узкой едва различимой в ночи дороге, сжатой непроницаемой тьмой леса, в сторону большой казармы, которую фашисты выстроили возле Станички сразу после захвата Новороссийска.

Начинало светать. Гаснущий месяц, пронизывавший низкую чашу голубым ледяным светом, постепенно растворялся в светлеющем небе. Первые мерклые лучи солнца, ещё не поднявшегося из-за горизонта, слабо багровели на востоке. Стараясь успеть до рассвета, Полина ускорила шаг, перепрыгивая длинные лужи и не обращая внимания на густо налипающую на резиновые сапоги грязь.

За очередным поворотом деревья расступились. На высоком холме на выцветшем фоне предрассветного неба угольно чернело массивное деревянное здание. Возле ворот Полина различила размытый предутренней темнотой силуэт единственного часового, который бродил вдоль невысоких ворот короткими кругами.

Он бесцельно пинал сапогом высокие стебли травы и скучающим взглядом посматривал по сторонам.

Собравшись с духом, Полина вышла из леса и решительно направилась к нему. Часовой сразу заметил её и скинул с плеча автомат, но прежде чем он успел что-либо крикнуть, Полина подняла руки и замедлила шаг, не отрывая от него прямого заигрывающего взгляда. Широко улыбаясь негнушимися от отвращения губами, она подошла вплотную к солдату, осторожно положила руку ему на грудь и посмотрела в глаза, загоревшиеся предвосхищением лёгкой добычи. Немец самодовольно улыбнулся, отложил в сторону «шмайсер» и обнял девушку за талию обеими руками. Делая вид, что она отвечает на его ласки, Полина старательно ощупала его грудь, бока, спину и пояс. Убедившись, что под одеждой нет другого оружия, она брезгливо отодвинулась от его затёкшего слюной рта и, изобразив стеснительность, перевела заискивающий взгляд в сторону леса. Фашист угодливо закивал головой и, взяв её за руку, направился к деревьям.

Когда тени предрассветных зарослей достаточно хорошо скрыли их, Полина, остановилась и, отняв у немца руку, начала расстёгивать пальто. Не сводя взгляда с расплывающегося в улыбке фашиста, она незаметно вытащила из-под полы нож и, словно продолжая заигрывать, набросила снятое пальто ему на голову. Едва немец, глупо рассмеявшись, стащил его, Полина со всего размаху всадила длинное остриё под челюсть снизу вверх по самую рукоять.

Немец впился в Полину остекленевшим взглядом и мёртвой хваткой вцепился в её руку. Через несколько секунд его напряжение ослабло и взор потух. Полина резко выдернула лезвие из горла и оттолкнула убитого. Он лишь слабо захрипел и грузно повалился на землю.

Девушка не глядя переступила через него и, стряхивая с ножа кровь в мокрую осеннюю траву, быстрым шагом вышла из леса к блокпосту.

Войдя во двор казармы, Полина внимательно осмотрелась. В двадцати метрах перед дверью длинными рядами стояли мотоциклы, накрытые брезентом — видно, ещё перед вчерашним дождём. Подняв его, Полина увидела в колясках сложенные автоматы. Она взяла один и лёгким движением отщёлкнула магазин — он был снаряжён. Задвинув кассету на место, девушка проверила ещё несколько «шмайсеров» — все были забиты патронами под завязку. Ей довелось немного научиться обращаться с немецким оружием, когда брат Андрея Витя вернулся после побега в Крым, привезя с собой трофейный автомат и несколько пакетов патронов. Они с Ваней часто играли вместе, поэтому Полина, переживая за брата, постоянно проверяла, не заряжен ли автомат. А во время коротких походов в горы Витя несколько раз показывал ей, как правильно стрелять, и она тренировалась палить по деревьям в лесу, пока патроны не закончились.

Разобравшись с автоматами, она тихо обошла вокруг широкую крепко сколоченную из свежих досок казарму. Дверь была единственной, а в продолговатые узкие оконца под крышей невозможно было протиснуться взрослому человеку. Вдоль одной из стен плотными рядами стояли красные круглые канистры. Открутив несколько крышек, Полина поняла, что в них бензин. Она облила им стены и подпёрла дверь толстым бревном. Достала из кармана зажигалку убитого ею часового с чёрным орлом, держащим в лапах свастику и, выщелкнув толстым податливым колёсиком огонь, швырнула её в лужу бензина под стеной — густое размашистое пламя в несколько мгновений опоясало всё здание.

Полина вернулась к мотоциклам, растянула между ними брезентовые накидки, выложила из колясок несколько десятков автоматов и, передёрнув затворы на каждом, затаилась за этим укрытием.

Ало набухающий огонь тем временем густо расползался по стенам, и вскоре вся казарма запылала высоким багровым пламенем. Его широкие жадные языки выскальзывали из щелей между досок и быстро ползли по массивным балкам, сталкиваясь и туго перекручиваясь между собой. Из-под крыши повалил чёрный дым, слышались испуганные крики. Плотной подпёртая дверь начала гулко содрогаться под мощными, но тщетными ударами.

Вдали на дороге блеснули горящими зрачками несколько пар автомобильных фар — заметив пожар, фашистский патруль на предельной скорости нёсся к казарме. Торопливо повыпрыгивав на ходу из машин возле блокпоста, порядка двадцати немцев вбежали во двор и бросились к забаррикадированной двери.

Тогда же из-за брезента с автоматом в каждой руке вскочила Полина и спаренной очередью расстреляла набежавших. Больше половины из них рухнули замертво, остальные разбежались по двору и залегли за первыми попавшимися укрытиями. Отшвырнув опустошённые автоматы, Полина бросилась на землю и откатилась за ближайший мотоцикл за другими. В том месте, где она только что была, десятки свистящих пуль прорвали качающийся на весу брезент. Сквозь изрешечённую ткань Полина заметила, что стреляли из-за большого деревянного ящика и коротко полоснула по нему. Не успели вывороченные пулями щепки осыпаться на землю, как резкими огнями сверкнула ответная автоматная очередь, дробно выбившая над её головой тяжёлый звон по металлической мотоциклетной коляске.

Не дожидаясь, пока её прижмут к земле перекрёстным огнём, Полина, низко пригибаясь, перебежала на другую сторону ряда мотоциклов. Потерявшие её из вида фашисты предприняли ещё одну попытку освободить своих — из горящей казармы продолжали доноситься нечеловеческие вопли. Но Полина, заметив, что очередной немец подбежал к двери и пытается сдвинуть с места обуглившееся, охваченное огнём бревно, послала в его сторону прицельную очередь. Стая пуль пронеслась через весь двор, уже тускло подсвеченный поднимающимся солнцем, и припечатала фашиста к почерневшей от всёпожирающего огня стене, вышибив из неё ворох обугленных щепок и искрящихся углей.

Поняв, что к двери им не приблизиться, фашисты решили сперва убрать девушку. Отойдя от первой растерянности, они, разбившись на боевые двойки, начали рассредоточиваться по прилегающей территории и, прикрывая друг друга, продвигаться к мотоциклам, между которыми, отчаянно отстреливаясь в разные стороны, металась Полина. Немецкие автоматы, опустошаясь один за другим, трещали в её руках. Но фрицы всё плотнее смыкали кольцо и всё ближе подбирались короткими и точными перебежками. Густой посвист пуль железной паутиной вис над её головой, не давая возможности ни подняться, ни переменить позицию.

Сквозь лохмотья брезента, продранного свинцом во многих местах, она увидела, как очередной немец подобрался к двери, и в торопливой неосторожности больше чем следовало высунулась из-за сильно искореженного пулями мотоцикла, чтобы подстрелить его. В тот же момент из-под одиноко лежащего посередине двора камня мигнула близкая очередь, и Полина, передёрнувшись от резкой боли, упала на землю и выронила автомат. Схватившись обеими руками за живот, она почувствовала,

как под пальцами тяжело набухает кровью простреленный свитер.

Из-за мотоцикла, служившего ей укрытием, выскочили с автоматами наперевес два немца и, увидев лежащую среди россыпей гильз раненую девушку, направили на неё стволы. Поняв, что это конец, Полина бросила последний взгляд на полыхающую казарму, в которой ещё оголтело кричали убийцы её брата. Подбежавшему к двери немцу удалось несколькими сильными ударами ноги отбросить бревно, но в ту же секунду полыхающая кровля просела и спустя мгновение с грохотом обрушилась вниз, похоронив всех внутри под раскалёнными обломками. В небо выплеснулись воспалённо набухшие тучи искр и пепла. Звонко лопнули выдавленные жаром узкие стёкла, и осколки, ярко переливаясь в солнечных утренних лучах и отсветах пламени, мелкой крошкой разлетелись над двором. Сильно сгустившийся угольно-пепельный дым поднялся высокой стеной и словно траурной завесой окутал казарму. Намеревавшиеся застрелить Полину фашисты застыли, вытаращив глаза на обрушившееся с оглушительным треском здание, под раскалёнными руинами которого мгновенно стихли истошные голоса.

Придя в себя, они, брызжа слюной, почти визжа от ужаса, выругались и вновь наставили на девушку автоматы. Полина плотно зажмурила глаза, чтобы не видеть острых вспышек выстрелов, которые оборвут её жизнь, и только слышала автоматную очередь.

X

Эндель несколько раз умылся ледяной водой и аккуратно ощупал почти затянувшуюся рану на голове. Она ещё побаливала, но уже не причиняла большого беспокойства. Сегодня утром ему сняли все бинты и пообещали через несколько дней отправить в часть. Уныло рассматривая себя в грязном потрепавшемся зеркале, он стоял посреди просторного госпитального туалета и судорожно размышлял, что делать дальше. Решение нужно было принимать как можно скорее.

В соседней раковине с шипением ударила из крапа напористая струя. Мэри глянул в сторону и увидел рядом с собой высокого туго затянутого в новую форму майора гестапо, который несколько раз громко высморкался.

— Чёрт бы побрал эту осень с её простудой! — хрипя больным горлом, выругался он. — Лучше получить десять огнестрелов в бою, чем грипп на сквозняке. Как думаешь? — обращаясь к Мэри, спросил он.

— Не думаю, — безразлично ответил Эндель. — Мне и двух ранений мало не показалось. Еле выжил.

— Ничего, — ехидно подмигнул ему фриц, — злее будешь. Ты, кстати, из какой палаты? Не знаешь случаем такого... — он торопливо похлопал себя ладонью по лбу. — Как же там было?..

Сияясь вспомнить чьё-то имя и не вспоминая его, гестаповец полез в карман за запиской.

— Ах, да, Рудольф Шнайдер, — сказал он, разворачивая и прочитывая неразборчивый почерк на бумажке. — Не знаешь его?

В этот момент во внутреннем двореке госпиталя отчётливо прогремели несколько выстрелов. Оба обернулись к выходящему туда окну и увидели, как два чумазых истощённых ребёнка — мальчик и девочка, рывшиеся в поисках отбросов в помойной яме — один за другим упали замертво. Из-за угла, победно потряхивая дымящимся пистолетом вышел солдат и удовлетворённо осмотрел детские трупы. Он сплюнул возле них сквозь зубы, уселся на пеньке рядом с мусоркой и закурил широкую длинную самокрутку.

Сердце Энделя сжалось, словно стиснутое обручем. Он почувствовал, что не может справиться с нахлынувшими на него отчаянием и яростью, окатил лицо большой пригоршней ледяной воды, сухо бросил гестаповцу «извините, опять моя голова...», быстро шагнул в туалетную кабинку и закрыл за собой дверь.

Слышно было, как в туалет вошёл ещё один человек, и гестаповец радостно удивлённо воскликнул:

— Ральф, ты, что ли? Не могу поверить своим глазам!

— Карл? — пробасил в ответ тот, кого называли Ральфом. — Какими судьбами? Сколько лет, сколько зим! С французской кампании не виделись, если не ошибаюсь?

— Так и есть! — воскликнул гестаповец. — Пили вино с теми вертихвостками на Елисейских полях, как сейчас помню. А ранним утром меня отозвали прямо в Берлин. Не успел даже как следует с тобой попрощаться. Постой, а ты разве не должен был спасать итальяшек от англичан в Африке? Мы слышали, тебя направили к Роммелю?

— Слава богу, не сложилось. Теперь вот, как и ты, захожу на Ближний Восток с другого фланга, — громко гласно расхохотался Ральф.

— В общем, надо будет встретиться, дружище. Посидеть, выпить. Сейчас ты, наверное, занят?

— О, да. Заскочил сюда проведать одного дохляка по дороге в штаб дивизии. Я должен передать туда свежую карту наших позиций в Новороссийске.

Услышав эти слова, Эндель прильнул к двери кабинки и стал внимательно вслушиваться в разговор. Холостяков, наверное, и мечтать не мог о карте, собственноручно начерченной немцами.

— А что за срочность? Неужели наступаем? — воодушевлённо поинтересовался Карл.

— Чёрт его разберёт! Я бы прыгал от счастья до потолка. Может, встретили бы Новый год уже где-нибудь в Палестине. Но врать не буду, не знаю. Лучше расскажи, как сам. Что забыл в этом убогом месте?

— Да всё по тем же делам. Надо арестовать здесь одного шпиона. Наш осведомитель в советском штабе сообщил, что Рудольфа Шнайдера из 73-й дивизии советские партизаны убили в горах. А пару недель назад сюда был заброшен русский разведчик с его документами.

Капли пота мгновенно выступили на лбу Энделя. Выход теперь один! Надо сейчас же убивать обоих, забирать карту и бежать. Только как это сделать ему, раненому, безоружному, одному против двух здоровых вооружённых фашистов? Он осторожно, стараясь не греметь, сдвинул крышку с бачка унитаза, отвязал леску, соединяющую ручку с клапаном смыва, намотал её концы на средние пальцы обеих рук и стал ждать.

Фашисты ещё немного поговорили, и Ральф, наконец, сказал:

— Ладно, не будем задерживать друг друга. Надо бежать. Я вообще, если честно, зашёл сюда по делам, — сконфуженно пробасил он. — Давай. Вечером обязательно найду тебя. Увидимся.

Они крепко обнялись — звякнули пуговицы и скрипнули ремни новых кителей. Ральф зашёл в соседнюю с Эндем кабинку и натужно закричал. Карл ещё несколько раз высморкался, поправил форму, фуражку и гулко цокающими шагами направился к выходу. Мэри быстро распахнул дверь и, выйдя из кабинки, негромко окликнул:

— Господин офицер, вы спрашивали меня про Руфольфа Шнайдера.

— Да, спрашивал, — ответил тот, оборачиваясь.

— Я вам так и не ответил, — проговорил Эндель, аккуратно подступая к нему на пару шагов.

— А тебе есть что мне сказать? — насторожённо спросил немец.

— Да, есть, — проговорил Эндель, подходя к нему ещё на несколько шагов.

— Ну, говори уже, — начал терять терпение гестаповец.

— Русский разведчик, который вам нужен, это я, — медленно произнёс Мэри.

Глаза немца округлились, и взгляд от неожиданности застыл. Заметив, что тот опешил, Мэри молниеносным ударом локтем в солнечное сплетение сбил его с ног. Прежде чем тот успел восстановить дыхание и закричать, Эндель набросил ему на шею леску и, прижав коленом к полу, начал душить.

Несколько минут отчаянной борьбы на холодном мокром полу, и багровая, налившаяся кровью голова гестаповца бессильно откинулась на бок, тело обмякло и застыло. В этот момент звонко клацнул крючок кабинки, и оттуда вышел Ральф. Эндель обернулся через плечо и увидел позади себя рослого, очень толстого и, по всей видимости, довольно сильного немца. Тот в свою очередь изумлённо сверлил глазами человека

в госпитальной пижаме, сидящего верхом на его мёртвом приятеле.

Мэри смерил фашиста взглядом и поняв, что своими силами ему с ним не справиться, выхватил из кобуры гестаповца пистолет и, не целясь, начал стрелять, едва тот бросился на него. Четыре оглушительных выстрела отбросили Ральфа на несколько шагов назад, и он свалился на одно колено. Пятым выстрелом в лоб Эндель разнёс ему голову.

Из коридора донеслись возбуждённые крики и топотливые шаги. Эндель схватил стоявшую в углу швабру и крепко подпёр ею дверь. Через несколько секунд в неё мощно толкнулись и яростно застучали.

— Кто стрелял? Что происходит?! Откройте! Быстро! — бешено заорали снаружи разгорячённые голоса.

Мэри стал судорожно стаскивать с задущенного гестаповца форму, стараясь не обращать внимания на оглушительные удары, от которых сыпалась штукатурка и трещали старые деревянные панели. Прежде чем персоналу госпиталя удалось высадить дверь и вломиться внутрь, Эндель успел сгрести в охапку снятую одежду и обувь, подобрать портфель Ральфа с картой и выпрыгнуть в окно.

Он грохнулся на покатую крышу металлического гаража, скатился с неё в высокие кусты вдоль задней стены здания и скрывааемый ими заполз в заброшенный незапертый подвал. Там он сорвал с себя госпитальную пижаму, быстро надел гестаповскую форму, которая оказалась ему немного велика, и спрятал за пазуху вытащенную из потрёпанного портфеля новенькую аккуратно и подробно начерченную военную карту. Затем он оторвал от внутренней полы пижамной рубашки пришитое к ней письмо Андрея Полине, которое ни на минуту не рисковал оставлять без присмотра, и сунув его в карман, вышел на улицу.

Тревожно озираясь по сторонам, он быстро зашагал через внутренний двор. На краю мусорной ямы он остановился и ещё раз с горечью в сердце посмотрел на застреленных детей. «Как же прав был Холостяков! — подумал он. — Действительно, схватить бы сейчас автомат и крошить без разбора всех этих ублюдков, пока...»

— Это я их замочил! — прокрипел за его спиной хриплый прокуренный голос.

Эндель обернулся и увидел перед собой того самого солдата, который полчаса назад вошёл в этот дворик, поигрывая пистолетом. У него во рту по-прежнему торчала длинная толстая самокрутка из немецкой газеты, на которой ещё прочитывались мелкие жирные буквы: «8 сентября 1942 года Новороссийск пал...»

— Издалека стрелял и прямо в яблочко! — похвастался фашист, глубоко затягиваясь и сжигая затяжкой слова «Новороссийск пал».

С дурацким смешком, вытаращив покрытые красными прожилками белки ничего не выражающих глаз, он распустил по ветру шлейф дыма, и Эндель ясно почувствовал в нём приторно терпкий запах марихуаны.

— А вы, наверное, от Брунса? — осторожно поинтересовался немец.

Эндель воровато осмотрелся в загаженном, заваленном нечистотами дворе. Было очевидно, что без лишней надобности в это злчное место никто не забредает. Поэтому согласиться с вопросом показалось ему единственным способом объяснить своё нахождение здесь, чтобы не вызывать лишних подозрений — вдвойне ненужных в его и так осложнившимся положении.

— Ну, конечно, — ответил Эндель. — От кого же ещё?

— Тогда как и договаривались, — полушёпотом проговорил немец, протягивая ему вынутый из-за спины бумажный пакет.

— Спасибо, — ответил Эндель и, торопливо пихнув пакет под мышку, быстро зашагал прочь в расчёте как можно скорее избавиться от случайного, очень некстати подвернувшегося собеседника.

— Господин офицер! — окликнул его солдат.

— Что-то ещё? — как можно мягче и медленнее спросил Эндель, лениво оборачиваясь и натужно улыбаясь, чтобы скрыть волнение и спешку.

— Ну да, — растерянно посмотрел на него солдат, — десять марок. Вы же не заплатили.

Эндель постоял несколько секунд, внимательно разглядывая немца, как будто что-то вспоминая, и затем, пытаясь выиграть время на размышления, стал медленно разворачивать пакет. Он оказался набит сухой мелко рубленой травой буро-зелёного цвета. Поняв, что перед ним обычный наркоторговец, который не представляет серьёзной опасности, Мэри швырнул пакет с анашой обратно ему в руки и сказал:

— На самом деле я не знаю никакого Брунса. И мне это не нужно.

Не дожидаясь, пока опешивший немец ещё что-нибудь спросит, он резко развернулся и вышел из подворотни на оживлённую улицу. Фасады домов были густо побиты пулями и осколками. От высоких деревьев остались лишь обугленные и расколотые пеньки. Дорога и тротуары были завалены раскрошенными кирпичами и битыми стёклами. Мимо него, тяжело гремя, проползли несколько грузовиков со снарядами, часто утыканные вдоль бортов длинными ветками для маскировки. Навстречу проехали три легковые машины, буксировавшие на прицепах лёгкие гаубицы. Длинный строй солдат, неожиданно вышедший из-за угла старинного здания, обложенного до второго этажа дырявыми мешками с песком, при встрече с ним вскинул руку в нацистском приветствии.

Пропустив строй мимо себя, Эндель отошёл в сторону и остановился за деревом в тени руин высокого разрушенного авиабомбой здания. Он сосредоточенно осмотрелся, приглядываясь к подробностям бурлящей вокруг него жизни немецкого гарнизона. Она была совершенно незнакома и чужда ему, а он в форме офицера гестапо привлекал к себе внимание.

«Надо быстрее избавиться от этой одежды, — судорожно размышлял он, тут же вспоминая про оставленного во внутреннем дворе госпиталя торговца наркотиками. — Как раз то, что нужно! Что может быть незаметнее рядовых солдат, которые сотнями бродят по этим улицам?»

Походив несколько минут кругами, он неспешным шагом направился обратно в подворотню. Солдат по-прежнему сидел на пеньке возле помойки, плевал от безделья на землю и время от времени окидывал скучающим взглядом обшарпанные стены. Увидев вернувшегося гестаповца, он заметно напрягся и испуганно уставился на него.

Эндель на ходу подхватил с земли тяжёлый обрезок толстой металлической трубы и направился прямо в его сторону. Солдат быстро вскочил с пенька и, трусливо пятясь назад, залепетал:

— Я вам всё объясню, господин офицер. Это всё Брунс! Он нас заставляет. Что я могу сделать? — дрожащим срывающимся голосом затараторил немец, то жалостно выставляя вперёд руки, то отчаянно прижимая их к груди. — Я больше не буду. Поверьте мне, пожалуйста. Ни сам курить, ни другим продавать не буду. Никогда.

Заметив, что гестаповец не обращает на его слова ни малейшего внимания, но уже замахивается, солдат развернулся и со всех ног побежал прочь. Эндель швырнул трубу ему в ноги, тот споткнулся и падая ударился

головой об угол гаража. Усевшись на земле и стирая с лица дрожащими руками стекающую по лбу кровь, он не переставал повторять:

— Это было последний раз, господин офицер. Пожалейте меня. Я выдам вам их всех. Обещаю. Перечислю поименно. Пальцем покажу каждого, кто продаёт, если хотите.

Подобрав из мусора трубу, Эндель с размаху ударил фрица в висок зазубренным концом. Солдат рухнул на землю, и из глубокой раны, тяжело пульсируя, поползла алая струя. Мэри быстро переложил тело головой в поимую яму, пока растекающееся багровое пятно не успело намочить воротник, и принялся стаскивать с фашиста форму.

Переодевшись, Эндель столкнул труп в мусорку, выбросил туда же вещи гестаповца, аккуратно заткнул за пояс на спине под гимнастёркой сложенную карту вместе с письмом Андрея, повесил на шею новенький, ещё пахнувший заводским маслом автомат наркоторговца и вновь вышел на улицу.

Там царило заметное оживление. Центральный вход в здание госпиталя был оцеплен, несколько сотрудников гестапо проверяли документы у проходивших мимо людей. Мэри, как можно сильнее надвинув на лоб пилотку и стараясь не проявлять спешки, двинулся по заваленной обугленными кирпичами улице прочь от госпиталя.

Прямо перед ним, плотно прижавшись к тротуару и визгливо чавкнув тормозами, остановился недавно покрашенный в яркий светло-песочный цвет «кюбельваген» командира 73-й дивизии Альфреда Шэффера. Oberst проворно выскочил из машины и, раздавая на ходу указания, быстрым шагом двинулся к госпиталю. Попадавшиеся ему на пути бодро вскидывали руки

в нацистском приветствии. Занятый своими делами он проходил мимо, не обращая на них никакого внимания, продолжая активно жестикулировать и громко переговариваться с подчинёнными. Было заметно, что он в высшей степени раздражён и требует от офицеров скорейшего исполнения приказов. Однако, скользнув беглым взглядом по Энделю, вскинувшему перед ним, как и другие, руку с возгласом «хайль Гитлер», он остановился, пристально посмотрел на его мятую, грязную, явно не по росту форму и, не произнося ни слова, двинулся к нему. Остальные тоже замерли на месте и начали смотреть в сторону Мэри. Когда Шэфферу оставалось до застывшего Энделя несколько шагов, между ними неожиданно вырос молодой подтянутый лейтенант. Он коротко козырнул, и не дожидаясь разрешения, заговорил:

— Русский шпион обнаружил себя полчаса назад в этом госпитале, господин оберст. Информация нашего советского осведомителя полностью подтвердилась. Им оказался тот, кто выдавал себе за Рудольфа Шнайдера, погибшего месяц назад в засаде в горах. В настоящее время ему удалось скрыться, переодевшись в форму убитого им майора гестапо, который должен был его арестовать. Отданы приказы...

— Майора гестапо, говоришь? — требовательно переспросил Шэффер, не сводя взгляда с Мэри.

— Так точно, господин оберст. Он задушил его леской в туалете, забрал одежду и, переодевшись в неё, выпрыгнул в окно.

— Понятно, — озадаченно проговорил Шэффер, явно теряя интерес к странному рядовому. — Прилегающую к госпиталю территорию немедленно оцепить, обшарить каждый угол и каждый подвал, — бросил он через плечо адъютанту. — Всех майоров гестапо проверить поименно. Сейчас же! Выполнять! Через час жду

подробного доклада, — грозно рявкнул он и, бросив последний насторожённый взгляд в сторону привлёкшего его внимание рядового, зашагал к машине.

Едва «кюбельваген», выпустив чёрный шлейф хлопного дыма, скрылся за поворотом, а офицеры принялись раздавать указания, Эндель, воспользовавшись начавшейся суматохой, незаметно скользнул в ближайший проулок и зашагал прочь от госпиталя. Он не имел представления, как выбираться из города, но было очевидно, что пытаться выдавать себя за немца больше бессмысленно. «Надо где-то затаиться до темноты, — решил Мэри, — и ночью уходить к своим».

Перетасовывая в голове возможные варианты, он вспомнил, как Андрей рассказывал ему о небольшом пролеске, отделяющем Станичку от Новороссийска, в котором они гуляли с Полиной. Это было самое близкое место, которое могло бы укрыть его до наступления вечера. «Кто знает, может, и письмо заодно передам», — решил Эндель, уверенно поворачивая в сторону западных пригородов.

Стараясь не выходить на крупные улицы, он побрёл узкими грязными переулками и опустевшими дворами, с ужасом изумляясь изощрённому садизму фашистов, в растерянности застывая перед разорванными на части трупами, тщетно стараясь понять и не понимая, зачем нацисты использовали настолько зверские приёмы расправы против безоружных людей — ничем им не угрожавших раненых пленных, стариков, женщин и детей. Широко распахнутыми глазами он скользил по виселицам с раскачиваемыми на них напористым норд-остом телами. Отовсюду веяло липким запахом смерти.

XI

Эндель проснулся от холода в густом перелеске между Новороссийском и Станичкой, где спрятался накануне вечером, чтобы переждать поднятую среди немцев суматоху и найти возможность, когда всё уляжется, выбраться на восточный берег Цемесской бухты.

Тёмная черноморская ночь неторопливо клонила к рассвету. Огромная осенняя луна ледяным шаром скатывалась к неразличимому во мраке горизонту. Её спокойный свет, просачиваясь сквозь промозглый воздух, стекал по стволам и веткам деревьев неживыми озябшими бликами. В неохватном ночном небе чуть заметно шевелились подсвеченные изнутри слабым лунным сиянием низкие серебристые облака. В их прорехах хрустальным ледяным светом горели звёзды.

Мэри встал на ноги, откашлялся и лениво размялся, разогреваясь и стряхивая с себя налипшие листья. Осторожно ступая по мягкой земле и раздвигая ветки стволом автомата, он вышел из леса. Лунный свет прокладывал по морской глади широкую мерцающую полосу. Вдали рвано темнели плоскими зубцами крыши невысоких домов.

«Это Станичка, — догадался Эндель. — Там должны быть люди, которые помогут мне, — решил он. — Похоже, судьбе угодно, чтобы письмо Андрея нашло адресата». Усмехнувшись своей и его удачливости, он быстрыми шагами вышел на кривую грунтовую дорогу.

Станичка оказалась пуста и безжизненна. Дворы были завалены мусором и брошенными в суматохе вещами. Перечёркнутые крест-накрест приколочеными

досками двери и окна безмолвно свидетельствовали, что большинство жителей оставили свои дома.

Эндель разочарованно плёлся по тёмным улицам, пока наконец не заметил слабый свет в отдалённом окне. Он стал осторожно пробираться к нему во мраке по обочине улицы, опасаясь увидеть там очередной фашистский притон. Однако по мере приближения его надежда крепла —оттуда не доносилось никаких звуков, а вокруг не было немецких машин.

Мэри осторожно открыл хлипкую калитку и вошёл во двор со свежей могилой с кривым покосившимся крестом. Широкие деревянные ступени вели на крыльцо с выломанными перилами. Сумеречно желтел тусклым светом прямоугольник распахнутой двери. Эндель поднялся по скрипнувшему ступеням и, громко постучав в дверной косяк, вошёл в дом.

На полу, отложив в сторону самодельный деревянный костыль, перед несколькими потемневшими от времени иконами, расставленными на сломанной тумбочке, сидела и горячо молилась пожилая женщина. Широкое пламя толстой парафиновой свечи вздрагивало от дуновения её прерывистого сбивчивого шёпота. Договорив молитву, женщина обернулась и посмотрела на Энделя мертвенными глазами, полными равнодушия и безысходного отчаяния.

— Доброй ночи, — поздоровался Мэри ломающимся от напряжения голосом и растерялся от пустого взгляда женщины, чувствуя неуместность и несвоевременность своего прихода в этот дом, очевидно наполненный глубоким горем. Но понимая, что ничего другого ждать ему не приходится, он вошёл в комнату, снял с шеи автомат и положил его на поцарапанный стол, покрытый, как ему показалось, широкими разводами вьёвшейся крови.

— Извините меня, пожалуйста, за ночное беспокойство, — неуверенно заговорил он. — Это же Станичка? Я ищу живущую здесь Полину Щербакову. Может, вы знаете...

— Зачем она тебе? — неожиданно зашевелилась и резко перебила женщина, впиваясь в него широко распахнутыми глазами с горячечным блеском.

— У меня к ней дело, — коротко ответил Мэри, решив, что углубляться в подробности излишне.

Анна Васильевна громко застонала. Из её груди вырвались тяжёлые сдавленные рыдания, сквозь которые нечленораздельно послышалось:

— А-а-а, и тебе до неё есть дело, фашистский выродок?!

Прежде чем Эндель успел понять, что происходит, она схватила в одну руку костыль, в другую непонятно откуда взявшиеся вилы и, судорожно хромя, с неожиданной быстротой бросилась на него. Мэри инстинктивно уклонился от брошенных в его голову вил и отскочил в сторону.

— Ты что творишь, мать?! — заорал он. — Я свой. По-русски с тобой говорю, не видишь?

Словно не слыша, женщина схватила положенный на стол автомат и вскинула его к плечу. С размаху швырнув стул, оказавшийся под рукой, Мэри сшиб её на пол. Отрывисто громыхнувший «шмайсер» выпал из рук. Шальные пули разбили стёкла и несколько тарелок в шкафу. Эндель бросился вперёд, подхватил автомат с пола и, нацелив его на распластанную около стола женщину, прохрипел:

— Без глупостей, мамаша! Пристрелю к чёрту! Мне просто нужна девушка, которую я ищу. Полина Щербакова — знаешь её?

Он полез за пояс, чтобы достать письмо. Воспользовавшись этим, Анна Васильевна, снова схватив

вилы, набросилась на него. Пятясь назад, Эндель отбил автоматом несколько ударов, но неожиданно споткнувшись обо что-то на тёмном полу, опрокинулся на спину.

— Письмо ей от Андрея! — крикнул он, протягивая вперёд вытащенный из-за ремня помятый конверт.

Сверкнувшие в лунном свете длинные железные зубья застыли в сантиметре от его горла. Женщина отбросила вилы, упала, выронив из руки костыль, на пол рядом с Эндем и, закрыв лицо ладонями, завывала:

— Знать бы самой, где она. Вчера вечером, как Ваню похоронили, сказала, что убьёт их всех, и ночью ушла.

Продолжая рыдать, Анна Васильевна рассказала, что произошло накануне. Эндель насупленно слушал, отказываясь верить, что опоздал всего на несколько часов. Он вкратце объяснил, как попал в Станичку, и после долгой паузы отрешённо, но твёрдо сказал:

— Я постараюсь найти вашу дочь. Продолжайте молить бога, чтобы она не успела уйти далеко.

Оставив неподвижно сидевшую на полу женщину, он взял автомат и вышел на улицу в мокрое осеннее утро. Чистый воздух прохладной синью наливался над светлеющей гладью Цемесской бухты. Ранний туман стекал в неё кипенно-молочными потоками с рваных срезов Маркотхского хребта. Суровая глыба гор контрастно очерчивалась на фоне осветлившегося неба.

Новороссийск скрывался в дали за перелеском, приютившим Энделя на ночь. Он хорошо понимал, какой опасности подвергает себя, возвращаясь туда, но долг дружбы перед Андреем и осознание, как много эта девушка значит в жизни его товарища, не позволяли ему уйти, не попытавшись спасти её.

Конечно, можно сбежать к своим прямо сейчас, но что он ответит Андрею, вернувшись в Геленджик? «Да,

я нашёл их дом, дружище, но письмо не передал, потому что Полина ушла мстить немцам за убийство брата, и я, решив, что её всё равно не спасти, выбросил письмо и ушёл оттуда, спасая собственную шкуру».

«Нет, чёрт возьми! — он крепко сжал кулаки и вышел на петляющую через перелесок дорогу. — Сделаю что смогу».

В осветлившемся утренней бирюзой небе догорели последние созвездия, и первые солнечные лучи, робко выглянувшие из-за горизонта, полились на озябшие деревья. Стихающий ветер отрывал и сонно волочил поперёк дороги опавшие листья, местами вдавленные в раскисшую землю сапогами и мотоциклетными шинами. «Это плохо, — подумал Мэри. — Похоже, здесь часто проезжают немцы».

Едва он подумал об этом, за его спиной затарахтел мотор и зачихали выхлопные газы. Он оглянулся и увидел приближавшийся немецкий мотоцикл с коляской. За рулём, занимая почти всё сидение и грузно покачиваясь на ухабах, сидел румяный полнотелый ефрейтор, который завидев одиноко бредущего путника, приветливо помахал ему рукой и с крутым пижонским пируэтом, громко скрипнув тормозами, остановился возле него. Мотоциклист кивнул на свободную коляску и спросил:

— Откуда бредёшь в такую рань, дружище? Подвезти?

Эндель, рассудив, что ситуация подсказывает согласиться, весело ответил: «Конечно, был бы очень тебе благодарен», — и запрыгнул на холодное кожаное сидение.

— Курт, — протянув большую тёплую ладонь представился немец.

— Вильгельм, — пожимая руку, ответил Эндель.

— Только ты извини, далеко подвезти не смогу, — громко сказал Курт, перекрикивая тарахтение мотора. — У нас уже тут казарма недалеко. Я туда еду.

— Ничего страшного, — ответил Мэри. — До казармы тоже достаточно. Оттуда я сам дойду. Только не гони так быстро, — попросил он, пытаясь выиграть время на размышления, что делать дальше. — Недавно спина зажала после ранения, при тряске болит ещё.

Мотоциклист сбавил скорость. Несколько минут ехали молча, потом Курт осторожно спросил:

— Я ведь правильно понимаю, что ты не немец?

Эндель насторожился, как бы невзначай положил ладонь на рукоять автомата и, нащупав пальцем спусковой крючок, вопросительно посмотрел на фашиста.

— И зовут тебя не Вильгельм, правда?

— Как же меня, по-твоему, зовут? — с трудом протолкнув комок в пересохшем горле, спросил Эндель.

— Меня, например, на самом деле зовут не Курт, — вполголоса заговорщически пробурчал немец.

— А как? — с опаской спросил Мэри.

— Райво, — ответил мотоциклист и, чуть помедлив, спросил:

— Ты же тоже эстонец, не так ли?

От нахлынувшего облегчения Эндель расхохотался и размашисто похлопал земляка по плечу.

— Эндель. Моё настоящее имя Эндель, — заговорил он по-эстонски, почти перекрикивая торжествующего Райво.

— А я на тебя смотрю и точно думаю: свой. Никогда в жизни не ошибался. Как чувствую. Верить или нет? Откуда сам?

— Из Таллина, — скрывая ликование, ответил Мэри, ни разу в жизни не бывавший в Эстонии.

— О, столичная штучка! — подразнил его Райво. — У меня в Таллине родственники есть, в Мустамые. А ты из какого района?

— У нас квартира в Старом городе, — уже менее уверенно назвал Эндель единственный известный ему район Таллина и поймал на себе пристальный взгляд ещё больше округлившихся от удивления глаз Райво.

— Ого, так ты не из простых, я смотрю.

— Да брось ты, — быстро перебил Мэри, понимая, что известные ему факты о малой родине на этом и закончились, поэтому дальше поддерживать разговор, не вызывая подозрений, он не сможет.

— А ты сам откуда? — спросил он.

— Из Хаапсалу.

— А, Хаапсалу, — как можно непринуждённое подхватил Мэри. — Я бывал там пару раз, — уверенно соврал он. — Большой у вас город, красивый.

— Большой? — удивлённо оглянулся на него Райво. — Скажешь ещё.

— Нет, ну, не Таллин, конечно, — попытался отыграть назад Эндель, проклиная себя за неудачно вставленное слово.

— Да уж, конечно, — буркнул Райво и, похоже, хотел добавить ещё что-то, когда из-за редящих на окраине леса деревьев до них отчётливо донеслись отрывистые взвизги пуль.

— Что за чёрт? — насторожённо проговорил он. — Неужели возле нашей казармы стреляют?

— Ускорься, ускорься, земляк, — подогнал его Эндель, догадываясь, что происходит. — Там точно требуется наша помощь.

Мотоцикл громко взревел захлёбывающимся мотором и, быстро набирая скорость, ещё сильнее закачался на ухабах. Со скользким заносом на крутом

повороте они выскочили из леса к высокому холму, на котором охваченная жадными извивами огня и густо затянутая дымом полыхала немецкая казарма. Возле неё плотно сплетались и расплетались автоматные очереди, изредка пробиваемые трескучими пистолетными выстрелами.

— Партизаны, чёрт бы их побрал! — по-прежнему по-эстонски выкрикнул Райво и выругался по-немецки.

— Останови здесь! — закричал Эндель, заметив на обочине дороги увесистую палку, которой можно было оглушить попутчика.

Едва Райво начал сбрасывать скорость, Мэри, увидев чуть дальше другую жердь большего размера и показывая на неё пальцем, сказал:

— Давай не здесь. Лучше вон там!

Не дожидаясь остановки, он выпрыгнул из коляски, подхватил с земли тяжёлую промокшую ветку и, быстро подскочив к мотоциклисту, со всего размаху всадил ему по затылку. Жердь переломилась пополам, брызнув в стороны гнилыми щепками. Оглушённый ударом Райво опрокинулся в сторону и неподвижно рухнул на землю. Потерявший управление, но ещё не до конца остановившийся мотоцикл съехал на обочину и опрокинулся в кювет.

Мэри со всех ног бросился к казарме, на ходу передёргивая затвор автомата. Издалека он увидел, как девушка в тёмном свитере высунулась из-за служивших ей укрытием мотоциклов, чтобы застрелить немца, приблизившегося к двери горящего здания, но упала на спину с простреленным животом, корчась в судорогах. Два фрица быстро обежали обтянутые брезентом мотоциклы, чтобы добить её, но их отвлёк оглушительный треск обрушившейся крыши. Эндель увидел, как в утреннее небо круто взметнулся густой чёрный дым,

подкрашенный вытолкнутым из раскалённого нутра казармы огненным смерчем. К этому времени он был уже достаточно близко для прицельного выстрела по двум солдатам, вновь наставившим автоматы на девушку. Пробитые пулями насквозь, они упали возле неё. Остальные, видимо, решив, что она смогла удержать в руках оружие, с остервенением обрушили на её укрытие шквал огня. Раскалённая метель в очередной раз захлестала по рваному металлу, и громкое рикошетное щёлканье разнеслось далеко по округе.

Обессилевшая от боли Полина перекатилась на живот и, прерывисто дыша, вжалась грудью в дрожащую землю. Вырванные пулями комки травы и грязи взметались вокруг неё плотным частоколом и осыпались на спину. Переждав пока пульсирующие автоматные трассы поредеют, она быстрым движением дотянулась до автомата, выпавшего из рук одного из убитых, и коротко огрызнулась в сторону атаковавших. Увидев взбежавшего на холм Мэри, она тяжело перевернулась на бок и дала длинную очередь в его сторону. Уворачиваясь от пуль, Эндель кувыркнулся за раскидистую акацию. Уперев локоть в землю и хорошо прицелившись, чтобы только припугнуть, он нажал на гашетку, но затвор пусто щёлкнул и замер без патрона. Выругавшись, Мэри вскочил и прижался спиной к дереву, не обращая внимания на острые колючки, впившиеся в спину. Полина тем временем отбросила расстрелянный автомат, подобрала другой и выпустила в сторону Энделя ещё одну очередь. Пули бешено задолбили в ствол — Мэри почувствовал, как мощно и неистово дрожит он за его спиной.

— Прикрой меня! — крикнул он маячившему за высокими железными ящиками немцу. — Она за вторым мотоциклом!

Солдат всадил в этот мотоцикл продолжительную очередь, заставив девушку опять вжаться в землю. Воспользовавшись паузой, Эндель выскочил из-за дерева и перебежал за ящики.

— Спасибо, друг! — крикнул он спасителю. — Патроны закончились.

— Бери мой пистолет! — проорал в ответ немец. — Беги и снимай её. Я тебя прикрою. Она раненая, уже никуда не уползёт.

Он бросил в руки Энделю старый потёртый «люгер» и, выпуская в сторону Полины длинную очередь, громко крикнул, не оборачиваясь:

— Давай, пошёл! Я держу её!

Мэри бегло осмотрелся по сторонам и убедившись, что их никто не видит, выстрелил немцу в затылок.

В этот момент с другого конца поляны, высекая длинные искры из камней на земле, по укрытию Полина застрочил другой автомат, и прикрываемый им фриц во всю прыть понёсся к мотоциклам. Эндель, подобрав «шмайсер» застреленного, поймал бегущего в прицел и, подпустив поближе, точным одиночным выстрелом убил его.

Некоторое время он просидел за ящиком, высматривая оставшихся немцев и выжидая, что они будут делать. Пытаясь понять, что происходит, он, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, несколько раз переменил позицию, пока из-за очередного укрытия не заметил одного, залёгшего за большим пологим камнем. Встретившись с Энделем взглядом, тот с яростью прокричал:

— Пора валить эту суку! Мы с тобой последние остались. Пошли на неё одновременно. Накроем из двух стволов, не дадим высунуться!

— Мы только вдвоём остались? Точно? — переспросил Эндель.

— Куда уж точнее! — перемежая слова ругательствами, проревел немец. — Эта паршивая тварь всех наших перестреляла.

Желая поберечь боезапас, Мэри вытащил из кармана «люгер», проверил, сколько патронов осталось в магазине, и вщёлкнув кассету обратно, всадил оставшиеся три пули в последнего немца.

После этого он вышел из-за укрытия и, взяв на мушку мотоцикл, за которым должна была лежать Полина, осторожным медленным шагом двинулся к нему. Он обогнул ряд искорёженных свинцом машин и за одной из них увидел девушку. Она сидела, привалившись спиной к простреленному навывлет спущенному колесу и плотно прижав руки к животу. Её бледное до мраморной белизны, забрызганное и перемазанное грязью и кровью лицо было обезображено гримасой страдания.

Увидев приближающегося человека в немецкой форме, Полина оторвалась от колеса и, сдавленно постанывая, поползла к валявшемуся в траве пистолету. Угадав её намерения, Эндель коротко взрыхлил перед ней землю быстрой очередью, не позволяя приблизиться к оружию. Полина зажмурилась от брызнувшей в лицо земли, но едва она улеглась, вновь попыталась схватить пистолет. Мэри снова отпугнул её.

Отгоняя от пистолета короткими очередями, Эндель начал быстро приближаться к Полине, но, когда до неё осталось не больше десяти шагов, затвор глухо клацнул, и автомат замолк. Заметив, что у него закончились патроны, девушка быстрым движением схватила пистолет, наставила его прямо в Энделя и несколько раз выстрелила.

XII

Мэри обернулся, услышав за спиной клокочущий хрип. Позади него с простреленным и плотно зажатым ладонью горлом, вытаращив остекленевшие глаза, стоял Райво. По дрожащим пальцам растекались широкие разводы крови. Другая рука с выставленным вперёд и нацеленным в спину Энделя автоматом медленно опускалась. Выронив оружие, Райво опрокинулся назад и рухнул на землю.

— Спасибо тебе, — с трудом собирая последние силы, еле слышно прошептала Полина и с робкой надеждой добавила:

— Ты ведь понимаешь по-русски?

— Конечно, конечно. Не двигайся, я помогу тебе, — торопливо заговорил Эндель, сдёргивая остатки брезента с наиболее уцелевшего мотоцикла. — Сейчас отвезём тебя домой. Мать там уже заждалась.

Он бережно поднял вскрикнувшую от боли девушку и осторожно усадил в коляску.

— Это от Андрея, — протянул он ей письмо.

Полина с изумлением взглянула на Энделя и слабым движением, не веря до конца, взяла конверт. Непослушными пальцами, марая бумагу кровью, она достала косо оторванный лист бумаги и вцепилась взглядом в кривые заплетающиеся строчки, написанные химическим карандашом.

Эндель подобрал с забрызганной кровью травы несколько заряженных автоматов и, бросив их на колени Полине, вскочил на сидение. Мотоцикл отрывисто взревел мотором, размашисто качнулся на ухабах и, стремительно ускоряясь, скатился с холма.

Когда они, тяжело скрипнув тормозами, влетели на промокший от холодной утренней росы двор, Полина голова низко свешивалась через край коляски. Её обескровленное лицо налилось землистым оттенком и угловато заострилось. Лежавшая на коленях рука по-прежнему сжимала письмо.

Стоявшая на крыльце Анна Васильевна, издали завидев приближавшийся мотоцикл и рассмотрев в коляске свою дочь, громко постанывая боли от в ноги, начала спускаться вниз. Едва Эндель остановился, она отшвырнула в сторону костыль и припала к телу дочери, крепко прижав к груди её голову с растрёпанными на ветру волосами.

Мэри, с трудом выдавливая каждое слово, тихо сказал: «Простите меня, я не успел», забрал с Полининых колен автоматы и, спрыгнув с мотоцикла, ушёл в дальний угол двора. Он сидел на холодной земле, до рези в глазах глядя на беспокойное ярко-серое осеннее море, пока за его спиной, низко склонившись над телом, громко рыдала Анна Васильевна.

К вечеру того же дня рядом с Ваниной могилой Эндель выкопал во дворе ещё одну. Он аккуратно уложил, завернутое в простыню тело в неглубокую наспех вырытую яму и терпеливо ожидал в стороне, пока мать попрощается. Письмо Андрея так и осталось в ладони Полины. Анна Васильевна не тронула его. Она только сняла с шеи дочери длинный белый шнурок с небольшим медным колечком и протянула его Энделю:

— Отдай это своему другу, — попросила она. — Полина его очень любила. Пусть Андрей знает, что это кольцо всегда было на ней с того момента, как он ей его подарил, до последнего её вздоха.

Анна Васильевна бережно вложила кольцо в руку Энделя и отошла в сторону, давая понять, что попрощалась

с дочерью. Мэри повесил кольцо себе на шею, чтобы не потерять, и принялся засыпать могилу. Ошеломлённый случившимся, он механически швырял мокрые крупные комки земли в яму, не глядя в неё, боясь подумать, как мучительно врежется в его память эта картина: скрывающееся под рыхлым грунтом тело девушки, которую он не успел спасти.

Разгорячённый работой и потерявшийся в грустных мыслях, он не сразу почувствовал, что Анна Васильевна нетерпеливо хлопает его по плечу. Эндель с трудом отвлёкся — могила была уже почти закончена, поднял глаза и увидел группу немцев, быстро приближающуюся по дороге со стороны города.

— Этого ещё не хватало! — с раздражением бросил он и окинул двор быстрым взглядом, ища принесённые автоматы и с удивлением обнаруживая один из них в руке Анны Васильевны.

— Уходи, сынок, — вымученно прошептала она. — Я их задержу, насколько смогу.

— Как же вы?.. — глядя на неё остановившимся взором, спросил Мэри. — Они же вас...

— Спасайся сам, быстро! — прикрикнула на него Полинина мать и с отчаянием толкнула его в грудь стволом автомата. — Неси карту своему командиру!

Понимая, что он оставит её в опасности, но осознавая правоту её слов, Эндель швырнул лопату на землю, схватил брошенные рядом гимнастёрку с картой и побежал прочь. Позади раздались крики на немецком языке, и группа фашистов, уже почти подошедшая к дому, заметив убегающего, бросилась вслед за ним.

Тишину обезлюдевшего посёлка расколола длинная автоматная очередь. Мэри на бегу оглянулся и краем глаза увидел, как, опершись спиной на костыль, Анна Васильевна неумело стреляла по его преследователям.

Ствол неуклюже зажатого в её руках автомата при каждом выстреле брыкливо задирался кверху и плясал в воздухе. Застигнутые врасплох немцы были вынуждены прекратить преследование и укрыться. Завязалась перестрелка, но уже через пару минут Анна Васильевна, выронив автомат, повалилась посреди двора с простреленной грудью.

Эндель, поняв, что от погони ему не уйти, скатился по отвесному склону к морю, бросился в обжёгшую его острым холодом воду и, отчаянно молотя руками и ногами, поплыл прочь от берега. Фрицы заметили его издали и на ходу начали стрелять по уплывающему беглецу. Вокруг Мэри, жадно и часто чавкая по воде, зашлёпали пули — напрягшееся от сковывающего озноба тело ощутило несколько колких ударов. Но быстро плывя на другую сторону Цемесской бухты, Эндель с тревожным облегчением чувствовал, что с каждым гребком автоматные очереди за его спиной стучат всё реже, всё тише становится отдаляющаяся ругань раздосадованных немцев.

Командующий войсками 17-й армии вермахта генерал-лейтенант Рихард Руофф, глубоко задумавшись, стоял над широкой, во весь стол картой Кавказа, густо испещрённой синими и красными пометками. От неровных, изошрённо загнутых овалов, близко прижатых друг к другу штрихованных линий, треугольных и квадратных флажков, длинных и коротких стрелок, проведённых по суше и по морю, уже давно рябило в глазах, но немецкий военачальник не решался ни на минуту прервать ход своих мыслей. Запутанная головоломка, которую задали ему русские, не поддавалась решению. Он уже давно должен был с триумфом ворваться в Азербайджан или в Чечню, чтобы расстелить эту местами

насквозь протёртую жёстким армейским ластиком карту в своём наспех обустроенном кабинете в каком-нибудь просторном особняке в центре шумящего восточными базарами Баку или в чеченской крепости среди высоких гор седого Кавказа. Вместо этого он уже второй месяц топчется на месте в крошечном, захолустном, уже почти полностью стёртом боями с лица земли приморском городке.

Устав от бесплодных размышлений, он небрежно сгрёб с карты лакированные деревянные фигурки танков, кораблей и самолётов, расставленные в замысловатой, уже не всегда понятной даже ему самому системе, и раздражённо швырнул их в ящик дубового письменного стола. Раньше он редко пользовался ими.

Боевой генерал с почти сорокалетним стажем, поступивший на военную службу рядовым ещё в Германской империи задолго до начала Первой мировой войны, он обладал острым интуитивным чутьём, никогда не подводившим его. С первого взгляда на любую позицию он безошибочно определял важные детали, обычно скрытые от неискущённого взгляда, и быстро принимал расчётливое эффективное решение. Новороссийск стал первым городом, дерзко не посчитавшимся с его военным гением. «Всё развалилось в ту злополучную ночь с 8 на 9 сентября, когда мы не смогли выйти на Сухумское шоссе, — тяжело вздыхая, вспоминал он. — С тех пор как в стенку упёрлись».

Всё ещё перебирая в голове возможные варианты отвлекающих и лобовых ударов по советской обороне, он встал с лёгкого походного кресла, которое неизменно возил с собой со времён французской кампании 1940 года, и подошёл к раскрытому настежь окну. В лицо дохнуло свежим воздухом и душистой прохладой припозднившегося бабьего лета. Сияющее неохватной

чистотой небо высокой хрустальной синевой нависало над обугленными руинами Новороссийска и редкими уцелевшими деревьями, покрытыми слегка порывшейся, увядшей, но ещё не осыпавшейся осенней листвой. В тщательно вымытых оконных стёклах неяркими отблесками догорало заходящее солнце, а во дворе старинного купеческого дома, где была оборудована резиденция, стояла хрупкая прозрачная тишина. Лишь где-то далеко на востоке, на противоположном берегу Цемесской бухты едва уловимо вспыхивали в медленно сгушавшейся предвечерней мгле разрывы орудий и пулемётные очереди. Немцы продолжали упрямо ломиться через Балку Адамовича, но по-прежнему не продвигались ни на шаг.

В массивную дверь осторожно постучали.

— Войдите, — не оборачиваясь, крикнул через плечо генерал-лейтенант.

Оберст Альфред Шэффер, командир 73-й дивизии, нешироко открыв дверь, робко шагнул в кабинет, снял фуражку и, бледнея, застыл на пороге.

— Хайль Гитлер! — неуверенно козырнул он, и вздрогнувшая на взмахе рука бессильно повисла вдоль напряжённого тела, застёгнутого в чёрный кожаный плащ.

— Разрешите доложить? — надломленным, жалким, противным даже самому себе голосом спросил Шэффер.

Генерал-лейтенант неспешно повернулся на каблуках и наставил на оберста исподлобный, жёсткий и колючий взгляд.

— Зачем? — в холодном бешенстве спросил он. — Мне уже обо всём доложили задолго до вас.

Шэффер пошатнулся и, пробормотав что-то невнятное, робко и обессиленно опустился на стул около двери.

— Встать! — приказал Руофф. — Кто разрешал вам садиться?

— Извините, господин генерал-лейтенант, — вскакивая на дрожащие ноги и ещё больше бледнея от растерянности, прошептал Шэффер.

Руофф раздражённо сжал кулаки и с размаху ударил по столу. Он сделал глубокий вдох, пытаясь совладать с собой, и будто аккуратно взвешивая каждое слово, проговорил:

— Объясните мне, господин оберст, как можно две недели продержаться в госпитале раненого русско-го шпиона и затем, вместо того, чтобы арестовать его, отпустить на все четыре стороны с секретной картой в кармане?

— По всей видимости, он был серьёзно подготовлен, господин генерал-лейтенант, — заикаясь затараторил Шэффер. — Вероятно, он узнал о своём аресте именно в этот день, кто-то предупредил его...

— Допустим, — резко перебил Руофф. — Тогда почему была убита единственная знавшая его русская свидетельница? И каким образом партизаны с его помощью заживо сожгли в казарме целую роту? Роту, мать твою, Шэффер! Роту! Как?! — неистово проорал он багровея.

Оберст беззащитно смотрел на взбешённого генерал-лейтенанта испуганно вытаращенными глазами и часто моргал:

— Сейчас выясняются детали всех инцидентов. Я доложу вам, как только будут результаты. По предварительной информации, имели место непрофессионализм и недисциплинированность личного состава, господин генерал-лейтенант, — почти шёпотом закончил он.

— Почему-то я не удивлён услышать это, когда речь заходит о вверенной вам дивизии, — горько

усмехнувшись, проговорил Рихард Роуфф и, немного помолчав, продолжил:

— Знаете, оберст Шэффер, если бы вы не были настолько безнадёжным недоумком, каким я всегда вас знал, я бы всерьёз подумал, что вы русский агент, и расстрелял бы к чёртовой матери. Вас спасает только то, что у вас на лице написано, что вы клинический идиот и полное ничтожество.

— А я всегда знал вас как человека, не склонного опускаться до личных оскорблений, господин генерал-лейтенант, — несмело попытался возразить Шэффер.

— До тех пор, пока судьба не свела меня с вами, я знал себя таким же, — ядовито усмехнулся тот в ответ. — Пожалуй, мне действительно не стоило нянчиться с вами, а разжаловать в рядовые ко всем чертям ещё тогда, когда при штурме этого города вы блистали чудесами военного профессионализма. Помните, а, Шэффер, как вы героически в течение нескольких часов осаждали разрушенную башню с одним-единственным десятилетним сопляком внутри, который положил половину вашего взвода и позволил ускользнуть в Геленджик одному советскому транспорту до верху набитому людьми, оружием и боеприпасами? Не теми ли самыми, оберст, которыми русские отбросили нас у цементных заводов на Балке Адамовича, не позволив выйти на Сухумское шоссе?

Шэффер почувствовал, что командующий приближается к самой болезненной для него теме, и, не желая ещё сильнее распалать его гнев ненужными сейчас оправданиями, промолчал.

— Тогда, после взятия Новороссийска, мы, конечно, сильно преувеличили наши успехи, — продолжал, немного успокаиваясь, Руофф. — Путь на Кавказ казался открытым, Берлин ликовал, многие из нас были

представлены к высоким наградам. Поэтому в той эйфории не хотелось вспоминать о неудачах и докладывать в Берлин о проблемах. Надеюсь, вы не забыли, как и почему я принял решение доверить командование полком вашему смышленому подчинённому Хайнцу Краузе, а вас формально повысил до командира дивизии?

— Как это можно забыть, — тяжело вздохнул Альфред Шэффер. — После продвижения на восток вы хотели оставить мою дивизию в тылу, а потом и вовсе расформировать под каким-нибудь предлогом. Такое повышение едва ли лучше оскорбления.

Генерал-лейтенант глубоко вздохнул и заговорил тише:

— Кто тогда мог подумать, что за всё это время мы не продвинемся ни на дюйм дальше Новороссийска? Зачем я, старый дурак, наивно надеялся, что хоть здесь-то вы не облажаетесь, Шэффер? В конце концов, можно просто стоять на месте без таких чудовищных, ничем не оправданных потерь? Можно арестовать русского шпиона, о котором нам настолько подробно доложил мой осведомитель в советском штабе? Я никогда не прощу вам этой халатности, оберст. Слышите? Никогда.

— Я не снимаю с себя ответственности, господин генерал-лейтенант, — виновато промямлил тот, явно начиная потеть в своём плаще, но не решаясь даже расстегнуть верхней пуговицы без позволения командующего. — Обстоятельства неудачно нагромодились друг на друга, ситуация вышла из-под контроля...

— Перестаньте уже наконец молоть ерунду! — вскипел Руофф. — Вы предлагаете мне спросить за бездарно погибшую роту с обстоятельств? Или подождать, пока обстоятельства вернут подробную карту наших позиций, по которым, окажись она в руках русских, можно будет прицельно долбить и с суши, и с моря?

— Безусловно, вы обязаны спросить с меня, господин генерал-лейтенант, — обречённо проговорил Шэффер, с трудом ворочая одеревеневшим языком. — Обещаю, что приму любое ваше решение. Напишу любой рапорт, какой скажете.

Генерал-лейтенант окинул его брезгливым взглядом и медленно отошёл к окну, за которым всё отчетливее сгушалась буро-серая мгла близкой черноморской ночи. Убегающие к морю обугленные руины города, всё сильнее сливались с маревыми потёмками позднего вечера и уже были почти неразличимы под дымно-лиловыми полосами послезакатных облаков. Командующий долго стоял перед распахнутым окном, словно рассматривая в сгущающейся темноте гигантскую громаду остановленных в Новороссийске немецких войск, которые он победно провёл сюда через всю Европу.

Шэфферу уже начало казаться, что он и вовсе забыл о его присутствии, когда генерал-лейтенант наконец медленно развернулся и, тяжело вздохнув, уселся за широкий дубовый стол с расстеленной на нём картой. Он включил электрическую лампу, и кабинет залило ярким рассеянным светом, нежно пробивающимся сквозь широкий светлых оттенков охры абажур. Предугадывая возобновление неприятного разговора, Шэффер почувствовал к Руоффу жгучую неприязнь, сродни той, что испытывал во время служебного визита в лагерь Майданек под польским городом Люблином, где жена тамошнего коменданта Карла-Отто Коха Ильза навязчиво демонстрировала ему поделки из кожи заключённых евреев. «Точь-в-точь такого же гадкого цвета, как этот абажур», — с омерзением вспомнил он.

— Скажите, оберст, у вас есть мечта? — как будто успокоившись и больше не держа зла, неожиданно поинтересовался генерал-лейтенант.

— Да, конечно, господин генерал-лейтенант, — неуверенно ответил тот и, встретив вопросительный взгляд командующего, договорил:

— Боюсь, она не очень оригинальна для воюющего человека — вернуться домой, на родину, к своей семье. А дальше я пока не загадываю.

— Не очень амбициозно, — усмехнулся Руофф, — но мечта — это личное дело каждого, конечно же. Тут мои приказы бессильны. Что ж, позвольте и мне открыться вам. У меня тоже есть мечта. В отличие от вашей, она весьма предметна и выглядит вот так, — командующий протянул оберсту листовку.

Это были условия представления к награждению Рыцарским крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами — высшим военным орденом Третьего рейха. Альфред Шэффер внимательно изучил бумагу и, возвращая её, произнёс:

— Я считаю, вы давно заслужили эту награду. Буду очень рад, если вы получите её, господин генерал-лейтенант.

— Основанием для этого будет захват мной всего черноморского побережья Советов и выход к кавказским нефтепромыслам. Таким образом, именно я здесь, а не Паулюс в своём Сталинграде, поставлю Россию на колени. Мой осведомитель передаёт нам очень подробные сведения о планах русских. Всё говорит о том, что их возможности уже на исходе. Они понимают, что рано или поздно мы полностью перемелем их, поэтому хотят огрызнуться под конец. Последними силами они готовят большой десант, чтобы создать западнее Новороссийска ещё один очаг сопротивления. Рассчитывают, что мы не сможем продвинуться дальше, не уничтожив эту занозу. С точки зрения военной науки, это, конечно, правильно. В конце концов, должны же они

были хоть чему-то у нас научиться за полтора года войны. Когда их окончательные планы будут утверждены, мой человек передаст их нам. Мы разобьём к чертям весь этот десант, собранный по жалким крупичкам из всех их последних резервов, и тогда посмотрим, чем они будут восполнять потери на Балке Адамовича, — злорадно усмехнулся Руофф.

— Не сомневаюсь, что Рыцарский крест уже ваш, господин генерал-лейтенант, — натужно улыбнулся Шэффер.

— Я бы тоже в этом не сомневался, оберст, — печально вздохнул Руофф, отрешённо глядя мимо него, — если бы не одна проблема.

— Какая?

— Вы, Шэффер. Вы, — грустно покачал головой командующий. — Видите ли, я хочу обставить всё красиво, чтобы комар носа не подточил. Кстати, через несколько минут сюда прибудет мой врач. Я попросил его взять у меня немного крови, которой я, согласно древней тевтонской традиции, напишу торжественную клятву фюреру, что очень скоро русское сопротивление в районе Новороссийска будет сломлено, и уже в начале следующего года Третий рейх будет иметь общую границу с нашими турецкими союзниками на Кавказе. Это и будет моим прозрачным намеком на высшую награду. Но я очень сомневаюсь, что эта моя написанная кровью клятва будет достойно смотреться в одном пакете с вашими отчётами о нелепой гибели целой роты и о краже секретной карты русским лазутчиком в подконтрольной мне дивизии.

Повисла долгая пауза.

— А теперь собственно то, ради чего я вас вызвал, — наконец произнёс Руофф. — Давайте сделаем так. Начиная с сегодняшнего дня вы сдаёте фактическое

управление 73-й дивизией другому человеку. Формально вы продолжите командовать ею до конца года, а затем я назначу вас своим адъютантом. Выждем это время, чтобы не порождать в спешке ненужных слухов. Пусть для всех остальных сегодняшние инциденты и ваше переназначение будут никак не связанными событиями.

— Если честно, господин генерал-лейтенант, это ваше предложение мало чем отличается от предыдущего. Я до сих пор жалею, что согласился тогда, потому что до сих пор терплю насмешки со стороны некоторых офицеров. Боюсь, на этот раз ни моя офицерская честь, ни моё человеческое достоинство не позволят принять это.

— Мне глубоко плевать на ваши честь и достоинство, Шэффер, — жёстко процедил Руофф, — потому что они не повязываются на мою шею на красно-бело-чёрной ленте и не открывают мне двери в высшее военное сословие Германии. Вы не думаете, что иметь немного расторопности было бы для вас полезнее чести и достоинства? В общем, либо вы подчинитесь моей воле, либо я спрошу с вас за всё по самым жёстким законам военного времени. И уж поверьте, если мне не придётся играть роль командующего образцово-показательной армией, мои руки в отношении таких безответственных разгильдяев, как вы, будут развязаны настолько, что и ваша мечта тоже может не осуществиться. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Предельно ясно, господин генерал-лейтенант. Сделаю всё, как вы хотите.

— И, наконец, самое важное. Вы уничтожите все документы, свидетельствующие о гибели роты и пропаже карты. Сожгите и вымарайте из журналов всё, что хоть косвенно указывает на эти происшествия. Ничто не

должно выдать нас. Потом, во время очередного наступления, спишем всё на боевые потери.

— Позвольте уточнить, господин генерал-лейтенант, — растерянно спросил Шэффер. — Каким образом я могу отдать приказ о передислокации другого подразделения на то место, если не будет никаких документов, подтверждающих отсутствие там прежнего?

— Не надо ничего передислоцировать, господин оберст. Пусть и по письменным документам, и по факту всё остаётся на своих местах. Или больше не остаётся, благодаря вашей безалаберности.

— Это была рота противодесантной обороны, господин генерал-лейтенант. Она держала достаточно крупный отрезок береговой линии в районе посёлка Станичка. Вы предлагаете оставить его открытым?

— Почему нет? — удивился командующий. — Берег в этом районе пологий и плоский, неплохо просматривается со всех сторон, естественных укрытий не имеет. Десантироваться на него, если, конечно, не знать, что он не защищён, полное безумие. Не думаю, что русские генералы и адмиралы настолько безграмотны, чтобы решиться на такое. Поэтому неразглашение сведений о наших проблемах в этом месте, пожалуй, даже более эффективное средство противодесантной обороны, чем сборище сонных ротозеев, позволивших спалить себя заживо. К тому же, если русские что-то задумают, я узнаю об этом немедленно. Мой агент работает очень хорошо. У нас будет достаточно времени отреагировать.

— Понял вас, господин генерал-лейтенант. Но как мне рассылать похоронки? Мы же не можем не известить родственников?

— Никто не собирается скрывать эти потери вечно, Шэффер. Сначала — Рыцарский крест, потом — всё остальное. Поверьте, осталось недолго.

В дверь постучали.

— Войдите, — громко сказал Руофф.

В кабинет вошёл невысокий пожилой доктор в белом халате с пухлой кожаной сумкой под мышкой.

— Похоже, мы с вами всё обсудили, господин оберст? — повышая интонацию, заключил командующий, снимая китель и расстёгивая левый манжет рубашки.

— Разрешите идти, господин генерал-лейтенант? — спросил Шэффер, пропуская мимо себя доктора.

— Конечно. Не задерживаю, — сказал Руофф, освобождая от канцелярских принадлежностей край стола, на который врач поставил сумку и начал извлекать медицинские инструменты.

— Только захватите с собой вот это, — словно спохватившись напоследок, добавил генерал-лейтенант, доставая из ящика стола потёртую кожаную папку с крупной, рельефно выдавленной свастикой в лапах орла и протягивая её Шэфферу. — Здесь последние сообщения от нашего советского друга. Раз уж вы теперь без пяти минут мой новый адъютант, попрошу вас передать это в штаб армии. Пусть проанализируют и представят мне свои соображения к завтрашнему вечеру.

— Мне самому организовать их перевод с русского или это сделают в штабе, господин генерал-лейтенант? — спросил Шэффер, с лёгкой неприязнью наблюдая, как доктор перетягивает жгутом руку командующего и готовит иглу.

— В этом нет необходимости, — снисходительно улыбнулся Руофф. — Он говорит и пишет по-немецки лучше нас с вами.

Словно не доверяя его словам, оберст Шэффер смело приоткрыл папку и быстро пробежал глазами по

аккуратно вложенным в неё бумагам. Сжав от удивления губы, он попрощался с командующим коротким наклоном головы и, небрежно набросив на затылок фуражку, вышел из кабинета.

ХІІІ

Тусклая темнота пасмурного осеннего вечера быстро вползала в Геленджик. Косматое нежаркое солнце обессиленно проваливалось из холодной синевы неба в почерневшее море. Сквозь грязное окно каморки, наскоро прилаженной к стене ремонтного цеха, Новицкий видел, как ввинченный в низкие облака мутно-алый диск воспалённо пульсировал в клубящейся мгле, просвечивая рассеянными лучами низкие тучи. Красные полосы стремительно догорающего заката слоились в прорехах фиолетовых облаков. Пенистые волны возбуждённо накатывали на галечный берег и с тонким хрустом тёрли друг о друга остывшие камни.

Смертельно устав за долгий рабочий день, Новицкий безучастно потягивал из помятой жестяной кружки кипятка и, не отрывая взгляда, смотрел на запад. Латунная вода упруго выгибалась под холодным солнцем длинными угловатыми буграми. Новороссийска отсюда не было видно, но он знал, что его город лежит сразу за этими золотистыми россыпями октябрьского леса, круто ползущими в нависающие над Геленджиком горы. Андрей не отрываясь смотрел на тающие над ними алыми клочковатыми перьями вечерние облака — те же самые, что таяли сейчас и над Станичкой, над тем домом, где больше года назад он простился с Полиной.

Лёгкий дождь порывистыми набегами шелестел по металлической крыше, звенел по мутному, в кривых ветвистых потёках оконцу. Было видно, как на берегу моря одиноко дрожали тонкие ветви полунагих влажных кустов и как напористый ветер плотно рябил быстро

разраставшиеся лужи, в которых мокли мелкие кизилые листья.

За стеклом метнулись несколько неясных теней, и в шаткую дверь настойчиво постучали. Андрей наскоро проглотил последние глотки горячей воды и снял крючок с петли. В каморку пахло свежестью дождя и йодистой влажностью морского ветра. Через широко растворённую дверь в комнату шагнул в изрядно промокшем плаще стального цвета сухощавый и узкоплечий, шеголевато затянутый в ремни капитан с новыми полевыми погонами. Вслед за ним мешковато ввалились два солдата в намокших плащ-палатках, из-под которых торчали направленные вперёд, словно они шли в атаку, стволы автоматов.

Капитан, деланно нахмутив белёсые деревенские брови, вопрошающим взором обвёл обиталище слесаря ремонтного цеха, немного выждал, видимо, о чём-то размышляя, и громко спросил:

— Сержант Новицкий? Так ваша фамилия?

Только сейчас Андрей заметил матово блестящий в его руке «парабеллум».

— Так точно, — оторопев от удивления и невольно округляя глаза, проговорил Андрей. — В чём дело?

— Вы арестованы, товарищ сержант. Сдайте оружие, если оно у вас есть, и следуйте за мной, — процедил капитан тусклым и безразличным, словно выцветшим от многократного повторения, голосом. В потухающем свете дня его заострённые скулы казались ещё более злыми и жёсткими.

Исхудалое лицо Новицкого накрыло меловой бледностью. Прямые брови сдвинулись над сузившимися и остро вперившимися в нежданных гостей тёмно-ореховыми глазами. Чёрные давно не стриженные, не мытые и не чёсанные волосы, налипшие от пота к наморщенному

лбу и вискам, мелко шевелились на пронизывавшем комнату сквозняке. Андрей перебирал в изнурённой от работы и постоянного недосыпа голове разные варианты и не мог понять, в чём дело.

— Я не могу долго ждать, сержант, — напомнил о себе капитан, для верности подойдя почти вплотную к Новицкому и ткнув его пистолетом в грудь. — У меня приказ.

Неторопливым жестом он протянул руку ладонью вверх. Андрей плавными, нарочито медленными движениями, не желая осложнять и без того непонятную ему ситуацию, достал из-под рваного матраца финский нож, бесчисленное число раз выручавший его, и взяв за блестящее остро заточенное лезвие, спокойно протянул косянкой рукояткой капитану. Тот небрежно схватил его, отдал одному из стоявших позади солдат и скомандовал:

— А теперь собирайтесь. Я провожу вас к полковнику Бурову.

С этими словами он подбросил в руке «парабеллум» и, удобнее перехватив ладонью затёртую рукоять, деловито втолкнул его в кобуру. Андрей смерил капитана гадливым взглядом — так обычно, по его наблюдениям, обращались с оружием немцы — и принялся натягивать на себя грязную, потную недавно снятую робу.

— Если у вас есть плащ, накиньте его. Там дождь, — подчёркнуто равнодушно добавил капитан.

Новицкий скупно развёл руками, давая понять, что эта роба — единственная одежда, которая у него есть, и вышел за порог вместе с конвоем. Он молча шагал вслед за поскальзывающимся на мокрой глине капитаном, напряжённо вслушиваясь в густую тишину чёрного леса, в слабый шелест капель среди мокрых листьев и чавкающий топот идущих позади него солдат. Короткие струи дождя, быстро смывавшие с ненастной хмари

свинцового неба последний багровый блеск заката, хлестали по лицу, не охлаждая головы, кипящей от растерянности и непонимания происходящего.

Его привели в штаб Новороссийской военно-морской базы и, широко отворив массивную тяжело скрипнувшую дверь, втолкнули автоматами внутрь. Просторное помещение было наполнено душной сыростью и запахом горячего железа — с наступлением осенних холодов топить здесь стали чаще. Под потолком тускло мерцали аккумуляторные лампочки, в пляшущем свете которых были видны многочисленные офицеры, сидящие вокруг стола Холостякова с напряжёнными сосредоточенными лицами.

На обветренном крупном, с покатым морщинистым лбом лице Георгия Никитича при виде вошедшего под конвоем Новицкого губы слабо изогнулись в подобие улыбки. Жестом он показал посадить арестованного на стул у стены и, дождавшись пока капитан и оба солдата усядутся рядом, обратился к сидевшему напротив него Бурову:

— Теперь, похоже, все в сборе, как вы и хотели, товарищ полковник? Продолжайте, мы внимательно слушаем.

— Итак, как я уже сказал, — сипло откашлявшись, заговорил Буров, — решением штаба на десять часов утра сегодняшнего дня в акватории Геленджикской бухты были назначены морские учения с целью отработки манёвров и стрельб. Боевой катер «Ленинец» принял на борт десять торпед, собранных в ремонтной мастерской старшего слесаря Капустина и временно помогающего ему сержанта морской пехоты Новицкого. В виду неоправданно слабой для военного времени боевой подготовки находящийся в подчинении каперанга Холостякова экипаж катера не смог поразить неподвижную

мишень, заякоренную возле берега, и выпущенная торпеда прошла мимо неё. Она выкатилась на сушу, ударила о стенку расположенного в пятнадцати метрах от уреза воды дота, из которого за ходом учений наблюдали старшие офицеры, и не разорвавшись осталась лежать там.

Буров на мгновение замолчал, обводя собравшихся опухшими от бессонных ночей глазами и как будто подбирая слова для продолжения рассказа. Вялым скупым движением он поправил съёжившийся китель, мешковато висевший на округлых плечах, и медленно проговорил:

— А дальше произошло то, за что некоторым из нас придётся отвечать по всей строгости законов военного времени. Едва несколько офицеров вышли из дота, чтобы осмотреть торпеду, она взорвалась. Два человека погибли на месте, ещё один несколько часов назад скончался в госпитале. С «Ленинца» сразу же был снят весь боезапас и внимательно изучен нашими специалистами. Они установили интересную вещь. В головной части семи из девяти неиспользованных торпед инерционный ударник имел весьма характерные, хорошо видимые невооружённым глазом признаки намеренной деформации, замедляющей взрыв. И во всех семи случаях — можете себе представить? — эти признаки были совершенно идентичны, а именно — растянута пружина сердечника. Записи журнала судоремонтного цеха показали, что эти семь торпед, равно как и первая, выкатившаяся на берег, были собраны только что доставленным сюда слесарем Новицким.

С этими словами Буров обернулся к нему белым с мелко дрожавшими дряблыми складками лицом и, небрежно пригладив взлохмаченные волосы, с напускной вежливостью попросил:

— Расскажите нам, пожалуйста, товарищ сержант, что толкнуло вас на путь саботажа и диверсии?

— Здесь какая-то ошибка, честное слово, товарищ полковник! — затараторил, заикаясь, Андрей. — Я собирал все механизмы в точном соответствии с инструкциями Капустина. Он мне всё подробно показал и на первых порах даже проверял за мной. Не знаю, как такое могло получиться...

— Это не совсем так, — грубо перебил его следователь НКВД, сидевший по правую руку от Бунова. — Оставшиеся две торпеды, собранные старшим слесарем Капустиным, ни подобных этим, ни каких-либо других дефектов не имеют. Они полностью отвечают всем требованиям, предъявляемым к продукции этого типа и взрываются вовремя, то есть в момент удара о препятствие. К настоящему времени это уже доказано опытным путем. Что же касается временной отсрочки взрыва, обусловленной преднамеренной деформацией собранных Новицким инерционных ударников, то её — и это тоже уже доказано технической комиссией — оказывается вполне достаточно для того, чтобы ударившись о борт, торпеда утонула и сработала на безопасной для корабля глубине. Думаю, из опытных моряков никто не будет спорить, что лучше уж вовсе не иметь в бою никаких торпед, чем иметь такие, которые создают иллюзию оружия, а на деле не представляют для противника никакой опасности. Так что факт предательства налицо.

— Призываю не спешить с прямыми обвинениями, товарищи — обращаясь в первую очередь к сотрудникам НКВД, произнёс Холостяков. — Факты, конечно, говорят о многом, но заслуг Новицкого тоже никто не отменял. Не думаю, что здесь что-то серьёзнее банальной ошибки. Он смелый боец и исполнительный солдат, командиры доверяют ему, как себе.

Буров глубоко и напряжённо вздохнул, уголки его губ мелко задёргались.

— А те советские моряки, которые неизбежно погибли бы, ввязавшись в бой против фашистов с этими торпедами, тоже должны ему доверять, как себе, каперанг? — возбуждённо раздувая хрящеватый нос, вскричал Буров. — Или мои люди, которым в ближайшие сутки предстоит перевернуть с ног на голову десятки кораблей, проверяя и изымая бракованные торпеды, тоже должны ему доверять? Вас-то самого, доверчивый вы наш, не насторожило, что человек, который мог бы ни черта не делать и ещё несколько недель валяться в госпитале вдали от фронта, вдруг по собственному желанию, с незажившими ранами в руках и ногах напрашивается вкалывать с утра до вечера в судоремонтном цеху?

— Стахановец, мать его! — раздался из угла чей-то сдвленный смешок.

— Молчать! — брызгая слюной, рявкнул в ту сторону Буров.

— Не повышайте голос в моём кабинете, товарищ полковник! — простуженным, но твёрдым начальственным баритоном остановил его Холостяков. — Вы, похоже, совсем с ума сошли в погоне за шпионами, что хватаете всех подряд по любому поводу, — с грустной усмешкой добавил он. — Посмотрите на него, — он показал рукой на Новицкого. — Что, он, что ли, по-вашему, может сотрудничать с немцами? Да он ни слова по-немецки не знает.

В кабинете повисла недолгая пауза. На мгновение стало слышно, как дождь шелестит по стёклам, скатываясь обильными неровными струями.

— Вы всерьёз хотите поговорить об этом, каперанг? — словно вдавливая в напряжённый воздух каждое

слово, негромко процедил Буров, исподлобья глядя на Холостякова. — Ну что ж, тогда ответьте мне на один вопрос. У разведчика Мэри, заброшенного вами к немцам на разведку в Новороссийск несколько недель назад, был с собой белый конверт?

Георгий Никитич застыл в своём кресле, как пригвождённый.

— Допустим, — аккуратно ответил он.

— И что же в нём было? — поинтересовался Буров.

— Там было письмо, подтверждающее легенду нашего разведчика. Якобы из плена его родственникам в Германии.

— Надо полагать, на немецком языке?

— Конечно.

— Вы видели, как Мэри писал его?

— К сожалению, нет. Это была его инициатива в самый последний момент. Мне она показалась разумной, и я разрешил ему оставить его.

— То есть вы видели письмо на немецком языке, каперанг?

— Даже если и так, товарищ полковник, чего вы от меня добиваетесь? Я в любом случае не знаю ни одного языка, кроме русского. Прочитай я его хоть сто раз, не пойму ни слова.

— Я спрашиваю не о том. Подтвердите, пожалуйста, что вы увидели своими глазами, что письмо написано на немецком языке, и, не понимая содержания, разрешили разведчику Мэри унести его с собой в оккупированный немцами Новороссийск.

— Подтверждаю, — не придав большого значения этой детали, согласился Холостяков и, изумлённо покосившись на следователя НКВД, начавшего неожиданно быстро что-то записывать в свой широкий блокнот, спросил:

— А что вы так привязались к этому письму, товарищ полковник? Какое оно имеет отношение к нашему вопросу? Откуда вы вообще, кстати, узнали о нём?

— Не в наших правилах раскрывать свои источники, — искривился в коварной усмешке Буров, расстёгивая свой широкий кожаный портфель и вынимая из него стопку подшитых документов, — но для вас я, пожалуй, сделаю исключение. Вот здесь, — он передал папку Холостякову через сидевших между ними офицеров, — показания слесаря Капустина, напарника Новицкого, которые он дал, добровольно явившись ко мне через день после ухода вашего разведчика к немцам. Ох, если бы все были такими же бдительными, как Капустин! — с наигранной мечтательностью воскликнул особист, патетически всплёскивая руками.

Георгий Никитич не заметил его энергичной жестикации, так как сразу, едва получив документы, впился в них глазами и начал внимательно читать.

— В тот день пришедший в цех Капустин, — громко продолжил Буров для остальных, — заметил, что Новицкий находится в помещении не один. Он это понял по голосам, раздававшимся изнутри. Поскольку характер беседы свидетельствовал о том, что сержант прощался с очень близким другом, уходящим на боевое задание, Капустин с присущим ему тактом и сознательностью не стал входить, а остался дожидаться снаружи.

— Греть уши за дверью — не показатель большого такта, товарищ полковник! — раздражённо огрызнулся Холостяков, не отрываясь от бумаг.

— Тем не менее, — с нажимом перебил его Буров, — через приоткрытую дверь он увидел, как в конце их разговора Новицкий передал Мэри небольшой белый конверт. Как мы все теперь понимаем, это был тот самый

конверт, который затем с вашего разрешения Мэри унёс с собой в Новороссийск. Что за информация была в нём? Отчёт о совершённой диверсии? Количество повреждённых снарядов?..

— Пойдите! — громко выкрикнул со своего места Андрей, привлекая к себе удивлённые взгляды со всех концов кабинета. — Разрешите мне всё объяснить. Это я во всём виноват. Каперанг предупреждал меня, но я ослушался. Я попросил Энделя взять с собой в Новороссийск письмо для моей подруги. Я, конечно, дурак, мне очень стыдно, я заслуживаю жестокого наказания, но я не предатель, товарищ полковник. Это было просто письмо девушке. Ничего секретного. Простите меня, пожалуйста, — закончил он упавшим голосом и виновато посмотрел на Холостякова.

В красноватых от бессонницы глазах Георгия Никитича бешено плеснулась ярость. Он впился в Андрея суровым пронзительным взглядом, и тот почувствовал, как стальной отсвет зрачков почти физически обжигает ему лицо. Новицкий безнадёжно уронил голову на грудь, потухший взор его безжизненно остановился на едва тлеющих углях за закопчённой задвижкой печки-буржуйки в углу кабинета.

— И давно вы переписываетесь с невестой по-немецки? — небрежно прервал повисшую в кабинете тишину дряблый голос Букова.

— Бросьте, товарищ полковник! — взвинченно одёрнул его Холостяков. — Значит, письмо было на русском языке. Что вам тут ещё непонятно? Два молодых дурака по глупости ослушались меня, и я даю вам слово, что они оба сполна ответят за это по всем законам военного времени. Оставьте его мне! — резко показал он рукой в сторону Новицкого. — И продолжайте заниматься своими делами. Всем уже очевидно, что это не вопрос НКВД.

— Тогда у НКВД появляется другой вопрос. На этот раз к вам, — осторожно откашлявшись, заговорил Буров, и в синих глазах его, устремлённых на собеседника, затвердел льдистый блеск. — Зачем вы обманули меня, сказав, что проверили конверт, который Мэри унёс к немцам в Новороссийск? Мой человек подробно записал, что вы своими глазами...

— Обстановка развивалась стремительно, — багровея пятнами, огрызнулся каперанг. — Не было времени проверять.

— Значит, мы можем исправить в наших записях, что направляя разведчика в тыл противника, вы не поинтересовались, какие документы он уносит с собой, и не дали себе труда изучить их содержание? При таком подходе из вашего штаба можно вынести всё что угодно.

— Нет, — утомлённо выдохнул загнанный в ловушку Холостяков и посмотрев на улыбающихся чекистов ничего не выражающим, пустым взглядом, добавил:

— Оставьте, как есть. Я проверил все документы.

— Как скажете, Георгий Никитич, — любезно кивнул Буров и, натужно кряхтя, поднялся из-за стола. — Спасибо за ваше сотрудничество. Вопросов больше нет. Нам пора.

Поспешно запихивая большой блокнот в планшетный портфель, вслед за Буровым поднялся следователь.

— Ах, да, совсем вылетело из головы, — не очень старательно изображая забывчивость и хлопая себя ладонью по лбу, продолжил особист. — Разрешите проинформировать, что ваш — или не только ваш — следствие покажет — разведчик Эндель Мэри арестован несколько часов назад моими людьми.

— Что? — изумился Холостяков, будто ошпаренный подскакивая с резко отшатнувшегося назад кресла. — Как арестован? На каком основании?

— Отряд противодесантной обороны нашёл его на берегу моря у подножия горы Пенай в районе Кабардинки. Он утверждает, что якобы добыл секретную карту, убив двух немецких офицеров, а затем, спасаясь от преследования, бросился в море и переплыл всю Цемесскую бухту с запада на восток. И всё это с двумя огнестрельными ранениями. В общем, даже смешно повторять эти небылицы, каперанг.

— Почему вы ему не верите? Сильно он ранен?

— Пара косметических, чисто для отвода глаз, царапин на руке и ноге, к которым, как мы знаем, ему не привыкать. Якобы ему стреляли вслед, когда он бросился в воду. К тому же за час до его обнаружения в двухстах метрах от берега в том месте прошёл немецкий катер. Ну, а вскрывшиеся только что факты красноречивее всего остального подтверждают мои самые печальные подозрения. Я должен серьёзно поработать с обоими вашими бойцами, каперанг. Не буду скрывать, скорее всего, их ждёт весьма незавидная доля.

— Я уверен, что они оба ни в чём не виновны, и искренне надеюсь, что ваши подозрения не оправдаются, — твёрдо ответил Холостяков.

Буров сухо кивнул головой и, пропустив вперёд конвоиров, вытолкавших Новицкого из кабинета, быстро вышел вслед за ними в сопровождении своих людей, туго затянутых в длинные кожаные плащи.

Через непроницаемо сгустившуюся прохладу звёздной октябрьской ночи продолжали сыпаться последние серебристые капли. Слабеющий дождь еле слышно

шуршал в тускло блестевших под выщербленной луной кустах, и невидимое в ночной черноте море свинцово шумело в неразличимой дали тихо ропщущим прибоем. Андрея втокнули в маленькую сырую камеру и с грохотом захлопнули дверь.

XIV

Эндель почувствовал, что проснулся, но ещё не открыл заплывшие от недавних побоев глаза. Накануне обессиливший и уставший, с кровоточащими ранениями, которые нестерпимо жгло солёной водой, с трудом увернувшийся в открытом море от нескольких пересёкших его путь немецких катеров, он всё же доплыл до казавшегося недостижимым восточного берега Цемесской бухты и, рыдая от счастья, выполз на холодные камни. Что было дальше, он не помнил — похоже, надолго провалился в беспамятство, и очнулся лишь в помещении, куда его на носилках приволок отряд противодесантной обороны, наткнувшийся на лежащее в крови тело, подававшее слабые признаки жизни.

Первое, что он увидел, придя в сознание на узкой кровати, была брошенная на стул немецкая форма, в которой он приплыл. Обстановку комнаты, смутные очертания которой еле проступали в полумраке, разобрать было сложно — крошечная мерцающая лампочка на потолке не справлялась с тьмой, сгустившейся по углам. Сквозь небольшое, заваренное крест-накрест толстыми прутьями оконце тускло мерцало красное, как кровь, закатное солнце. Его ало-золотистый свет, преломляясь в мозаике забрызганных дождевой водой стёкол, разбрасывал по узкому подоконнику причудливые тени.

«Всё-таки выжил! — с облегчением выдохнул Мэри. — Добрался к своим. Что может быть лучше?», — и убаюкиваемый сладкими мыслями вновь начал погружаться в приятную полудрёму, ощущая, как затихает озноб и боль в ранах. Уснуть, однако, не удалось. Толстая железная дверь, громко лязгнув тяжёлым металлическим затвором, медленно

открылась с отвратительным режущим звуком ржавых петель. Поток яркой белизны, хлынувшей из хорошо освещённого коридора, разбила несколько крупных теней. Одна из них, гулко стуча сапогами подребезжающему полу, вошла в комнату. Эндель сразу различил форму НКВД, плотно обтягивающую рослую плечистую фигуру.

— Эй, фриц, или как там тебя? — небрежно, как будто насмехаясь, заговорил вошедший, пристально всматриваясь вглубь помещения и, видимо, дожидаясь пока глаза привыкнут к полумраку. — Шнель, как говорится, хендэ хох. Живой ты тут ещё?

— Живой я, живой! — обрадованно воскликнул Эндель. — Я не немец. Меня послали в Новороссийск на разведку...

— А-а, по-русски, значит, говоришь, — оборвал его солдат, похоже, совсем не обратив внимания на его слова. — Проснулся уже? Идти можешь? С тобой поговорить хотят. Собирайся.

Эндель медленно, с трудом преодолевая боль и головокружение, поднялся с кровати и стал натягивать на себя ещё влажную немецкую форму. Едва он переступил порог, несколько пар крепких рук скрутили его и защёлкнули на запястьях наручники.

— Это точно лишнее, — попытался слабо возразить Мэри, — я же объясняю...

— Там будешь объяснять! — рявкнул один из бойцов и, резко толкнув его автоматом в спину, прикрикнул. — Давай пошёл, гнида, пока не пристрелил.

Пустынные улицы заливала тишина предвечерних сумерек. В чёрно-фиолетовом небе за рассеивающимися тучами скатывалось к горизонту ослабевшее солнце. Из последних сил прорывая уже плотно наброшенное на округу тёмное покрывало, оно отсвечивало на

бескрайней поверхности моря тускло блескующим серебром. Прохладный воздух, тянувшийся вдоль берега напористым потоком, как ледяная вода, обтекал измождённое тело Энделя, и его вновь начало знобить.

Его привели к незнакомому серому ничем не примечательному зданию и бесцеремонно втолкнули в просторный, более чем добротно обставленный для военного времени кабинет. За широким дубовым столом, устало развалившись в высоком кожаном кресле, сидел пожилой полковник. Он внимательно изучал разложенные перед ним документы и, казалось, не обратил никакого внимания, что к нему, широко распахнув двери, вошли несколько человек.

— Задержанный немецкий разведчик по вашему приказанию доставлен, — бойко отчеканил разбудивший Энделя боец, небрежно подбрасывая ладонь к виску.

Полковник сделал в бумагах последние пометки остро отточенным карандашом и, деловито сдвинув их в сторону, жестом приказал усадить арестованного. Бойцы поставили возле стола непонятно откуда возникший стул и бесцеремонно вдавили в него обессиленного Энделя, который не слишком расторопно, по их мнению, исполнял команды.

— Моя фамилия Буров, — неспешно начал полковник, доставая из ящика стола толстую замшевую папку. — А вы, надо полагать, Эндель Мэри из почти полностью уничтоженного по глупости Холостякова 305-го батальона?

Задав этот вопрос, он улыбнулся, но Эндель, глядя на его равнодушное лицо, понял, что это была не настоящая улыбка — просто растянутые губы, оскалившие мелкие зубы.

— Так точно, — ответил Эндель. — Но здесь какая-то ошибка, товарищ полковник. Меня арестовали...

— Это мы сейчас выясним, — холодно прервал Буров. — Я с самого начала наблюдаю за твоими похождениями, боец, и боюсь, тебе придётся очень хорошо потрудиться, чтобы я поверил в ошибку.

— Что за ерунда, чёрт возьми?! — изумился Мэри. — Мне было поставлено задание, и я его выполнял. Отпустите меня, я не шпион.

Он быстро вскочил со своего места, но приблизиться к столу не успел — в глазах калейдоскопом сверкнули тысячи разноцветных искр, и он не сразу понял, что его ударил и сбил с ног один из стоявших рядом бойцов НКВД.

— Ах, вы ж твари! — прохрипел Эндель, с трудом поднимаясь на коленях и выплёвывая натёкшую в рот кровь. — Вы бы лучше так фрицев на Балке Адамовича били, как меня здесь.

Ещё один тяжёлый удар в голову опрокинул его на пол, и несколько пар ног в тяжёлых твёрдых сапогах начали топтать и пинать его. Закончив избиение, конвойные подхватили Мэри за подмышки и швырнули обратно на стул. В ту же секунду Буров резко поднялся со своего кресла и развернул большую настольную лампу. Обжигающий свет полоснул Энделя по глазам. Ослеплённый на несколько секунд он зажмурился и почти над самым ухом услышал раздражённый хриплый, словно харкающий жёлчью громкий шёпот:

— Из этого кабинета живыми выходят только те, кто выполняет мои приказы и отвечает на мои вопросы. Тебя ещё не расстреляли только потому, что мне стало интересно, откуда у тебя вот это, — Эндель разомкнул глаза и увидел, что Буров трясёт перед ним немецкой военной картой.

— Я отнял её у убитых мной фашистов в госпитале, куда меня привезли после того, как подобрали в горах, — как можно спокойнее ответил Эндель.

— То есть ты с огнестрелами, которые тебе наставили здесь по указанию Холостякова, убил нескольких фашистов в госпитале, где у тебя, надо полагать, вряд ли даже было оружие, и забрал у них подробнейшую секретную карту?

Избивавшие Энделя конвоиры громко засмеялись.

— А потом что? — продолжил Буров, не убирая прямо светившую в лицо Мэри лампу. — Будучи, как я понимаю, ещё несколько раз ранен при преследовании, ты залез в море и переплыл в ледяной воде всю Цемесскую бухту, кишашую немецкими кораблями?

— Да, — твёрдо ответил Эндель.

— Довольно этого бреда! — остервенело рявкнул Буров. — Значит так. Ты мне сейчас же расскажешь, с кем ты встречался, как они на тебя вышли, кто твои информаторы, какие сведения ты им передал, какую дезинформацию приволок сюда в этой вонючей карте, каким образом...

Дверь кабинета тихо скрипнула. Внезапно возникший сквозняк забросил в приоткрытую форточку несколько осенних листьев, сорвавшихся с протянувшейся вдоль окна ветки. Кружась и переворачиваясь в медленном падении, они плавно опустились на пол и на край стола.

— Разрешите доложить, товарищ полковник? — молодцевато отрапортовал вошедший. — Личность диверсанта из судоремонтных цехов установлена. Все бракованные торпеды собирал сержант морской пехоты Андрей Новицкий.

— Найти и арестовать! — бросил Буров. — Подайте машину. Поедем разбираться к Холостякову. Новицкого

этого приведите туда же, — и обернувшись к Мэри, добавил:

— А с тобой мы ещё продолжим, герой недобитый, мать твою! Увести его! — крикнул он напоследок конвойным.

— Обратно в лазарет? — спросил один из них.

— Зачем? — удивился Буров. — Он же не при смерти. Бросьте его в камеру.

В кутузке Мэри почти сразу же заснул на узких жёстких нарах без подушки и одеяла, даже не сняв ещё влажного фашистского кителя. Конечно, всё произошедшее вызывало у него острую тревогу, но что он мог сделать? Он честно выполнил свой долг и твёрдо знал, что может ответить за каждый свой шаг.

Он лежал на спине на чём-то сыром и твёрдом, чувствовал что невыносимо болят плохо перебинтованные раны и что впитавшийся в тело колючий холод стылого октябрьского моря до сих пор ломит кости. В сознании мучительно колыхались последние воспоминания, и он не смел разомкнуть глаз, предпочитая реальности мрак ночи. Через какое-то время ему стало казаться, что в ноздри забивается терпко-солоноватый запах крови, что всё ближе слышится крысиный писк и шорох маленьких когтистых лап по каменному полу. Неожиданно пальцы на правой руке прострелила обжигающая боль, и от внезапно сдавившей горло судороги он даже не смог закричать. Мэри вскочил, испуганно озираясь по сторонам. Краем глаза он увидел, как по скользкому полу в мертвящую, плотно сомкнувшуюся вокруг него темноту разбежались несколько огромных жирных крыс. Из прокусанных пальцев лила кровь.

Помещение, в котором он находился, не было похоже на камеру, куда его привели накануне: не было ни

нар, на которых он уснул, ни даже входной двери. С трёх сторон смыкались каменные стены, а вместо последней зияла неясная пустота. Длинный туннель слабо подсвечивался огнями. Подойдя ближе, Эндель с ужасом увидел перевёрнутые человеческие черепа, внутри которых потрескивая горел жир.

Ледяной пот крупными каплями покатился со лба. Едва справляясь с охватившим его страхом, он быстро зашагал по коридору, осторожно продвигаясь вдоль покрытой мхом влажной стены, но быстро понял, что капающая с потолка влага была кровью. Мэри в безумстве отшатнулся на середину тоннеля и, протягивая чтобы ни на что не натолкнуться вперёд руки, пошёл дальше. Вокруг царили приторный запах мертвечины, шорохи и писки бежавших следом крыс. Мрачный холод тёмного склепа забивал дыхание прелой сыростью.

Неожиданно он наткнулся ногой на что-то твёрдое, послышался лязг металла о камни. Он осторожно нагнулся и поднял новый «шмайсер». Проверив магазин — тот оказался полностью забит патронами, Мэри с хрустом вогнал кассету обратно, передёрнул хорошо промасленный затвор и, выставив автомат вперед, двинулся дальше.

Перешагнув обгрызенный крысами труп, Эндель бросился по коридору бегом, желая как можно скорее выбраться из проклятого склепа. Несколько раз он слышал, как сухо и звонко треснули под сапогами сломавшиеся кости. На пути всё чаще попадались обезображенные мёртвые тела. Временами казалось, что некоторые из них ещё дышат и вздрагивают словно живые. Местами ноги вязли в расползающемся под сапогами гнилом мясе. Белые груды человеческих костей высились вдоль кровотокающих стен до самых сводов.

Неожиданно руки упёрлись в массивную деревянную дверь, запертую на огромный железный замок. Эндель несколько раз толкнул её, но она не поддавалась. Скинув с плеча автомат, он почти в упор начал стрелять в деревянный брусок вокруг засова, долго не убирая пальца с гашетки. Патроны в магазине уже несколько раз должны были закончиться, но автомат продолжал стрелять, медленно кроша массивные доски.

Наконец, отступив на шаг назад, Мэри сильным ударом ноги вышиб дверь. Сломавшись в нескольких местах, она провалилась внутрь. Трупы, опиравшиеся на неё, соскользнули и рухнули вниз. Плескавшаяся на полу кровь хлынула через порог в просторную тёмную залу без окон и дверей, слабо освещённую с потолка несколькими тусклыми фонарями.

Не решаясь войти внутрь, Эндель озирался по сторонам, пока вдруг из глубины зала не мелькнула острая вспышка. В уши ударил отдалённый гром выстрела, и в каменной стене прямо рядом с головой сверкнула синяя искра разрывной пули. Мэри пригнулся, упал за грудой тел и, выставив вперёд автомат, начал до рези в глазах всматриваться в непроглядный полумрак.

Из давящей темноты, колыхавшейся по углам сгустившимися тенями, еле держась на тонких кривых ногах, медленно вышел коренастый тяжеловесный Буров. Несоразмерно короткие толстые руки болтались по бокам. В одной из них дымился пистолет. Маленькие глаза злобно сверкали в глубоких впадинах. Крошечный нос терялся в неправдоподобной массе жира широкого красного лица.

Поймав его в прицел, Эндель вдавил палец в гашетку. Кипящий свинец с остервенением начал рвать тело полковника, вышибая из него крупные куски плоти, но

тот не только не падал, а продолжал так же невозмутимо шагать вперед. Подойдя почти вплотную, Буров расплылся в мерзкой кривой усмешке, расколовшей его череп от уха до уха.

Эндель обречённо поднялся из-за груды трупов, с размаху швырнул раскалённый автомат в пол и иступлённо проорал:

— Я знаю, что это всё ненастоящее! Это всего лишь кошмар!

Буров вытаращил жёлтые белки в красно-коричневых трещинах и, придвинув грязное, покрытое струпьями лицо, почему-то на немецком языке произнёс:

— Да, это всё сон, — и язык, разрезанный надвое, жёлто-зелёной змеей скользнул между редких почерневших зубов. — Только я не советую просыпаться.

— Почему? — опасливо спросил Эндель, чувствуя, как с почти физической болью плавают клетки утомлённого мозга.

— Потому что по сравнению с тем, что ждёт тебя наяву, — громко расхохотался Буров, — этот сон покажется тебе раем.

Он схватил Мэри за грудки и сильно затряс, не переставая повторять: «Раем, Эндель, раем!»

— Проснись, Эндель, проснись, — кричал Андрей, отчаянно тормоша друга за плечи.

Мэри наконец открыл глаза и испуганно отшатнулся, едва не упав с узких нар.

— Кошмар, наверное, приснился? — мягко, словно извиняясь, поинтересовался Новицкий.

— Хуже, чем кошмар, — тяжело вздохнув, ответил Эндель. — Там у фрицев всякой мерзости насмотришься, до конца жизни глаз не сомкнёшь, лишь бы не видеть таких снов.

— Верю. Ты орал, как резаный. Я и подумал, что лучше разбудить.

— Спасибо, дружище, — Эндель хлопнул его по плечу. — Ты сам-то здесь как оказался? Слышал краем уха, как Бурову доложили про какие-то торпеды.

— Из-за торпед, да, чёрт бы их побрал! — грустно махнул рукой Андрей. — Капустин, сволочь, подставил.

— Напарник по цеху твой? А что вы с ним не поделили?

Андрей смерил Энделя долгим взглядом, как будто решая, уместно ли об этом говорить, и наконец произнёс:

— Полину мы с ним не поделили. Видимо, до сих пор не забыл. Отомстил, скотина! — в сердцах воскликнул Андрей и, помедлив, разъяснил:

— Одноклассник он мой бывший. У нас отношения с ним ещё со школы не заладились. Редкостный гад. В начале войны пропал куда-то, а тут вот вылез, как чёрт из табакерки. Кто дёрнул меня за язык напроситься в эти цеха?

— Не ругай себя, — ободрил его Эндель. — Кто знал, что так получится? У меня похожая ситуация, — горько усмехнулся он.

Несколько минут оба молчали. Потом Андрей заговорил вновь:

— Ладно, к чёрту всех этих уродов. Расскажи, как там в Новороссийске.

— Даже вспоминать противно, Андрей, — искривившись, словно от отвращения, ответил Эндель. — Не город, а сплошная скотобойня. Фрицы, конечно, редкие животные. Дай бог тебе никогда не увидеть этого своими глазами.

— До Станички дойти удалось? — осторожно спросил Андрей.

Эндель ждал этого вопроса и боялся его. Он потянулся за Полининым кольцом, которое повесил на шею, когда закапывал могилу, и с изумлением обнаружил, что его там нет. Подняв глаза на друга, он встретил его вопросительный взгляд и решил, что тот нашёл и снял с его шеи кольцо, пока он спал. И теперь требует объяснений. Сердце его сжалось от ужасных воспоминаний, но ещё более ужасным казалось рассказывать Андрею о том, что произошло с Полиной и всей её семьёй. Кое-как собравшись духом, он медленно заговорил:

— Я убежал в Станичку, спасаясь от преследования, после того, как убил нескольких немцев в госпитале. Во всём посёлке не было ни души, кроме одной-единственной семьи. Незадолго до моего прихода фашисты убили там мальчика и изнасиловали его сестру, — на этом месте Эндель запнулся, но так и не нашёл в себе сил произнести вслух Полинино имя. Решив, что и так всё понятно (откуда ещё у него могло взяться это кольцо), он продолжил:

— Девушка решила им отомстить. Той же ночью она пробралась к немецкой казарме и подожгла её. Узнав об этом, я попытался её остановить, но не успел. Я прибежал на место в самый разгар перестрелки между нею и немецким патрулём, который прибыл, чтобы спасти запертых в подожжённой в казарме. К тому времени она уже была смертельно ранена в живот. Мне удалось отбить её и привезти обратно в Станичку на угнанном немецком мотоцикле, но по дороге она умерла. Когда мы с её матерью заканчивали хоронить её во дворе их дома, появились немцы, и мне пришлось бежать. Я бросился в море и приплыл сюда, а её мать, похоже, убили.

Закончив говорить, Эндель поднял вымученный взгляд на Андрея и к своему полному изумлению ничего не прочёл на его лице. Убедившись, что Мэри больше ничего не добавит, Новицкий нетерпеливо спросил:

— А Полину-то ты нашёл? Или нет?

Эндель уставился на друга растерянным взглядом и не зная, что ответить, спустился с нар и сделал несколько шагов по камере. Рассказать эту историю ему стоило немалых усилий, и он был совершенно уверен в её предельной понятности.

«Чего ты от меня хочешь? — раздражённо подумал он, глядя в требовательные глаза Андрея. — Чтобы я тебе в подробностях рассказывал, как твою невесту Полину насиловали и убивали фашисты?» Он с досадой хлопнул себя по бёдрам, и его ладонь ударилась о маленький круглый предмет. «Чёрт возьми! — сообразил Эндель. — Значит, это врачи в госпитале, видимо, чтобы было проще бинтовать, сняли с шеи кольцо и засунули в карман брюк. Тогда ясно, почему он ничего не понимает. А я-то дурак думаю, что он видел кольцо».

— Значит, ничего не получилось? — громче спросил Андрей, по-своему поняв странное замешательство друга.

Эндель собрал последние капли решимости, чтобы сказать, наконец, правду, но в последний момент страшные слова комом стали в горле, и он, как ни крепился, не смог вытолкнуть их из себя.

— К сожалению, — жёстким металлическим голосом соврал он и тяжело сел на край нар.

— Это хорошо, — облегчённо улыбнулся Андрей. — Раз их не было в Станичке, значит, велика вероятность, что им удалось скрыться, и они сейчас находятся в безопасности. Огромное тебе спасибо, дружище.

Если ли бы он в это время посмотрел на Энделя, то сразу бы всё понял по его застывшему лицу. Но он смотрел в крошечное зарешёченное оконце под потолком, и в его взоре искрились радость и надежда.

XV

Через несколько недель на горном серпантине, петляющем по склонам Маркотхского хребта к востоку от Геленджика, появился среднего роста плотный коренастый человек. Ловким движением он выпрыгнул из кузова «студебеккера», подбросившего его до окраины города и помахав на прощание рукой водителю в забрызганное грязью зеркало заднего вида, уверенной походкой зашагал вниз по склону.

От его сильной атлетической фигуры веяло молодостью. Внимательными искрящимися от известной ему одному радости карими глазами он радостно осмотрел с высокого перевала широко раскинувшуюся внизу Геленджикскую бухту и поспешил в сторону города.

В ранний утренний час осенний воздух был влажен и зябок. Мокрые тучи медленно ползли над горными вершинами в сером пасмурном небе, вымытом до самой выси напористыми ноябрьскими ветрами. Кое-где плавно парили, наслаиваясь друг на друга, редкие облака. Едва заметными точками скользнула за ними группа советских штурмовиков и на полной скорости ушла в сторону Новороссийска.

Придерживая на лобастой голове потёртую пилотку, человек посмотрел им вслед. Для опытного военного эта картина означала многое: советская оборона ещё не прорвана, небо худо-бедно прикрыто, а значит, не всё ещё потеряно. Словно успокоенный этим, он на ходу поправил превосходно сидевшую на нём гимнастёрку с медалью «За трудовое отличие» и ускорил шаг.

Тяжёлая прохлада уже съедала нежную желтизну пестрой черноморской осени. Намокшая природа

утратила краски и потускнела. Ветер буйно мотал голый кустарник по обочинам дороги. Над рублеными срезами Маркотхского хребта зловеще тянулась туча седой боры, готовая с минуты на минуту сорваться вниз, сметая по обыкновению всё на своём пути. Грузные космы густого тумана местами уже перевалили через гребень и тягуче сползали по отшлифованным вековыми ветрами скалам, дыша близкими зимними холодами.

Человек спустился к морю и, жадно вдыхая его терпкий йодистый запах, пошёл по набережной. Лёгкий бриз небрежно подбрасывал в воздух последние чёрные листья, волочил их по земле и ворохами скидывал в пустынную студёную воду. В нескольких кабельтовых от берега двумя кильватерными колоннами прошёл к выходу из Геленджикской бухты отряд торпедных катеров. Россыпи солнечных бликов на нахмуренной морской глади разгорались с наступлением нового дня алмазно-серебристым сиянием.

На ходу любясь беспокойными волнами, он не сбавлял шаг, словно боясь опоздать к месту назначения. Промелькнув силуэтом на фоне синевато светлеющей в утренних лучах воды, он свернул в узкий переулок и направился напрямик к штабу Новороссийской военно-морской базы.

— Разрешите? — проговорил он сочным баритоном, осторожно приоткрывая дверь в кабинет Холостякова и заходя внутрь, не дожидаясь разрешения.

Георгий Никитич, похоже, с ночи сидевший над картой, поднял на вошедшего уставшие, давно не высыпавшиеся глаза и, выронив из невольной разжавшихся пальцев карандаш, на несколько секунд застыл в изумлении. Человек лёгким движением вскинул руку к виску и продолжил:

— Майор Куников по приказу...

Завершить начатый доклад он не успел — Холостяков выскочил из-за стола и, подбежав к майору, крепко обнял его за плечи:

— Цезарь! Ты ли это? Глазам своим не верю! Как добрался? Как твоя спина?

— Жить буду, — отмахнулся Куников. — Врачи всё никак не хотели отпускать, но выписали в итоге, не без боя, конечно, из своей курортной богадельни. Вот только воевать пока не велят. Полюбуйся, — он вынул из внутреннего кармана гимнастёрки аккуратно сложенный документ и протянул Холостякову. — «До конца года только в прифронтовой зоне», — процитировал он, видимо, так сильно задевшие его слова, что запомнил их наизусть.

— Понятно, — проговорил Георгий Никитич, внимательно изучая бумагу. — Значит, командиром третьего боевого участка противодесантной обороны. Это хорошо. Строго-то говоря, это и не совсем прифронтовая зона, — усмехнулся он. — Хотя есть у нас здесь, конечно, места и погорячее. Так что возможности побережь себя для больших дел в любом случае будет больше, чем у некоторых. Радуйся.

— Да чему же радоваться, каперанг? — удивился Цезарь, в сердцах всплёскивая руками. — Я им русским языком говорю, что командовал батальоном. Давайте, прошу их, меня обратно к моим ребятам. А они нет, в противодесанте ты, мол, нужнее. Так и не договорились. На том и уехал.

Мягкая лучистая улыбка, не покидавшая губ Холостякова с момента встречи, внезапно спала с помрачневшего лица.

— Нет больше твоих ребят, Цезарь, — через силу выталкивая каждое слово, понуро проговорил он. — Батальон почти полностью погиб в начале сентября у

цементных заводов и был расформирован за невосполнимостью потерь.

Добродушие схлынуло и с лица Куникова. Он отвёл рассеянный взгляд от словно виноватого лица каперанга и посмотрел в окно. Гладкое, словно зеркало, солнце выплавляло на серой воде Геленджикской бухты золотистую дорожку, которую больше никогда в жизни не увидят погибшие бойцы 305-го отдельного батальона морской пехоты. Слабые лучи просачивались сквозь широкие щели плотных маскировочных занавесок, контрастно очерчивая скудную обстановку кабинета.

— Как так получилось, Георгий Никитич? — наконец, спросил Куников, усаживаясь перед столом и медленно стаскивая с головы смятую пилотку.

— Это я поставил их на Балке Адамовича в ту ночь, — решительно, без прелюдий, но так же трудно выговаривая слова, начал Холостяков.

Он обошёл свой стол, сел в жалобно скрипнувшее под ним кресло и, собравшись с мыслями, продолжил:

— Немцы почти с ходу заняли Новороссийск и рвались по Сухумскому шоссе на восток. Их нужно было остановить любой ценой. И этой ценой стал твой батальон, Цезарь. В тот момент у нас не было никого, кроме них. И они остановили фашистов. Пять дивизий Руоффа забуксовали на Балке Адамовича перед твоими ребятами, и тот факт, что все мы здесь до сих пор живы, — только их заслуга. Слушая меня, ты сейчас, наверное, скажешь, что это так банально рассыпаться в похвалах погибшим, но в моих словах нет ни капли преувеличения, поверь. Они действительно спасли нас всех.

Но Куников думал не об этом.

— Не все же погибли, как я понимаю. Те немногие выжившие, где они сейчас? — с отчаянием спросил он.

— Большинство в противодесантных отрядах, кто ещё в госпиталях, а двумя ребятами — новороссийцем Новицким и эстонцем Мэри — занялись чекисты. Глупейшая история! — Холостяков вкратце пересказал её. — До сих пор сидят в кутузке НКВД. Буров хотел расстрелять их обоих, но до сих пор не может свести концы с концами в своём расследовании. Остаётся лишь надеяться, что и не сведёт.

— Чёрт знает, что у вас здесь творится, если честно, каперанг! — тяжело вздохнул Куников, явно ожидавший услышать после возвращения не такие известия. — Ладно, к чёрту сантименты. Надеюсь, у тебя есть время? Введи меня, пожалуйста, в курс дел по текущей обстановке.

— Если вкратце, она катастрофическая, — неспешно начал Холостяков, на ходу размышляя, с чего бы лучше начать. — В руках немцев весь Таманский полуостров и всё черноморское побережье до Новороссийска включительно. Таким образом, они надёжно блокируют Крым, имеющий для нас стратегическое значение, и полностью контролируют всё Азовское море. Наверное, излишне пояснять, какой это превосходный трамплин для последнего броска на Северный Кавказ, где наших заклятых друзей уже ждут не дождутся турки, пообещавшие вступить в войну, как только немцы захватят нефтепромыслы. И фашисты, которым после захвата Кавказа уже снится вторжение на Ближний Восток, в Среднюю Азию и в Индию, очень надеются на это, поэтому, надо отдать должное их стратегическому чутью и упорству, активно обустраивают так называемую Голубую линию, — Холостяков показал Куникову на карте густую сеть жирных зазубренных синих полос, протянувшихся от Ейска до Новороссийска. — На всём её протяжении, — пояснил он, — как минимум три оборонительных рубежа. А если

считать с отсечными позициями, её общая глубина даже в самой узкой точке превышает шестьдесят километров. С нашими нынешними ресурсами, Цезарь, у нас нет ни одного шанса прорвать её. Мы до сих пор из последних сил держим оборону на Балке Адамовича и с ужасом наблюдаем, как за этой линией немцы собирают мощнейший кулак. Наши возможности тают с каждым днём, а их — нарастают, как снежный вал. Когда они почувствуют, что мы достаточно истощены, то ударят по крупному. И, по-моему, уже никто здесь не строит иллюзий касательно наших возможностей выдержать этот новый удар.

— Какое сейчас соотношение сил? — спросил Куников.

— Смотри сам, — предложил Холостяков, убирая разбросанные поверх карты бумаги. — Пять немецких дивизий, из которых непосредственно Новороссийск защищают три: 46-я, 9-я и 73-я пехотные. Две другие прикрывают подступы. На всех направлениях немцев поддерживают три румынские дивизии — 5-я и 9-я кавалерийские, а также 3-я горнострелковая. Ну эту, впрочем, партизаны большей частью держат на перевалах — без них нам, конечно, было бы совсем трудно, — как будто облегчённо улыбнулся Холостяков и передвинул карандаш дальше на восток по вершинам Маркотхского хребта. — Под Туапсе фрицы уже сосредоточили до десяти дивизий 17-й армии, обеспечив себе значительный численный перевес над обороняющейся на этом направлении нашей 18-й армией Закавказского фронта. Как видишь, тут уже итальянцы, чехословаки...

— Вся Европа здесь, что ли? — горько усмехнулся Куников, перебивая в сердцах начальника штаба.

— Почти вся, Цезарь, — тяжело вздохнул в ответ Холостяков. — И, к сожалению, уже не только здесь.

Он вытащил из верхнего ящика стола другую карту и разложил её поверх первой.

— Это копия немецкой карты, добытой Мэри, — коротко пояснил он. — Оригинал остался у Букова как вещдок.

Куников рассмотрел на тщательно перерисованной штабистами копии две хищные синие стрелы, означавшие немецкие планы захвата Кавказа. Одна из них проходила вдоль северных отрогов Главного Кавказского хребта до самого Баку со змеистыми ответвлениями на высокогорных перевалах в сторону Чечни. Другая почти ровно тянулась вдоль черноморского побережья до Батуми и Тбилиси. Начиналась вторая стрела у Новороссийска. На карте Холостякова здесь, у Новороссийска, она и осталась. Дальше немцы не прошли и на шаг. Зато контуры первой, северной, стрелы почти совпадали на обеих картах.

— Как видишь, — проговорил Холостяков, обводя огромные захваченные немцами территории к северу от черноморского побережья, — на всём кавказском направлении противника по-настоящему держим только мы. Как только дадим слабинку, посыплется всё и везде.

— Подкрепления не обещают? — спросил Куников равнодушно, видимо, не очень рассчитывая на обнадеживающий ответ.

— Скажешь ещё!.. — подтвердил его опасения Холостяков. — Всё, что сейчас есть, швыряют, как в топку, под Сталинград. К тому же Волга перерезана — к нам сюда на юг из России ничего не провезёшь. Наша единственная отрада — бесперебойный английский ленд-лиз из Персии. Продовольствия, машин, оружия хоть отбавляй, но много ли во всём этом толку без людей?

— Ну, ладно, — как будто немного раздражаясь безысходным тоном их беседы, заговорил Куников. — Всем

ясно, что наше положение хуже не придумаешь. Но что дальше? Сидеть и ждать, пока нас перемелют? Должны же быть какие-то планы.

Утренние осенние блики косо лежали на полу кабинета. Из открытой форточки тянуло приятным прохладным сквозняком. Погода за окном стояла свежая, волнение на море усиливалось. Серо-зелёноватая гладь Геленджикской бухты хмуро топорщилась под натиском ветра.

— Пожалуй, расскажу тебе кое-что, — улыбаясь с хитрецей, заговорил Холостяков. — Это пока секретная информация, так что никому ни слова. А то придётся и нам с тобой делить нагретые Новицким и Мэри чекистские нары, — грустно усмехнулся он. — В общем, пару дней назад генерал Петров намекал на большую десантную операцию, в которой будем задействованы и мы.

Куников лишь молча приподнял брови от удивления и недоверчиво округлил глаза.

— Да-да, знаю, звучит, конечно, как форменное издевательство, — почувствовав скепсис собеседника, попытался растолковать Холостяков, — но при более детальном осмыслении понимаешь, что рациональное зерно во всём этом есть. Бесконечно отсиживать в обороне у нас не получится. Численное преимущество немцев, по крайней мере на новороссийском участке, колоссально. Наши потери в людях и технике, в отличие от них, не восполняются. А тем временем за Голубой линией сжимается опаснейшая пружина, которая в любой момент может распрямиться в нашу сторону. Очевидно, что продолжать в том же духе — верное самоубийство, и это все понимают. Таким образом первоочередная наша цель — разрушить или хотя бы ослабить Голубую линию, чтобы снять тем самым угрозу надвигающегося удара.

Куников недоверчиво посмотрел на карту, внимательно провёл пальцем по всей длине мощнейших немецких укреплений и опять вопросительно взглянул на начальника штаба.

— А никто и не собирается штурмовать её, — улыбнулся каперанг. — Идея Ставки в том, чтобы захватить плацдарм на западном берегу Цемесской бухты, где-нибудь недалеко от Новороссийска, чтобы мы могли регулярно и оперативно снабжать его оружием, боеприпасами, продовольствием и, если потребуется, даже поддерживать нашей артиллерией. Во-первых, немцы не двинутся вперёд, пока не уничтожат его, а мы, конечно, сделаем всё возможное, чтобы превратить его во вторую Балку Адамовича. А во-вторых, если, дай бог, нашим войскам удастся — не знаю, правда, как, но очень надеюсь — справиться с Паулюсом под Сталинградом, то при переходе всего фронта в наступление у нас будет готовый плацдарм для освобождения Новороссийска со всей его богатейшей портовой инфраструктурой и географическими возможностями.

— На словах звучит, конечно, прекрасно, — плохо скрывая сомнение, хмыкнул Куников. — Остаётся только найти людей.

— Людей мало, Цезарь, ты прав, и с каждым днём их становится меньше. В Ставке это понимают, поэтому хотят действовать как можно раньше. Ты лучше меня знаешь, что тактические задачи подобной сложности решаются лишь путём огромной концентрации сил для создания численного превосходства в направлении удара. Но в наших условиях создание такой концентрации на одном участке неизбежно сопряжено с критическим ослаблением на всех остальных. Мало того, что на Германию сейчас работает вся европейская промышленность — десятки тонн новороссийского цемента прямо

с захваченных складов пошли на строительство мощнейшего кольца укреплений вокруг города. Прорвать их нашими скудными силами ни с севера, ни с востока невозможно. Поэтому морской десант — единственный выход. Генерал Петров обещал выделить из резерва 47-й армии пятнадцать тысяч человек, танки и артиллерию. Этого должно хватить для высадки в районе Южной Озерейки. Все сходятся во мнении, что это лучшее направление для удара.

— А сам-то ты что думаешь, Георгий Никитич? — прямо спросил Куников.

— Если честно, я в значительной степени разделяю твой скептицизм. Хотя бы просто потому, что как морской человек я вижу множество сложностей в столь масштабной десантной операции, тем более прямо под носом у сильного опытного врага. Ну, а с другой стороны, не сидеть же, действительно, дожидаясь, пока тебя прихлопнут, как муху. Поэтому я со своей стороны согласился с общей концепцией, но предложил параллельно с основным десантом высадить в черте города отвлекающий, который в первые несколько часов оттянул бы на себя как можно больше сил противника, позволяя нашим ребятам закрепиться на берегу в Южной Озерейке.

— Это правильно, — на ходу осмысливая услышанное, проговорил Куников.

— То же самое сказали и в штабе армии, — улыбнулся Холостяков. — На том и разошлись. Они занимаются основным десантом, а мы здесь — отвлекающим. Собственно, над ним я сейчас и колдую, Цезарь.

Куников ненадолго задумался. Он молча сидел, положив ладонь на рукоять заткнутого за пояс штык-ножа, и внимательно рассматривал разложенные на столе карты. Кожа на голом от ранних залысин черепе отливала жёлтым светом солнечных лучей, падающих из окна.

Неожиданно на его смуглом лице двумя угольками сверкнули дерзкие карие глаза, и крепкие зубы заблестели в многозначительной задумчивой улыбке. Он встал со стула и, опершись побелевшими от напряжения костяшками пальцев в стол, сказал хрипловатым голосом:

— Доверь отвлекающий десант мне, Георгий Никитич. Похоже, мне есть за что по квитаться с фрицами.

Холостяков не понаслышке знал, что природная мягкость и обаяние этого человека с красивым светящимся добротой лицом не были обманчивыми, но неизменно сочетались с исключительной настойчивостью и огромным мужеством, не раз позволявшими ему выполнять самые сложные боевые задачи. Тем не менее он помедлил с ответом.

— Сперва посмотри, что ждёт этот отряд, Цезарь. Если верить добытой Мэри карте, — а я, как ты понимаешь, в отличие от Букова верю каждой пометке на ней — в новороссийском порту, на набережной, на пляжах, неприятельская оборона начинается от самого уреза воды. Везде колючая проволока и мины. Пулемётные доты на молах и пристанях, и каждый будет бить в упор по подходящим судам и десантникам. А дальше — массивные каменные здания и опорные пункты с орудиями на всех этажах, линии инженерных заграждений и ещё чёрт знает что. Подходы к порту и внутренний рейд пристреляны десятком артиллерийских батарей. Порт охраняют особые отряды, укомплектованные в основном баварцами из 73-й пехотной дивизии, считающейся в вермахте одной из лучших. За их спинами — Франция, Перекоп, Керчь и Севастополь. А что смогу выставить я? Не больше трёхсот человек, и тех придётся наскребать с огромным трудом по и без того ослабленным подразделениям. Уже представляю, какие разговоры мне предстоят с командирами. А ведь забирать придётся лучших

из лучших, чтобы бросить их в такое пекло, из которого обратного пути может не быть. И всё это ради того, чтобы выиграть пару часов драгоценного для нас времени.

Услышанное, похоже, не произвело на Куникова впечатления. Ни один мускул не дрогнул на его лице, ни тени сомнения не промелькнуло в глазах.

— Если доверишь этот десант мне, Георгий Никитич, — уверенно сказал он всё тем же ровным голосом, обнажая зубы в словно насмехающейся над грозящей опасностью улыбке, — я лично отберу ребят и подготовлю их. Обещаю тебе, мы наведём там такого шороха, что ни один фашист не выползет из Новороссийска дальше Мысхако, пока будет жив хоть один мой солдат.

Холостяков не был готов сейчас принимать столь ответственное решение. Он давно знал Куникова и верил ему как себе. Но Цезарь Львович не был кадровым командиром. Инженер по образованию он проделал стремительный трудовой путь от мастера токарного отделения Московского завода шлифовальных станков, больше известного в народе как «Самоточка», до директора Научно-исследовательского института технологии машиностроения. На последнюю должность Куников был назначен в мае 1939 года — за месяц до своего тридцатилетия. С одной стороны, столь ураганной карьере молодой инженер был обязан масштабным репрессиям, охватившим страну в предвоенные годы и расчистившим для него дорогу к высоким должностям. С другой же, следовало признать, что он не только обладал незаурядными организаторскими способностями и громадной технической эрудицией, но никогда не боялся браться за новое амбициозное дело, которое благодаря колоссальной работоспособности осваивал всегда глубоко и скрупулёзно. Коллеги знали Куникова как строгого и неумолимого профессионала, которому тем не

менее никогда не изменяло чувство меры и такта. В безжалостном огне военного времени эти черты характера быстро переплавились в железное самообладание командира, не теряющегося в самой сложной обстановке.

Пожалуй, именно поэтому на любого человека, не знакомого с подробностями его биографии, Цезарь производил стойкое впечатление кадрового военного. Подтянутый, сильный — годы изнурительных тренировок английским боксом и самбо давали о себе знать, словно влитой в ладно сидевшую на нём форму, он естественно и привычно соблюдал правила армейской субординации. Крайняя сдержанность также всегда была отличительной чертой его характера. В беседах с высшими военачальниками он изъяснялся спокойно и лаконично, ясно выражая любую мысль, что мгновенно выдавало глубокий ум, силу воли и богатый жизненный опыт.

— У меня пока не было приказа отбирать людей, Цезарь, — медленно выговорил Холостяков, не сводя глаз с младшего друга. — Как я сказал, информация об этих планах пока закрытая, и я занимаюсь лишь разработкой общих тактических соображений, которые будут рассмотрены Ставкой. Но раз уж ты завёл об этом речь, скажи, какие соображения ты бы предложил, будучи командиром этого десанта?

— Во-первых, — ни на секунду не задумавшись, начал Куников, — десант со всеми приданными транспортными средствами и силами поддержки должен подчиняться отдельному командиру, отвечающему за все его действия независимо от основного десанта.

— То есть не хочешь иметь над собой начальников? — иронично усмехнулся Георгий Никитич.

— Я... То есть командир десанта, — не улыбаясь в ответ, серьёзным голосом поправился Куников, — и так будет действовать на пределе возможностей. Сам

факт вспомогательной высадки должен рассматриваться основным десантом как усильное содействие, а не обязанность с нашей стороны. Никто не знает, что может произойти и с чем реально предстоит столкнуться. Каждый наш шаг будет зависеть от тысячи непредвиденных мелочей и факторов, реагировать на которые придётся молниеносно. Подчинённость кому-либо в таких условиях да ещё и на расстоянии — худшее, что можно придумать.

— Что ж, согласен, — немного размыслив, ответил Холостяков. — Давай дальше.

— Во-вторых, — продолжил Куников, — связь между штабом, десантом и силами поддержки должна осуществляться самым надёжным образом. Полагаю необходимым создать и засекретить вплоть до непосредственного времени высадки отдельный код, по которому будет осуществляться передача всех шифрограмм с плацдарма.

— Это будет сложнее, — вздохнул Георгий Никитич, — но точно не лишним. С этим тоже согласен. Что ещё?

— И, пожалуй, последнее, но самое важное. Отбор людей должен осуществляться на основе строжайшей добровольности. До каждого нужно довести полную информацию, на что мы идём... Точнее, десант идёт, — вновь поправился Цезарь. — Никакого принуждения.

— За это я вообще обеими руками, — ответил Холостяков. — Спасибо тебе за эти замечания, Цезарь. Обязательно включу их в доклад, с которым завтра поеду в Ставку. И знаешь что? Пожалуй, действительно сообщу, что командиром десанта будешь ты.

Куников едва заметно покачал головой, как будто с самого начала был уверен, что добьётся своего.

— Ну что, по рукам? — выпрямился Холостяков, протягивая широко расправленную ладонь.

Цезарь не шелохнулся и продолжал неподвижно сидеть на стуле перед столом начальника штаба, не спеша принимать предложенное рукопожатие.

— Пока нет, не по рукам, — после неестественно долго затянувшейся паузы проговорил он. — Ребят моих из чекистской кутузки как будем вытаскивать?

Добродушная улыбка на лице Холостякова сменилась напряжением. Протянутая рука плетью повисла вдоль туловища. Он знал, как тяжело, в отличие от многих других командиров, Цезарь мирился с потерями. Кто-то усматривал в этом слабость, но Георгий Никитич знал, что в этом была сила Куникова. Солдаты шли за ним безоглядно, твёрдо зная, что ни одна из жизней не оборвётся зря, что за каждую каплю их крови враг заплатит вдесятеро дороже.

— Это вряд ли возможно, Цезарь, — натужно пробасил Холостяков. — Неужели ты думаешь, что я не сделал всего, что только мог?

— Уверен, что сделал, Георгий Никитич. Поэтому ни в чём не виню тебя. Но я-то пока не сделал, — печально улыбнулся он.

— Поверь, Цезарь, дело труба. Я уже всё перепробовал. Тем более, НКВД не та контора, с которой можно так просто...

— Ты говорил, что немецкая оборона в Новороссийске начинается от самого уреза воды, что их доты там прямо на берегу, — тактично, но настойчиво перебил Куников.

— Я много чего говорил. Ну, да, в том числе и про доты у уреза воды. Только какое это имеет отношение к нашему...

— А ты не думал, что их можно уничтожить торпедами со стороны моря? То есть прямо непосредственно перед высадкой десанта.

Если бы эти слова произнёс кто-то другой, Холостяков бы наверняка решил, что тот просто сошёл с ума. Но Куников с самого начала войны зарекомендовал себя как боец изобретательный и способный на гениальные по своей нешаблонности ходы, залогом эффективности которых было его блестящее инженерное образование.

Начало войны застало Цезаря в вагоне поезда «Москва — Ленинград». Едва сойдя на перрон, он направился не на совещание по экономии стратегического сырья, ради которого прибыл в северную столицу, а в ближайший военкомат и уже через несколько недель активно занимался формированием 14-го отряда водного заграждения. 186 человек под его командованием упорно трудились над строительством и укомплектованием небольшой речной флотилии в подмосковных Химках. В начале августа 1941 года на воде качались три десятка готовых маленьких осведовских полуглиссеров НКЛ и несколько более мощных ЗИСов — все с деревянными корпусами и безо всякого вооружения, которое негде было достать.

Вместе со своим заместителем Вениамином Богословским, тем самым, который принял вместо него бой с фашистами на Балке Адамовича у новороссийских цементных заводов, Куников направился к известному конструктору Шпитальному и по его протекции добыл двадцать авиационных пулемётов ШКАС и пятнадцать ротных миномётов, совершенно не подходивших для малых речных судов. Однако пришлось довольствоваться и этим, поскольку ничего другого в распоряжении Наркомата обороны не было. Куников лично выполнил чертежи и при помощи подчинённых провёл необходимые работы по повышению остойчивости катеров и установке на них добытого вооружения. Направленный осенью 1941 года на Азовское море отряд стал ночным

кошмаром гитлеровцев. Манёвренность и компактность плоскодонок удивительно сочетались с их огромной огневой мощностью: ночью суда рассредоточивались в высоких камышах, а днём, практически незаметные в своей засаде, обрушивали шквал огня на колонны наступавших немцев.

Зимой, с началом ледостава, лёгкие катера с деревянными корпусами больше не могли действовать вдоль побережья. По приказу контр-адмирала Горшкова, командующего Азовской флотилией, Куников возглавил отряд морской пехоты, которому было поручено нарушить коммуникации противника, рвавшегося к Ростову-на-Дону.

Январь 1942 года выдался на редкость суровым. Толстый лёд в устье Дона значительно расширил площадь охраняемого рубежа, а вместе с ним — возможности для немецких диверсантов, поскольку отряд Цезаря был физически не в состоянии перекрыть столь протяжённую береговую полосу.

На выручку пришла другая остроумная выдумка Куникова, который поставил своих людей на коньки, опять же собственноручно выточенные в полевых условиях. Моряки на огромной скорости — стремительно и бесшумно — прочёсывали всё замёрзшее устье, не оставляя медленно крадущимся сквозь непроглядную метель фашистским разведчикам ни единого шанса. Невообразимая мобильность куниковских «охотников», как прозвали их фрицы, сделала береговую линию в районе Ростова-на-Дону полностью непроницаемой для врага.

Но, подчиняясь логике общего отступления советских войск, к лету 1942 года и этот рубеж пришлось оставить.

«От Азова до Тамани, — писал Цезарь 28 июня 1942 года своей жене Наташе в одном из немногих писем,

которые удалось отправить с фронта, — с боями, пять раз выходя из окружения, мы шли на наших маленьких катерах. Шторм шесть-семь баллов. Часть утонула, но большинство выдержали. Здесь, едва сойдя с корабля и не успев обсохнуть от морской воды, я был назначен командиром 305-го батальона морской пехоты».

Батальон, сформированный за неполные сутки, сразу же принял бой с 73-й немецкой дивизией. Почти десятикратное численное превосходство не принесло врагу ожидавшегося успеха — фашисты продвигались черепашьями шагами по трупам собственных солдат. Растянувшись по фронту на 17 километров, 305-й батальон сдерживал атаки шести немецких батальонов, поддержанных артиллерией, танками и авиацией. И куда бы ни совался противник, его везде встречала ожесточённая пушечная стрельба, хотя формально ни танков, ни артприкрытия у Куникова не было — стреляли 45-миллиметровые пушки, установленные на деревянные автоплатформы из-под брошенных прожекторных установок. Рабочие Краснодарского завода им. Седина по чертежам Куникова покрыли их бревенчатый настил специально изогнутыми стальными листами, образовывавшими упругую амортизационную подушку, не позволявшую дереву расколоться при отдаче.

«Эрзац-танки», как прозвали очередное куниковское изобретение защитники Таманского полуострова, скорее всего позволили бы 305-му батальону ещё долго сковывать значительно превосходившие их силы фашистской пехоты, но вновь, следуя беспощадному движению линии фронта, непреклонно откатывающейся на восток, пришлось отступить к Геленджику, взорвав уцелевшие машины, которые было невозможно протаскать по камышовым зарослям Кизилташского лимана и узким перевалам крутого Маркотхского хребта.

Холостяков пристально смотрел на Куникова, тщетно силясь понять, что у того на уме на этот раз.

— Звучит, как сказка про ковёр-самолёт, — наконец произнёс он. — Кто же, по-твоему, сделает нам такие чудо-торпеды, которые будут выскакать из воды, взрывая береговые доты?

— Новицкий, — быстро ответил Куников. — Ты сам мне рассказал, что он загремел в лапы к Бурову именно за то, что собрал пару десятков таких торпед. Прикажи выдать мне чертёжные принадлежности и дай время до завтрашнего утра. Загнать торпеду на пляж и переделать инерционный ударник на самом деле не такая уж сложная задача. Я подготовлю чертежи и всю техническую документацию, которую ты завтра сможешь захватить с собой в Ставку и доложить, что Новицкий действовал по указанию штаба Новороссийской военно-морской базы, разрабатывавшей опытные образцы таких торпед в преддверии готовящейся операции в режиме строжайшей секретности. Этим, мол, и объясняется то, что никто ничего не знал. Уверен, там легко найдут управу на Бурова и заставят его отпустить Андрея. Что касается Мэри, то, как я понимаю, подлинность и достоверность карты уже ни у кого не вызывает сомнения. Поэтому, как только решится вопрос с Новицким, вопросы и к нему отпадут сами собой. Как ты понимаешь, Георгий Никитич, начать формирование нашего с тобой отряда особого назначения я бы хотел именно с уцелевших бойцов своего батальона. Помоги, пожалуйста, мне и ребятам, и мы тебя не подведём.

Налетевший порыв ветра плеснул в окна звенящими россыпями мелкого града. Твёрдые зёрна тонко и часто задолбили в дребезжащее стекло, словно пригоршни мелкого гравия. Суровая черноморская зима превосходящими силами давала первый серьёзный бой обессиленной

осенней природе, заковывая её в колючие торосистые льды. Но Холостяков уже видел мир совершенно в других красках. Радость от встречи с давним товарищем и укрепившаяся благодаря ему уверенность в преодолении многих проблем, ещё несколько часов назад казавшихся неразрешимыми, приятно грели сердце.

— Обещаю, что сделаю всё от меня зависящее, Цезарь, — твёрдо сказал он, уверенно протягивая другу широко распахнутую руку и с удовольствием ощущая, как Куников плотно сжал её.

XVI

Обычный день слякотной черноморской зимы клонился к вечеру. В нахмуренном небе низко висели свинцовые тучи, готовые в любой момент разразиться мокрым снегом или градом. Тоскливо догорал воспалённый закат. Над его перевёрнутым изображением, размазанным невысокими широкими волнами по поверхности угрюмого моря, сгущались, наводя уныние, серые сумерки. Окутанное плотными облаками солнце тусклым багровым шаром медленно скатывалось за горизонт. Между складками гор размашисто петляла крутыми углами узкая серпантинная дорога. По её обочинам дрожали на пронизывающем ветру стволы окоченелых деревьев и веточки чахлых кустиков, тонко покрытые хрустальным ледяным панцирем.

Из-за поворота донёсся дружный топот нескольких десятков пар сапог, и через какое-то время на дороге появилась группа из пятидесяти тяжело бегущих морских пехотинцев. Ледяные иголки снега, выюжно вихрящиеся в студёных струях морозного воздуха, кололи красные разгорячённые лица. Струи пота градом скатывались из-под шапок-ушанок и замерзали на ледяном норд-осте, больно стягивая кожу. Неприятно липли к груди и спине взопревшие под потёртыми ватниками тельняшки. Ремни, грузно оттянутые гранатами, сбились, и громкое прерывистое дыхание слышалось далеко вокруг.

В первых рядах бежали Адрей Новицкий и Эндель Мэри, титаническими усилиями Холостякова и Куникова выцарапанные из НКВД. Сам Куников бежал позади отряда, подбадривая людей и подгоняя отстающих.

— Не снижать темп, — грозным рокотом прорывался его голос сквозь упругие нахлёсты свистящего норд-оста. — Тяжело в учении, ещё тяжелее в бою. Так что не расслабляться!

Пару недель назад Холостяков, после визита в Ставку получивший вместе со званием контр-адмирала указания приступить к формированию первой группы вспомогательного десанта, вызвал к себе подчинённых ему командиров всех рангов и распорядился отпускать в распоряжение Куникова любых людей, которые выразят желание войти в отряд особого назначения. Однако сам майор отбирал не всех. Он лично беседовал с каждым, выясняя мотивы и настроения, отдавая предпочтение тем, кто мог внятно объяснить, зачем соглашается на участие в опаснейшей десантной операции, и с ходу отказывая пускавшимся в пространные рассуждения.

Беседовать с Мэри и Новицким пришлось ещё в камере НКВД. После возвращения Холостякова из Ставки со всеми необходимыми документами Куников ни минуты не сомневался в успехе своей задумки, однако Буров до последнего тянул с подписанием приказов.

— Я помню тебя смелым самоотверженным солдатом, — говорил Цезарь, положив руку на плечо Андрея. — Но прекрасно понимаю, что чекистский беспредел может вызвать отвращение у кого угодно и сильно подорвать веру в то дело, ради которого мы сражаемся...

— Не знаю, за какое дело сражаетесь лично вы, товарищ майор, — воспользовавшись секундной заминкой Куникова, быстро ответил Новицкий, — а я каждый шаг по этой земле делаю ради своей семьи и невесты Полины, которые остались в Новороссийске. На всё остальное, что бы вы ни имели в виду, мне глубоко плевать. Если выберусь отсюда, в числе первых пойду в этот

десант и буду драться до последней капли крови, даже разорванным на части. Мне очень нужно быть там, товарищ майор. Обязательно возьмите меня.

— А твоя цель? — спросил Куников Мэри, убедившись, что мотивировки прочнее, чем у Новицкого, подобрать сложно.

— Мстить, — коротко ответил Эндель. — За три недели, проведённые в городе, я увидел столько зверств, сколько нормальные люди не совершат за тысячи лет. Я сбился со счёта, скольких детей, женщин и пленных солдат фашисты на моих глазах убили или замучили до смерти. Каждый раз я был готов пожертвовать собой, чтобы спасти хоть одного из них. Останавливало лишь то, что я должен был выполнить задание и что здесь ждали моего возвращения. По крайней мере, там мне казалось, что здесь ждали, — поправился Эндель. — Впрочем, это не отменяет того, что до конца жизни мне будут сниться изуродованные лица людей, мимо которых я прошёл мимо. Чтобы отомстить за этих несчастных, я пойду за вами в любой ад, товарищ майор, потому что ничего страшнее того кошмара я уже нигде и никогда не увижу.

— Обещаю, что у тебя будут все возможности отомстить сполна, Эндель, — твёрдо сказал Куников и, обращаясь к обоим, добавил:

— Тогда всё решено. Сразу после освобождения — мигом ко мне.

Несколько дней спустя, ранним морозным утром, когда белёсый туман обволакивал город, покрывая кожу мурашками, оба прямо из камеры явились на Тонкий мыс, где Куников собирал первую из задуманных им пяти боевых групп своего отряда, и стали в строй, в котором к тому моменту было не больше пятидесяти человек.

Защитники Одессы и Севастополя, участники фелдосийского и керченского десантов, ветераны тяжелейших боев на Тамани и в обречённом Новороссийске, эти закалённые в адском горниле безысходности первого года войны морские пехотинцы пока ещё плохо представляли, что оставшиеся за их спиной сражения были лишь подготовкой к главной битве в их жизни.

Зыбкая пора декабрьского рассвета, переходившая в холодное ветреное утро, слабо наливалась на тихом безмятежном востоке розовым пастельным румянцем. С запада, из района цементных заводов, доносился привычный грохот ожесточённого боя.

Каждый острый щелчок одиночных винтовочных выстрелов, вонзающийся в раскатыстое басовитое гудение крупнокалиберных пулемётов, зловещим метрономом отсчитывал в мозгу Куникова ускользающие, как сухой песок сквозь пальцы, бесценные для его отряда дни, часы и минуты. Покрытая мелкими кристаллами льда шапка-ушанка была низко надвинута на нахмуренный лоб и плотно стянута тесёмками на небритом подбородке. Перекрикивая грохочущий морской прибой, взметающий к небу высокие пряди пенных брызг, он обратился к бойцам:

— В этом строю — только добровольцы! У каждого из вас были собственные мотивы и причины сделать этот выбор, но с этой минуты мы связаны единой целью и общей участью. После того, как мы высадимся на западном берегу Цемесской бухты, обратного пути не будет. Драться придётся без преувеличения со стократно — или больше — превосходящим противником. Без возможности манёвра и отступления. И противник этот невероятно силён. Я помню, как в одном из первых боёв на Дону немецкая мотоциклетная колонна, не сгибаясь и ни на секунду не теряя равнения, шла под сплошным

ураганным огнём, который мы вели из засады со своих катеров. И выйти из сектора обстрела с минимальными потерями им помогли железная дисциплина и выучка. Это произвело на меня глубокое впечатление, которое только усиливалось с каждым последующим боем. Можно сколько угодно презирать фашистов за их первобытное скотство и бессмысленную звериную жесткость, но воевать они умеют и пока делают это лучше всех. И нам предстоит соревноваться с ними не в широте души, а в умении убивать друг друга. Поэтому перед тем, как мы приступим, я последний раз спрашиваю: точно ли вы согласны на участие в этом десанте? Каждый, у кого есть хоть капля сомнения, пусть выйдет из строя — никто не посчитает это трусостью. Возможно, напротив — оставшись здесь, он принесёт больше пользы. Даю минуту на размышление.

Над снегом в рваных складках каменистого пляжа трещали на порывистом ветру короткими оголёнными сучьями редкие кусты. Морозный норд-ост безжалостно швырял в лица, колючую снежную крошку и тихо гудел в ушах. Минута прошла в полном безмолвии. Ни один не пошевелился.

— Напра-а-во, — резко скомандовал Цезарь. — Бегом марш!

Начались упорные тренировки. Вслед за Куниковым десантники в полном обмундировании, с гранатами на поясе и с автоматами на шее спрыгивали с деревянных макетов катеров в обжигающе студёную воду и насквозь промокшие карабкались на пронизывающем ветру по десятиметровой обледенелой крутизне береговых обрывов, сложенных из хрупких слоистых мергелей, хрустко ломавшихся под сапогами и разрезавших до крови окоченевшие пальцы. Мокрый ветер острыми

ударами сёк по лицу, выдавливая слёзы из глаз и ослепляя тысячами ледяных игл. Едва солдаты выбирались на вершину склона, из-за одинокого камня неожиданно вылетала учебная граната. Они вмиг падали на землю, покрытую ледяной грязью, а оказавшийся к гранате ближе всего, кому при взрыве не было бы спасения, молниеносно отбрасывал её обратно в ту сторону, откуда она прилетела. Такие навыки Куников оттачивал со своим отрядом до автоматизма. До подсознательной машинальности тренировались десантники и в стрельбе по звуку, и в метании гранат из любого положения, учились быстро окапываться и перемещаться короткими перебежками, постоянно меняя позиции.

Под скрупулёзным контролем майора подробно изучались добытые в последних боях пулемёты, миномёты и орудия всех систем, какие им возможно предстояло захватить во время первого броска и затем повернуть против фашистов. С завязанными глазами они разбирали и собирали хорошо знакомое советское, ленд-лизовское английское и трофейное немецкое оружие, отработывали приёмы самбо и способы метания штык-ножей. На очередном совещании у Холостякова было решено, что для большей мобильности отряд будет иметь с собой только гранаты и автоматы с максимально возможным количеством патронов. Всё остальное, что может потребоваться в зависимости от складывающейся обстановки, предстояло добывать в неравном бою.

Большое внимание уделялось медицине. Под руководством опытных докторов солдаты вместе с Куниковым учились останавливать кровотечения, бинтовать друг друга и даже накладывать шины при переломах. Майор также настоял, чтобы отряду был предоставлен опытный инструктор по сапёрному делу, под контролем

которого десантники учились распознавать минные поля и разминировать местность.

С каждым днём Куникову становилось всё очевиднее, что солдат надо готовить к ночному бою. Он прекрасно понимал его запредельную даже для опытных командиров сложность, требующую стальной воли и величайшей стойкости духа, умения безошибочно ориентироваться вслепую, грамотно рассчитывать время и корректировать манёвры своего отряда по едва заметным в оглушающем грохоте сражения шумам и ослепляющим вспышкам выстрелов. С присущей ему тщательностью Куников лично разработал систему коротких команд и жестов, которые облегчали и ускоряли управление, добивался, чтобы солдаты по голосу и даже по шёпоту безошибочно узнавали друг друга в ночи — темнота помогала ему сберечь людей. Расчётливый и предусмотрительный он всегда сторонился геройского бахвальства, зачастую называвшегося фронтовыми корреспондентами самоотверженностью, и признавал смерть только неизбежную и неотвратимую, за которую враг заплатит втридорога.

— Ускорились, бойцы, последний участок! — кричал Куников сквозь белёсую пелену начинавшегося снегопада, наблюдая, как бегущие впереди него, утомлённые длинным марш-броском пятьдесят шатающихся на напористом ветру фигур в промокших от пота и снега ватниках вбегают по восходящему серпантину в пламенеющую щель морозного заката и сворачивают за уступ обледеневшей скалы.

Не успел хвост колонны втянуться за поворот, как оттуда раскатистым эхом прогремели несколько длинных автоматных очередей, на которые мгновенно ответили десяток других. Цезарь быстро догнал солдат и,

расталкивая сильными движениями их ряды, выбежал вперёд. В начале колонны, уткнувшись ещё горячими лицами в обтаивающий вокруг них снег, лежали четыре убитых красноармейца. В тридцати-сорока метрах перед ними беспорядочной грудой тел чернели около десяти расстрелянных его бойцами диверсантов из немецкого разведотряда, на который они случайно натолкнулись за поворотом, а вдаль по дороге, уже почти растворившись в пелене усиливающегося снегопада, бросив оружие, убегали три уцелевших фашиста.

— Догна-ать! — проревел Куников и первым бросился в погоню.

Отряд, утомлённый продолжительным бегом, нагруженный тяжёлым оружием и болтающимися на поясе гранатами, был не в состоянии догнать бежавших налегке немцев, и через несколько минут стало очевидно, что фашисты с каждым шагом всё сильнее и сильнее отрываются от преследователей.

Выбившийся из сил и готовый упасть от изнеможения Новицкий заметил, что они приближаются к широкой дорожной петле, которую во время их совместного с Щербаковыми похода накануне войны умело обошёл их отец, срезав дорогу по едва заметной, пролежавшей через лес тропинке. Быстро отыскав её взглядом, он стащил с шеи автомат, отстегнул ремень с гранатами и, отшвырнув их на обочину дороги, отделился от отряда. Сшибая на бегу снежные шапки с нависающих обледенелых веток, он бросился по короткому пути наперерез и, выбежав на противоположную сторону опоясанной дорогой горы, увидел пробегающих мимо него фашистов.

Собрав последние силы, Андрей ринулся вниз и, скатившись с высокого уступа, сшиб с ног последнего. Между ними завязалась отчаянная драка, но спустя

несколько секунд на выручку фашисту подоспели другие двое. Избиваемый с трёх сторон Андрей отчаянно цеплялся за каждого, не позволяя бежать дальше.

Поняв, что так просто не отделаться и слыша приближающийся из-за горы топот нескольких десятков ног, фрицы решили разбираться с Новицким более решительно. Один из них выхватил из-за пояса длинный нож и бросился на Андрея. Тот, используя хорошо заученные приёмы самбо, перехватил руку, вывернул в кисти и, выхватив клинок из разжавшихся от болевого приёма пальцев, точным коротким ударом воткнул его в живот нападавшему. Не успел Новицкий оттолкнуть от себя обмякшее тело, как другой плотно обхватил его сзади, крепко прижав руки к туловищу, а третий, подскочив почти вплотную, широко замахнулся ножом, намереваясь всадить его Андрею прямо в сердце. Но внезапно замер и одеревенело повалился в сторону.

Позади стоял Куников, сжимавший в вытянутой руке дымящийся ТТ. Последний фашист сразу же отпустил Андрея и, бросившись на колени перед майором, быстро и еле слышно залепетал что-то по-немецки. Он ползал по земле, подобострастно складывая на груди трясущиеся от страха руки и плакал, широко размазывая грязными ладонями слёзы по бледному лицу. В этот момент к ним подбежали отставшие на марше десантники.

— Двадцать человек — вернуться назад, — громко приказал Цезарь, — забрать тела наших погибших и обыскать трупы фашистов. Оружие, документы, личные вещи — забрать всё, что сможете унести. Мэри — ко мне. Сейчас послушаем, что лепечет этот размазня.

Услышав приказ, Эндель быстрыми шагами подошёл к Куникову, но, увидев оставшегося в живых фашиста, замер как вкопанный. Немец тоже ошарашенно сверлил Мэри испуганными, изумлёнными глазами.

— Спроси его имя, звание и из какой он части, — приказал Цезарь.

Эндель немного помедлил, словно обдумывая и вспоминая что-то, и, не переводя вопрос, сам ответил майору:

— Его зовут Вильгельм Шульц, гренадер 23-й дивизии 17-й армии вермахта. При захвате Новороссийска был ранен из пулемёта в живот. Несколько недель провёл в госпитале, затем до полного выздоровления был направлен в санитарный взвод, тот самый, который подобрал меня, когда я ушёл к ним в разведку в минувшем октябре. Очень рвался обратно на фронт, чтобы, как он выразился, дальше истреблять паршивых русских свиней. Как я понимаю, его мечта сбылась, но он, похоже, не очень этому рад, — злорадно закончил Эндель.

Губы Куникова изогнулись в желчной усмешке:

— Спроси, какова была боевая задача их отряда? По какому маршруту они шли? Сколько подобных групп было направлено в сторону Геленджика?

Эндель подробно перевёл вопросы майора, но вместо того, чтобы ответить на них, Шульц на коленях подполз к Мэри и, схватив его за руку, быстро заговорил:

— Рудольф, ты же помнишь меня? Я обещал отомстить за тебя, потому что ты мне сразу понравился. Ты перешёл к русским? Давно? Скажи, что я тоже готов работать на них. Я сделаю, всё, что мне скажут. Только пусть не убивают меня, только не в Сибирь, пожалуйста. Скажи это их командиру, скажи...

— Меня зовут не Рудольф, и я не немец! — сверкнув глазами, крикнул Эндель, вырывая руку из трясущихся пальцев. — Тебе лучше отвечать на вопросы моего командира.

Смертельное разочарование искривило грязное лицо фашиста приступом страха, губы мелко задрожали,

плохо скрывая рыдания. Не вставая с коленей, он начал говорить. Куников внимательно слушал и много спрашивал, по несколько раз уточняя детали.

— В целом всё ясно, — задумчиво проговорил он. — Пусть напоследок расскажет, что знает о том, как выстроена противодесантная оборона в городе и вокруг него.

— Я не знаю конкретных цифр, господин майор, — быстро заговорил Шульц, — но по ощущениям, она довольно сильная на всём протяжении, за исключением небольшого пригородного посёлка Станичка. Там нет никого.

— Как так? — удивился Цезарь.

— Запутанная история, господин майор. Я знаю лишь понаслышке, но если верить тому, что говорят, русская девушка в отместку за убитого нашими солдатами младшего брата якобы сожгла стоявшую там казарму вместе со всеми солдатами, а командующий армии не хочет раскрывать это происшествие перед Берлином из-за личных амбиций. Поэтому он приказал не подписывать никаких сообщений и приказов на этот счёт. На самом деле место и так непригодно для десанта: пологий берег, открытый со всех сторон, никаких укрытий, вокруг плотное кольцо наших войск — кто туда сунется?

— В принципе, верно, — согласился Куников, думая, как уверенно, должно быть, чувствуют себя немцы, не заботящиеся даже об элементарных мерах предосторожности. «Неужели настолько уверены в своей скорой победе?» — эта мысль одновременно озадачила и разозлила его.

— Господин майор, — визгливо взмолился Шульц, понявший, что допрос окончен. — Не убивайте меня, пожалуйста. Я вам рассказал всё, что знал. Каждое

слово — чистое правда. Я не хотел на эту войну. Меня заставили. Я не мог отказаться. Меня дома ждёт невеста, — он вытащил из кармана уже знакомую Энделю фотографию и протянул ему, чтобы тот передал Куникову. — Её зовут Маргарет. Она очень любит меня и расстроится, если я не вернусь.

Куников мимоходом осмотрел снимок с лицевой и обратной сторон, но убедившись, что на нём нет никаких полезных для него отметок, протянул фотографию обратно Мэри со словами:

— Скажи, что его судьбу будем решать не мы, а контрразведка. Пусть им рассказывает про свою Маргарет.

Эндель взял у командира снимок, но вместо того, чтобы вернуть его Вильгельму, брезгливо отбросил в сторону и, быстро выхватив из-за пояса штык-нож, ударил фашиста в горло. Куников в последний момент успел перехватить его руку, однако полклинка всё же вошло в шею. Хрипя и забрызгивая кровью свежеснеженный снег, немец упал на землю, извиваясь и корчась от боли.

— Какого чёрта, Мэри? — грозно заорал Куников. — Что происходит, мать твою?

— Там в Новороссийске я видел, как он и его дружки убили маленькую девочку и её мать! — громко заговорил Эндель так, чтобы его могли слышать окружившие их солдаты. — Затем он выколол глаза, изнасиловал и после этого зарезал другую девушку. Тогда я не мог ничего сделать. Я был вынужден просто сидеть и смотреть на это. Но сейчас я убью эту тварь!

— Ты должен был сперва доложить мне, — как можно спокойнее произнёс Цезарь, но это очевидно напускное спокойствие ещё больше вывело Энделя из себя.

— Плевать на доклады! — ещё громче крикнул он в лицо командира и, с силой оттолкнув его от себя,

вновь бросился с ножом на испуганно пятящегося назад фрица.

Куников тут же сбил его с ног, размашисто швырнул через бедро и, плотно вдавив коленом в колкий, студёно обжёгший щеку снег, прокричал как будто не своим, совсем незнакомым в слепом бешенстве разъярённым голосом:

— Совсем ополоумел, боец?! В штрафбат захотел?!

Толпа десантников неожиданно расступилась, и в центр круга вошёл исполинского роста мускулистый украинец с косой саженью в плечах. Владимир Кайда, который не раз убивал фашистов в ближнем бою, особенно когда заканчивались патроны, несколькими ударами своих тяжёлых, как наковальни, кулаков. Он подошёл к скорчившемуся на земле Шульцу своим неторопливым размеренным шагом, поднял его за ремень и за шиворот и резким ударом через колено сломал ему хребет. Послышался хруст лопающихся костей. Кайда поднёс несколько раз дёрнувшееся в агонии тело к Куникову и швырнул его под ноги командира.

— Есть в штрафбат! — громко и уверенно сказал он, становясь перед майором в стойку смирно.

Ещё один морпех вышел из толпы, тяжёлым ударом сапога размозжил голову фашиста и, вытянувшись рядом с Кайдой, произнёс:

— Есть в штрафбат!

Рядом с ними тут же стали ещё несколько человек, к ним присоединился Новицкий.

— Отставить! Всем отставить! — закричал Куников. — Вы думаете, я бы сам не убивал каждую попавшую мне фашистскую мразь?! Я не хуже вас знаю, что это за скоты и какой смерти они заслуживают. Но есть правила, согласно которым мы обязаны доставлять живых пленных в соответствующие подразделения. Я никого

из вас не накажу, обещаю вам. По возвращении я доложу, что все диверсанты были убиты в ходе завязавшегося боя, и вы все это подтвердите. Ясно? Иначе в штрафбат отправлюсь я.

— Все поняли? Чтобы никаких лишних разговоров, начиная с этой минуты, — громко произнёс Кайда. — Кто ослушается, будет иметь дело лично со мной.

Отряд гулко зашумел, давая понять, что в этом не будет необходимости.

— Хорошо, — сказал Куников и, показывая на уже припорошённые снегом тела фашистов, добавил. — Прежде чем уйдем, обыщите трупы и заберите документы этих... людей.

Последнее слово он выговорил с трудом.

XVII

Начало 1943 года на Чёрном море выдалось не слишком морозным и ветреным. Сереющий снег вперемешку с застойной грязью неплотно покрывал морщинистые, ещё больше одичавшие в зимней распутице горы. Свинцовое небо тяжко нависало над ними пасмурной пеленой, изредка протыкаемой иглами солнечных лучей.

После ночного ливня воздух был свеж. Утренний морозец прихватил лужи ледяной коркой. Видавший виды «виллис», выдавливая неглубокие колеи в холодной размокшей земле, еле тащился по обочине раскисшей ухабистой дороги, со стуком и шарканьем цепляя дрожащие на ветру прутья мелкого кустарника.

— Нельзя ли хоть немного быстрее? — не очень уверенно попросил Холостяков, зябко кутаясь в новую контр-адмиральскую шинель. — Меня, наверное, заждались.

— Сами видите, товарищ контр-адмирал, — лениво махнул на дорогу водитель. — Тот случай, когда тише едешь, дальше будешь.

Холостяков вздохнул — ему не терпелось поделиться новостями с ожидавшими его в штабе. Откинувшись на сидении и положив руку на портфель, где лежал единственный экземпляр приказа, он с давно забытым удовольствием редких минут вынужденного безделья посмотрел на зимний лес за бортом автомобиля. Ветки невысоких горных деревьев, словно извиваясь в танце, с шелестом колыхались из стороны в сторону. Слабый солнечный свет с трудом пробивался из-за заслонивших неяркое раннее солнце лохматых облаков, неподвижно висевших над лесными уступами.

Медленно докатившись по узкой и извилистой просёлочной дороге до асфальта геленджикских улиц, водитель заметно ускорился.

Едва машина, громко скрипнув тормозами, замедлилась у дверей штаба, Холостяков, не дожидаясь полной остановки, выпрыгнул прямо в широко разлившуюся перед подъездом лужу и быстро избежал по расстрескавшимся ступеням к двери, заблаговременно отворённой адъютантом.

В кабинете его ждали майор Цезарь Куников, уже официально назначенный командиром отряда особого назначения, капитан Андрей Зубков, командир 394-й батареи, которому было поручено артиллерийское обеспечение операции, и капитан-лейтенант Николай Сипягин, возглавлявший 4-й дивизион сторожевых катеров, лучшее в Новороссийской военно-морской базе подразделение, которому предстояло переправить отряд на западное побережье Цемесской бухты.

Контр-адмирал так стремительно вбежал в кабинет, что собравшиеся не успели встать, и быстрыми жестами показал, что сейчас не до формальностей. Он небрежно набросил шинель на вешалку и, не скрывая волнения, уселся за свой стол, заваленный морскими картами и документами.

— Похоже, с нового года начинаем играть с фрицами по новым правилам, — окинул он подчинённых искрящимися от возбуждения глазами, вытаскивая из портфеля бумаги. — Командующий фронтом подписал представленный генерал-лейтенантом Петровым окончательный план операции на нашем направлении и все соответствующие приказы. Сценарий комбинированного удара по немецкой Голубой линии предусматривает проведение двух операций: наступление на Краснодар — условное наименование «Горы», и высадка морского

десанта юго-западнее Новороссийска — условное наименование «Море». Мы задействованы во второй из них в качестве организаторов вспомогательной, отвлекающей высадки.

Куников, Зубков и Сипягин начали делать быстрые пометки в блокнотах.

— Петров, как и обещал, выделяет до пятнадцати тысяч человек из резерва 47-й армии, — продолжил Холостяков, зачитывая по тексту приказа недлинный список:

— 83-я бригада морской пехоты, 165-я стрелковая бригада, отдельные авиадесантный полк и пулемётный батальон, 563-й танковый батальон и 29-й противотанковый артиллерийский полк. Это всё, что удалось наскрести по крупницам, всё, что осталось у генерала Петрова для захвата плацдарма в Южной Озерейке недалеко от Мысхако, на который должна быть высажена 255-я Краснознаменная бригада морской пехоты — последний козырь Ставки на всём новороссийском направлении. У нас же с вами для отвлекающего десанта будет не более трёхсот человек, и наша задача от этого ещё более сложная и ответственная. Мы должны будем сделать всё возможное, чтобы основная высадка состоялась и необходимый плацдарм был захвачен. Для этого нужно оттянуть на себя максимально крупные силы противника, хотя бы на несколько часов посеять панику, дезориентировать немецкое командование, обратить на себя как можно больше внимания, выигрывая драгоценное для головного десанта время. А затем... — Холостяков немного замялся, будто сам не верил, что после многочасового боя трёхсот человек против пяти дивизий ещё может быть какое-то «затем», — а затем действовать по обстоятельствам, — наконец, выдал из себя. — Либо

прорываться на соединение с основными силами, либо эвакуироваться.

Он осторожно поднял глаза на Куникова. Тот быстро дописывал своим мелким чётким почерком в трофейной записной книжке конспект последних слов начальника штаба, не выказывая ни капли беспокойства или сомнения на как всегда уверенном лице.

— Теперь поговорим по судам, — резко сменил тему Холостяков, обращаясь к Сипягину. — Наверное, излишне пояснять, что поскольку наш десант в первую очередь демонстративный, все необходимые плавсредства вместе с силами поддержки будут направлены в Южную Озерейку. Поэтому придётся довольствоваться лишь теми недобитыми дырявыми корытами, которые им не подошли, — с грустной досадой Георгий Никитич перелистнул приказ на страницу со списком кораблей:

— Один пограничный катер, шесть морских охотников, несколько тральщиков, среди них, кстати, эта старая рейдовая посудина «Скумбрия», что уже давно не даёт больше шести узлов, и ещё кое-что, на чём уже даже перед румынами плавать стыдно, не говоря о фрицах. Тюлькин флот, в общем, — подытожил Холостяков. — Правда, удалось настоять на нескольких торпедных катерах, которые понадобятся для нанесения ударов по береговым дотам. По душе пришлась в Ставке твоя идея с сухопутными торпедами, Цезарь, — улыбнулся Холостяков. — Поступили заказы изобрести ещё и такую, которая сразу по Берлину долбанула бы, — хохотнул контр-адмирал, и по усталому, но искреннему смеху было видно, что несмотря на все сложности, он верит в успех операции.

— Что касается артиллерии, — продолжил Холостяков, обращаясь к Зубкову, — то здесь всё более или менее ясно. Начиная с сегодняшнего дня, не привлекая

большого внимания, в ходе ваших регулярных ударов по городу, начинайте пристреливать наиболее важные цели. В момент высадки батарея должна сработать с ювелирной точностью, сметая всё, что может стать на пути отряда.

Последнее указание показалось бы избыточным даже самому Холостякову, поскольку Зубков был известен как высоко профессиональный и талантливый артиллерист с хорошей интуицией и мгновенной реакцией, но он хотел подчеркнуть серьёзность поставленной задачи.

— Разрешите высказать предложение, товарищ контр-адмирал? — воспользовавшись паузой, попросил Куников и, получив одобрительный кивок Холостякова, заговорил:

— К утверждённым планам, конечно, добавить нечего. Нахожу их вполне разумными и аргументированными. Тем не менее, всё, что так легко начертается в штабах, всегда сталкивается со множеством непредвиденных сложностей на поле боя. В этой связи я бы разработал запасной вариант высадки. Конечно, маловероятно, что он потребуется, но будет хуже, если его не окажется в случае острой необходимости.

Все внимательно слушали майора — Куников был известен тем, что никогда не пренебрегал мелочами. И в этом, пожалуй, крылся секрет его успехов там, где другие терпели неудачи.

— Что именно вы могли бы предложить, майор? — поинтересовался Холостяков.

— Честно говоря, я уже набрался смелости до вашего приезда обсудить один вариант с коллегами. Мне представляется, что хорошей резервной целью мог бы стать пригородный посёлок Станичка на западной окраине города.

— И что думают остальные? — спросил Георгий Никитич.

— С артиллерийской точки зрения, это, безусловно, намного более простая цель, чем центр города, — быстро ответил Зубков. — Однако я уже высказал Цезарю свои сомнения касательно целесообразности высадки там. Это совершенно плоская местность, напрочь лишённая растительности и элементарных укрытий. Я могу сколь угодно долго уютить этот берег из всех стволов, но любой правильно укрывшийся отряд противодесантной обороны потопит катера с людьми ещё на подходе.

— Полностью согласен с капитаном Зубковым по поводу катеров, товарищ контр-адмирал, — добавил Сипягин. — Чисто с логистической точки зрения, Станичка и для нас, моряков, как и для артиллеристов, намного более простая цель — не придётся петлять между молами под обстрелом противника, на ходу прорывая бонные заграждения. К тому же это банально ближе, чем первоочередная цель. Но опять же остаются опасения за сам десант. Мне тоже кажется, что сражаться там нашим бойцам будет сложнее.

Холостяков раздвинул бумаги, закрывавшие на карте район Станички, и внимательно его осмотрел. Это была достаточно обширная территория, без единого деревца и кустика, без крупных бетонных строений, без источников пресной воды и даже без сколь бы то ни было пригодного рельефа — ни оврагов, ни балок, ни каких-либо других естественных укрытий. Действительно, всё это легко простреливалось насквозь с любой стороны. Он задумчиво вздохнул и поднял глаза на Куникова:

— Капитан Зубков и капитан-лейтенант Сипягин, безусловно, имеют право настаивать только на том, что входит в сферу их компетенции — артиллерия и морская логистика. Бои на суше вести вам, майор. Поэтому

решающее слово за вами. Не буду скрывать, для меня их доводы выглядят по меньшей мере убедительно и очень аргументированно. Не удивлюсь, если ваша высадка там закончится после первой же встречи с немецким отрядом противодесантной обороны. Вы же, как я могу судить, не надеетесь, что фашисты перестали охранять берег? На черта вам эта Станичка? Или вы знаете что-то, чего не знаем все мы?

— Конечно, нет, товарищ контр-адмирал. Мне известно не больше вашего, — солгал Куников. — Но на то это и резервный план, что он будет применён лишь в условиях кардинальной смены обстановки как для нас, так и для немцев. А откуда в этих условиях фашисты в первую очередь снимут войска для усиления проблемных направлений? Разумеется, с наиболее защищённых точек, среди которых может быть и Станичка. Так что ничего особенно революционного я не предлагаю. Обычная тактическая логика. Что касается боевой подготовки десантников, то за неё я ручаюсь. Ребята окапываются за полминуты, владеют всеми видами оружия и готовы вести бой даже на такой равнинной местности.

— Хорошо, я согласен на этот вариант, — неуверенно проговорил Холостяков и, обращаясь к Сипягину и Зубкову, добавил:

— Откровенно говоря, не очень понимаю, чем руководствуется майор, но он зарекомендовал себя как опытный командир, мнение которого стоит учитывать. Поэтому попрошу вас, капитан, разработать план резервного удара по указанному им району, а вас, капитан-лейтенант, лично пройти от Тонкого мыса до Станички мерной милей, чтобы рассчитать расстояние и время. Вам же, товарищ майор, предстоит в течение ближайших нескольких дней завершить формирование своего отряда и приступить к усиленным тренировкам.

Точного срока высадки я пока не знаю сам, но, по ощущениям, у нас остаются считанные недели.

На следующий день Холостяков приказал построить на восточной окраине Геленджика весь не занятый в текущих делах личный состав Новороссийской военно-морской базы.

— Товарищи! — раскатистым басом прокричал он сквозь нависшую над городом сырую белую мглу позднего январского утра. — Вчера получен приказ о формировании отряда особого назначения для осуществления отвлекающего манёвра на западном берегу Цемесской бухты. Это будет очень сложное и невероятно опасное даже по нашим черноморским меркам мероприятие. В этой связи приказываю всем командирам предоставить майору Куникову любых своих людей, которые выразят такое желание. Я прекрасно понимаю, что это может серьёзно ослабить подразделения базы, но, поверьте мне, только осознание невероятной трудности предстоящей операции и чрезвычайной роли каждого её участника заставляют меня отдать такой приказ.

Он требовательно посмотрел на стоявшие перед ним длинные ряды, позади которых в неуютном зимнем море отражались слабые лучи непогожего утра. Небо было затянуто до самого горизонта пепельной гарью низко клубившихся туч со студёным запахом угрюмого черноморского января. Полудождь-полуснег сыпался на землю мелкой противной пылью. Сильные порывы разгулявшегося ветра трепали одинокие кусты и тяжело толкали в спину. Ледяной ливень острыми каплями хлестал по лицам.

Бодрой пружинистой походкой в центр полукруга вышел Цезарь Куников.

— Всех новоросийцев прошу выйти из строя, — звучным басовитым голосом приказал он.

Около двадцати человек решительными шагами вышли вперёд и выстроились перед майором. Одним из последних к строю присоединился бывший слесарь Капустин, который после реорганизации судоремонтных мастерских и в порядке восполнения потерь был направлен рядовым в 83-ю бригаду морской пехоты.

— Поскольку речь идёт об освобождении вашего родного города, предоставляю вам право сделать свой выбор первыми, — объяснил Куников. — Кто согласен присоединиться к моему отряду — построиться по левому флангу, кто нет — стать обратно в строй. Однако сначала вы должны знать, на что вы идёте и что вас ждёт. Несколько часов подряд сразу после очень сложной высадки нам придётся драться против многократно превосходящего противника. Не исключено, что его же оружием и патронами, когда закончатся свои. И это будут самые простые несколько часов. После этого, если не сможем эвакуироваться, придётся пробиваться на соединение с основным десантом. Это может занять сутки, другие, может, третьи. И всё это время без сна, без отдыха, без воды и пищи. Только если не отобьём что-нибудь у немцев. Поэтому за то короткое время, что у нас есть, вы должны научиться в совершенстве владеть миномётами, гранатами, автоматами и пулемётами всех видов и моделей, минировать местность, метать штык-ножи, драться в ближнем бою сразу с несколькими вражескими солдатами... — Куников на минуту осёкся и, повернувшись к Капустину, спросил:

— Вы что-то сказали, или я ослышался?

Саркастическая улыбочка сменилась на лице Капустина растерянностью застигнутого на месте вора, и он

быстро опустил глаза, всё время насмешливо смотревшие на майора.

— Повторите громче, чтобы все услышали, — спокойно потребовал Куников.

— Просто сказал, — виновато промямлил Капустин, и выпирающие кости на его лице задвигались сильнее, чем обычно, — что не только солдаты должны всё это уметь, но и командир тоже...

— Шаг вперёд, сопляк! — не дав ему договорить, рывкнул из-за спины Цезаря Холостяков. — Что ты себе позволяешь?! Пять нарядов вне очереди!

— Прошу вас, контр-адмирал, — вступился Куников. — Наверное, каждый боец имеет полное право знать, чего требует от него командир. Позвольте задействовать для небольшой демонстрации вон тех пленных, — он указал на четырёх немцев, которых конвоировала мимо места их сбора группа краснофлотцев.

Холостяков одобрительно кивнул, и по его приказу пленных подвели к Куникову.

— Развяжите им руки и дайте ножи, — попросил майор.

По рядам тут же передали четыре остро наточенных штык-ножа. Взяв их, фрицы непонимающе посмотрели по сторонам, испуганно перебрасываясь короткими фразами.

— Мэри, переведи им, пожалуйста, — продолжил Куников, — что если они вчетвером убьют меня, то прямо здесь будут освобождены и доставлены на линию фронта, где смогут беспрепятственно уйти на все четыре стороны. Это им гарантирует начальник Новоросийской военно-морской базы контр-адмирал Холостяков.

Георгий Никитич утвердительно кивнул.

— Да, и чтобы им легче сражалось, — добавил майор, — сообщи им, что по национальности я еврей.

В глазах фашистов блеснули искры уверенной радости. Облизывая обветренные губы и возбуждённо переругиваясь между собой, они начали широким кругом обступать Куникова.

— О чём говорят? — спросил Холостяков отошедшего от немцев Мэри.

— Вроде того, что сейчас завалим этого жида и поедим домой. Другой такой возможности, говорят, в жизни не представится.

— О, да, — рассмеялся контр-адмирал. — В их-то жизни точно.

Фашисты тем временем, крепко сжимая в руках тускло блестящие в лучах неяркого солнца ножи, одновременно побежали на Куникова. Выбрав самого быстрого из них, Цезарь бросился в его сторону и в высоком длинном прыжке молниеносным ударом ноги с разворота в голову опрокинул его. Тот раскидисто рухнул на землю, выплёвывая в грязный снег выбитые зубы. Едва приземлившись, Цезарь молниеносно кувыркнулся под ноги другому и сбив его с ног, вскочил прямо перед третьим, легко увернулся от резкого прямого удара ножом и, перехватив руку провалившегося вперёд немца, с широкого размаху ударил его стопой по колену. Нога фрица звонко хрустнула, неестественно выгнулась в обратную сторону, и из-под порванной ткани вылез окровавленный обломок сломанной кости. Куников выхватил из ладони дико взывшего от боли фашиста штык-нож и прицельно метнул в набегавшего на него последнего немца. Клинок вонзился тому точно в левый глаз, и фриц, сделав по инерции ещё несколько шагов, распластанно рухнул в грязный снег.

Цезарь спокойно обернулся и встал, ничего не предпринимая, перед остальными тремя. Фашист

с выбитым коленом продолжал корчиться на земле и орать, будучи не в состоянии встать. Два других тяжело поднимались на ноги. Один — выплёвывая изо рта остатки сломанных зубов и утирая рукавом окровавленный рот, другой — прижимая горсть ноздреватого, вперемешку с холодной землей снега к огромной гематоме на лице.

Некоторое время они топтались на месте, словно пытаясь придумать, как лучше атаковать молча наблюдавшего за ними Куникова, потом швырнули ножи на землю и высоко подняли руки над головой.

— Говорят, что готовы ехать в Сибирь, — громко перевёл Эндель, — но драться больше не будут.

Когда конвоиры увели двух немцев, нёсших третьего на руках, и унесли убитого, Куников, вновь повернувшись к строю, произнёс:

— Надеюсь, вопросов к командиру отряда больше нет? Если так, повторяю. Кто со мной в десант — выстроиться по левому флангу. Кто решил, что пока не готов — вернуться в строй.

Все, стоявшие перед ним, включая замешкавшегося Капустина, решительно двинулись влево.

— С новороссийцами ясно! — удовлетворённо отметил Куников. — Кто ещё?

Через час отряд был полностью сформирован. В него, включая первую группу из пятидесяти бойцов, зачислили всего 276 человек, хотя число желающих значительно превышало эту цифру — большего количества, предупредил Куникова Сипягин, не вместили бы предоставленные отряду плавсредства.

Вечером того же дня Куников передал Холостякову два тетрадных листа первого рапорта только что образованного подразделения: «Секретно. Приказ №1 командира отряда специального назначения НВМБ,

Тонкий мыс, 10 января 1943 года», в котором чётким разборчивым почерком устанавливал структуру нового подразделения и назначал командиров боевых групп.

XVIII

Десантная операция была назначена на ночь с 3 на 4 февраля 1943 года. Предшествовавшие ей три недели угрюмый, посеревший в тяжёлых боевых буднях, Геленджик кипел жизнью так бурно, как никогда раньше за всё время войны.

Пока одна группа куниковцев, как стали называть себя десантники, в полной амуниции с оружием и снаряжением бросалась с деревянных макетов катеров в обжигающе холодную воду Геленджикской бухты и рвалась к берегу, ведя огонь и швыряя вперёд настоящие, только без металлических рубашек, гранаты, другая уже карабкалась с завязанными глазами — подготовка к ночной атаке — на крутой скалистый берег, подобный тому, что им предстояло отбить у врага в Новороссийске, третья в это время отрабатывала приёмы самбо на берегу, четвёртая училась обезвреживать немецкие противопехотные мины, пятая разбирала и собирала на скорость трофейные немецкие пулемёты, автоматы и карабины различных модификаций.

Куников добивался, чтобы посадка всего отряда на катера занимала не больше пятнадцати минут, а высадка с полным вооружением укладывалась в две, и ему это почти удалось. Майор также требовал, чтобы каждый из подчинённых ему людей, включая медиков и радистов, владел любым оружием, какое было в отряде.

Из практических соображений Цезарь убедил Георгия Никитича переодеть морских пехотинцев из чёрных фланок с синими гюйсами и бескозырками в стёганные ватные куртки и шапки-ушанки, в которых они тренировались с наступлением холодов. В такой одежде было

проще карабкаться по скользким скалам под дождём и снегом — никогда не знаешь, что именно преподнесёт непостоянная черноморская зима, укрываться в сырых холодных расщелинах и вести рукопашный бой. Облачённый в грязные промокшие ватники, отряд особого назначения теперь больше напоминал не морскую пехоту, а спустившихся с горных перевалов партизан, однако внимательный взгляд сразу мог различить синеющие под верхними расстёгнутыми пуговицами полосы тельняшек, с которыми бойцы категорически отказались расставаться.

Со свойственной ему дотошностью и пристальным вниманием к мелочам Куников лично участвовал во всех тренировках и практических занятиях, будь то самбо или метание гранат, чем быстро снискал себе доверие и уважение каждого солдата.

В редкие минуты свободного времени он проверял состояние дел не только в отряде, но и в других частях, с которыми предстояло взаимодействовать. Почти ежедневно он бывал у Сипягина, внимательно изучая скудные ресурсы их «тюлькиного флота» и выискивая возможности их наращивания. Оба спокойные и доброжелательные, с выразительно очерченными крупными лицами и даже родившиеся в один день — 23 июня, они неторопливо обходили катер за катером, пытливо исследуя его внутренности и механизмы, на ходу делая необходимые чертежи.

Многие часы Цезарь проводил на батарее Зубкова, расположенной на горе Высокой, с которой в точном соответствии с её названием превосходно просматривалась вся береговая линия захваченного немцами города, включая Станичку. Склонившись над картами и расчётами с логарифмической линейкой и карандашом в руках, он скрупулёзно, с точностью до минут и секунд,

высчитывал время, отводимое его отряду на высадку и на каждый последующий бросок вглубь вражеской территории.

Ранним утром 3 февраля Куников вывел десантников на заключительную тренировку. На этот раз не было ни изнурительных марш-бросков, ни прыжков в ледяную воду, ни приёмов рукопашного боя — ничего из того, что стало привычным распорядком дня в течение последнего месяца. Они поднялись на вершину отдалённой горы, чтобы посмотреть с неё на раскинувшийся в туманной дали Новороссийск. Майор чувствовал, что бойцам нужно увидеть его, чтобы лучше понимать, куда они пойдут уже сегодняшним вечером.

С высоты птичьего полёта город казался совсем крошечным. Нельзя было различить ни слившихся воедино улиц, ни отдельных домов. Однако каждый из стоявших на вершине горы бойцов и так прекрасно представлял себе, как он выглядит. Слишком много русских городов им пришлось оставить, и каждый из них до сих пор стонал и кровоточил под фашистскими сапогами. Поэтому никто не питал надежд, что Новороссийск в длинном ряду таких городов мог выглядеть как-то по-другому — что обугленные руины обрушившихся домов не перегораживают когда-то просторные светлые улицы и что раскрошенный булыжник, выбитый из перепаханной взрывами мостовой, не валяется в беспорядке на детских игровых площадках.

Андрей Новицкий сразу же нашёл глазами почти невидимую среди почерневших квадратов родного города Октябрьскую площадь, на которой где-то вдали, уже совсем неразличимая глазу высилась массивная башня из серого крымского известняка — его дом, из которого

он ушёл полтора года назад, в последний раз обнявшись с семьёй.

Что с ним сейчас? Как и все остальные дома, он, конечно, покрыт длинной сетью кривых широких трещин в раскрошившихся под взрывами стенах. В проёмах сиротливо болтаются на ржавых скрипучих петлях изрешечённые пулями двери и оконные рамы без стёкол. Шатающийся их ветер волочит по разгромленным изуродованным улицам тяжёлый запах разложения, исходящий от почти целиком утонувших под снегом, землёй и пеплом обезображенных трупов.

То же самое и в Станичке. Андрей сразу определил, где находится дом Щербаковых, но рассмотреть с такого расстояния чернеющие в нём выбитыми глазницами оконные проёмы и две неухоженные могилы во дворе он, конечно, не мог.

— Знаешь, о чём я думаю, Эндель? — воодушевлённо сказал он стоявшему рядом другу, глубоко вдыхая студёный аромат морозного тумана, медленно растапливаемого неяркими лучами поднимавшегося над заснеженными горами солнца. — Когда мы освободим наш город, я не уйду из него, пока не найду Полину. Если надо, сбегу и буду её искать. К чёрту всё остальное! Я ведь только ради неё и иду в эту мясорубку.

Сердце Энделя больно замерло в груди, дыхание перехватило. Конечно, ему уже давно следовало набраться смелости и всё рассказать Андрею, но достаточной храбрости у него до сих пор не находилось, тем более что с каждым днём сделать это казалось всё сложнее.

«Но теперь-то уж точно он должен всё знать», — решил Мэри и осторожно спросил:

— А ты не думал, что её уже может не быть в живых?

Андрей обернулся и непонимающе уставился на друга:

— Ты вообще воображаешь, что говоришь?

Эндель смутился и отвёл глаза. Едва он собрался с мыслями, из-за спины донёсся раскатистый баритон Куникова:

— Отряд, стройся! К штабу — шагом марш!

Андрей резко повернулся и быстро зашагал прочь, давая понять, что не намерен поддерживать этот разговор. Мэри раздосадованно пошёл вслед за ним. Несколько минут они молча шагали бок о бок по замёрзшей и заснеженной после внезапно ударивших холодов серпантинной дороге. В частых просветах между покрытыми льдом кустарниками серел металлический блеск моря. «Пожалуй, именно так — глухо, утробно и голо выглядит незнание человека о судьбе своих близких», — подумал Эндель, глядя со щемящей тоской на безрадостную картину свинцово нависающей над ними зимы, и обернувшись к Андрею, сказал:

— Ты всё-таки подумай над моими словами...

— Эндель, замолчи! Очень тебя прошу, — резко оборвал его Андрей. — Ещё одно слово, и я за себя не ручаюсь.

Но Мэри уже твёрдо решил рассказать обо всём. Он вытащил из кармана кольцо и, намереваясь отдать его заметно раздражённому его настойчивостью Андрею, продолжил:

— Разве ты совсем не допускаешь, что твоя Полина могла оказаться на месте той девушки, которую фашисты...

Он не смог закончить фразу, потому что в глазах внезапно потемнело — тяжелейший удар кулаком в челюсть опрокинул его в снег.

Неожиданное происшествие заставило отряд останавливаться. Бойцы неровными рядами столпились вокруг Новицкого и Мэри.

— Я просил тебя заткнуться по-хорошему? Так что не обижайся, — яростно проорал Андрей, приближаясь к распластанному на земле другу.

Эндель тем временем обнаружил, что в момент удара выронил кольцо, и чтобы не позволить Андрею затоптать место, где его можно было бы найти, быстро вскочил на ноги и попытался оттолкнуть друга назад. Тот, расценив это как ответное нападение, ударил его коленом в живот, а Мэри, вынужденно защищаясь, повалил Новицкого на землю подсечкой. Завязалась отчаянная драка. Друзья катались в снегу, жестоко колодя друг друга. В конце концов Андрею удалось прижать Энделя к земле, однако едва он занёс над ним кулак, внезапная сила оторвала его от обидчика и отшвырнула далеко в сторону. Он с размаху ударился спиной о заледевшую скалу и рухнул в сугроб под ней. Между дерущимися стоял Куников.

— Что за ерунда на этот раз? — свирепо спросил он.

— Извините, товарищ майор, — произнёс Новицкий, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от снега. — Это я виноват. Я его первым ударил...

— Не совсем так, — торопливо перебил Эндель. — Это больше моя вина. Я сам спровоцировал.

— Стать в строй, быстро! — крикнул Куников, понимая, что бойцы не держат друг на друга зла, и инцидент можно считать исчерпанным. — Чтобы такого больше не повторялось!

Морские пехотинцы быстро смыкались вокруг Энделя и плотными рядами уходили вперёд, окончательно втапывая в рыхлый снег непонятно куда упавшее и так и не найденное им кольцо. Ругая себя за то, что он потерял последнюю возможность убедить Андрея выслушать его, Эндель, понутив голову, занял своё место в строю и вместе со всеми зашагал в сторону Геленджика.

Построение отряда с последующей погрузкой на катера было назначено на семь часов вечера. После обеда Куников предоставил бойцам свободное время — отдохнуть перед ночной атакой, написать письма родным, завершить последние дела. Эндель, прикинув, что он мог бы успеть сбежать на место утреннего происшествия и попытаться найти кольцо, решил рискнуть. Он незаметно выбрался из города и со всех ног побежал к хорошо отпечатавшемуся в памяти изгибу дороги.

Погода стояла холодная и ветреная. На замёрзшие горы почти сплошной стеной валились белые хлопья. Добежав до нужного места, Эндель обнаружил, что оно сильнее, чем он ожидал, засыпано снегом, но от идеи найти кольцо не отказался. Примерно рассчитав, как далеко оно могло отлететь от того места, где он стоял, и в каком направлении другие могли его сдвинуть сапогами, он опустился на колени и, преодолевая обжигающий холод и болезненную ломоту в костяшках пальцев, принялся скрупулёзно прощупывать каждый сантиметр дороги. Когда терпение и вера уже почти оставили его, непослушные одеревенелые пальцы натолкнулись наконец на маленький круглый предмет. Вытащив его из-под снега и отряхнув от налипшей грязи, Эндель увидел медное колечко со знакомой надписью «Полине от Андрея» и бережно положил его в карман.

Едва он поднялся на ноги, до него донёсся характерный гул приближавшегося автомобиля. Подойдя к краю дороги, он увидел петляющий ниже по серпантину немецкий «кюбельваген» зимней камуфлированной бело-серой раскраски, на большой скорости двигавшийся в его сторону. Укрыться на узкой тропе между отвесной скалой с одной стороны и глубоким обрывом

с другой было невозможно, поэтому Эндель со всех ног бросился вдоль по дороге, убегая от стремительно настигавшего его автомобиля.

Шум мотора за спиной явственно нарастал. Мэри отчётливо понимал, что немецкая машина маячит уже прямо позади него, что ещё несколько секунд, и его можно будет легко увидеть сквозь густую пелену снегопада. В этот момент он заметил крутой уступ в слоистом склоне горы на обочине дороги. Собрав последние силы, Мэри быстро свернул в сторону и длинным кувырком вкатился в узкий пролом разрушенной многовековыми норд-остами скалы. Спустя несколько секунд «кюбельваген» проехал мимо, но к большой досаде Энделя, намеревавшегося незаметно улизнуть, внезапно остановился посреди дороги немногим дальше его укрытия. Мэри вжался в неровную расщелину. Стараясь не двигаться и даже не дышать, чтобы не быть замеченным, он затаился за высокой каменной складкой, осторожно наблюдая за фашистами.

Из машины вышел немецкий командир, в котором Эндель сразу же узнал старшего офицера, встреча с которым возле госпиталя в Новороссийске едва не стала для него роковой.

Оберст Шэффер несколько раз, то ли разминаясь после долгого сидения, то ли пытаясь согреться на холодном пронизывающем ветру, прошёлся вокруг автомобиля, нетерпеливо поглядывая на часы. Было понятно, что он кого-то ждёт.

Несколько минут спустя из-за снежной пелены вынырнула советская «полуторка», и из неё мешковато вывалился в метель Буров.

— Дорогой Альфред, как я рад тебя видеть! — на чистом немецком языке произнёс он, протягивая офицеру ладонь. — Надеюсь, ты не слишком долго меня ждёшь?

— Нет, дорогой Василий, не очень долго, — ответил оберст, пожимая его руку.

Они обнялись, как хорошие друзья.

— Единственно, у меня есть опасения по поводу безопасности этого места, — проговорил Шэффер, озираясь по сторонам.

— Уверяю тебя, мой друг, нет никаких причин для беспокойства, — весело ответил Буров. — Это время и место — самые безопасные, какие можно выбрать в настоящий момент. Русские сейчас слишком заняты, чтобы следить за кем бы то ни было в такую погоду. Весь Геленджик готовится к сегодняшним ночным десантам, о которых я ещё давно подробно проинформировал генерал-лейтенанта Руоффа. А те, кто не занят этой подготовкой, валяются пьяными по всем углам, отмечая эту случайную победу под Сталинградом...

— Да уж, это бесспорно очень болезненный удар для вермахта, — тяжело вздохнул Шэффер. — Именно поэтому после разгрома Паулюса Руофф с удвоенными усилиями спешит развить наступление на Кавказе, пока ещё окончательно не потеряна наша стратегическая инициатива. Благодаря тебе, Василий, он нисколько не сомневается в нашем успехе. К встрече обоих десантов — и в Новороссийске, и уж тем более в Южной Озережке — всё готово. Как только они отправятся кормить крабов на дно моря, мы намерены перейти в решительное наступление. Так что уже очень скоро, дорогой друг, ты, как и просил, будешь назначен помощником командующего местным городским рейхскомиссариатом и сможешь спокойно работать среди нас, пока 17-я армия будет добивать остатки советских войск на Кавказе. Ты это заслужил, и генерал-лейтенант намерен отправить твоё личное дело в Берлин уже ближайшим самолётом.

— Германия превыше всего! — бодрым восторженным голосом ответил Буров.

— А пока у нас к тебе будет последняя просьба, — с этими словами Шэффер протянул Бурову толстую чёрную папку. — Здесь бланки с немецким орлом и свастикой, отпечатанные по спецзаказу Руоффа. Позаботься о том, чтобы после окончательного разгрома все выжившие советские командиры написали рапорты о сдаче в плен и помиловании лично на имя Гитлера именно на этих бланках. Геббельс уже прислал в Адольфштадт, так теперь уже очень скоро будет называться Новороссийск, несколько бригад кинооператоров из «Дойче Вохеншау», и просил, чтобы съёмки были как можно более красочными и убедительными.

— Пожалуй, это самое простое задание из всех, какие мне приходилось выполнять во имя Германии, — усмехнулся Буров, засовывая полученную от Шэффера папку под мышку и протягивая ему другую. — А здесь коды для шифрограмм, которые планировались для использования десантами этой ночью. Не знаю, сильно ли они вам пригодятся, если вы утопите все корабли прежде, чем они успеют высадить хоть одного человека, но тем не менее мой долг довести их до вашего сведения.

— Это ещё раз подтверждает наши высокие оценки твоей работы, дорогой Василий, — удовлетворённо произнёс Шэффер, забирая папку. — Как я понимаю, никаких изменений в планах русских нет? Всё идёт по имеющемуся у нас графику?

— Совершенно, — заверил Буров. — Никаких происшествий и неожиданностей. Честно говоря, даже боюсь, что вам будет совсем неинтересно выиграть это сражение.

— Ничего страшного. На нашем длинном пути до Индии ещё будет много всего интересного, — ответил

оберст. — Что ж, тогда увидимся с тобой уже через несколько дней. Позволишь мне лично взять тебя в плен? — рассмеялся он.

— Готов сдаться прямо сейчас, — отшутился Буров, — но тогда кинохроника «Дойче Вохеншау» не будет такой выразительной, как хотелось бы господам Геббельсу и Руоффу, — он многозначительно похлопал папку с немецкими бланками у себя под мышкой, — а я не прощу себе, если командование не присвоит нашему любимому генерал-лейтенанту его давно заслуженную награду. Обязательно передавай ему от меня горячий привет. Буду с нетерпением ожидать в Геленджике его триумфального прихода.

Буров и Шэффер ещё раз крепко обнялись на прощание и, поднимая снежные фонтаны из-под колёс автомобилей, быстро разъехались в разные стороны.

XIX

Эндель, запыхавшийся и разгорячённый, прибежал на Тонкий мыс почти к самому построению. Когда он встретился с Новицким, тот с удивлением посмотрел на его мокрый грязный ватник, вспотевшее лицо и спросил:

— Ты куда бегал перед самым отправлением? Я тебя два часа не мог найти.

Мэри пристально посмотрел на друга и ничего не ответил. Продолжать их сложный утренний разговор о Полине он был не в состоянии. Сейчас совсем другое занимало его мысли — в ушах до сих пор отчётливо стучали слова Бурова на свободном немецком языке, в которые он не мог до конца поверить.

— Я искал тебя, — продолжил Андрей, — чтобы попросить прощения за то, что не сдержался сегодня утром. Мне, конечно, следовало выслушать тебя, но если бы ты знал, как больно даже думать о том, что с ней могло такое случиться. Тогда всё, ради чего я живу, не имеет смысла, понимаешь?..

— Не кори себя, — как можно непринуждённое успокоил его Эндель. — Я могу это понять.

Объявили построение. Начальник штаба отряда подтянутый, энергичный, как всегда сверкающий улыбкой Фёдор Котанов бодро доложил стоявшему перед бойцами Куникову:

— Товарищ командир, отряд особого назначения в количестве двухсот семидесяти трёх человек в полном боевом порядке построен.

— Товарищи! Друзья и братья! — негромко, просто и без пафоса обратился к отряду майор. — В эти наши,

возможно, последние часы на мирной земле хочу напомнить каждому из вас, что мы идём с вами в самый тяжёлый бой, который вы видели за всё время войны. Нам придётся столкнуться с врагом, имеющим над нами колоссальное численное превосходство. У немцев на том берегу есть танки, тяжёлые орудия и миномёты. У нас с вами — только автоматы и штык-ножи. Наше единственное преимущество — скорость и внезапность. Я знаю, что никто из вас не взял с собой ни грамма продуктов и ни капли воды, чтобы заполнить всё свободное место в вещмешках патронами и гранатами. Не буду настаивать на обратном. Я сам поступил точно так же. Это лишь в очередной раз подтверждает, что все мы до мозга костей осознаём опасность этой операции. Поэтому сейчас я обязан вновь задать вопрос, который вы уже неоднократно слышали от меня: готов ли каждый из вас к этому испытанию? Может быть, кто-то передумал идти с нами? Или просто плохо себя чувствует? Если такие есть, приказываю выйти из строя.

Отряд не шелохнулся. Мёртвая тишина — ни звука, ни движения — повисла над Тонким мысом. Было слышно, как усиливающийся шторм с сумрачным шуршанием катает обтёртую гальку на заснеженном пляже.

— Товарищи, ещё раз, — мягко повторил майор. — Не приказываю, прошу. В последний раз. Другой возможности не будет.

И снова молчание.

— Распустите бойцов на десять минут, — сказал Куников Котанову. — Те, кто постеснялся выйти сейчас, снова в строй могут не становиться.

— Неужели ты всерьёз думаешь, что после всего, что им пришлось пережить, кто-то не встанет? — удивлённо спросил Котанов.

— Не знаю, Федь, — спокойно признался Цезарь. — Но если кто-то пал духом уже сейчас, пусть лучше уходит, пока не поздно. Цепь, как известно, рвётся по самому слабому звену. Поверь мне как инженеру, — улыбнулся он.

Едва солдаты разошлись, Эндель со всех ног бросился к командиру. Он попросил майора отойти в сторону, подальше от посторонних ушей и подробно доложил ему всё, что увидел и услышал из-за скалы. Куников, внимательно выслушав Мэри, быстрым шагом направился в сторону стоявшего неподалеку Георгия Никитича. Даже издалека было видно, как побледнело и застыло лицо контр-адмирала после слов майора. Напоследок они перебросились несколькими короткими кивками и жестами, после чего Куников вернулся к Мэри и тихо сказал:

— После повторного построения, когда десант посадят на катера, пойдём с тобой к Холостякову.

Эндель кивнул и вернулся в строй. Отряд к тому времени повторно строился в две шеренги. Когда расчёт был окончен, начальник штаба доложил Куникову:

— Товарищ майор, отряд особого назначения по вашему приказанию построен. В строю двести семьдесят... — он неожиданно запнулся и очень тихо закончил, — два человека.

Немного совладав с дрогнувшим голосом, Котанов так же тихо повторил ещё раз:

— Двести семьдесят два человека. Одного не хватает.

— Прекрасно! Ведите отряд на катера, — громко, чтобы все слышали, приказал начальнику штаба Куников.

Выяснять, кого именно недостаёт, майор не стал. В сопровождении мгновенно подбежавшего к нему

Мэри он быстрым шагом направился к Холостякову. На ходу их догнал старшина второго отделения Алёшичев. Рваное парное облачко его прерывистого дыхания выдавало плохо скрываемое волнение.

— Мой боец отказался, товарищ майор, — как будто с презрением и досадой одновременно затараторил он, стараясь поспевать за широкими шагами Куникова. — Я его весь перерыв уговаривал, но он словно рогом упёрся. Передумал, говорит, и всё.

— Зря уговаривал, — небрежно ответил Куников. — С гранатой под танк лечь — тоже уговаривать будешь?

— Извините, — быстро ответил Алёшичев, поправляя на правом рукаве белую повязку, по которым в темноте десантники должны были отличать друг друга. — Только что мне с ним теперь делать?

— Доложить контр-адмиралу Басистому, что рядовой по фамилии такой-то переходит в его распоряжение, то есть в основной десант.

— Есть, — бойко ответил старшина.

— Кстати, как его фамилия? — равнодушно спросил Куников.

— Капустин, — немного помедлив, ответил Алёшичев.

Холостяков совершенно растерянный дожидался Куникова и Мэри в своём кабинете. Он сидел сгорбившись, обхватив голову руками, уперев ничего не выражающий взгляд в стол, по обыкновению заваленный военными и морскими картами.

— Если всё это правда, — тяжело вздохнул он, внимательно выслушав быстрый, но очень подробный рассказ Энделя, — то всем нам конец. Что теперь делать? Отменить обе высадки? Но это надо согласовывать со Ставкой, а у нас нет времени. До отправления обоих

десантов, — резко вскинув руку, он посмотрел на часы, — осталось меньше часа. Что бы ты сделал, Цезарь? — как будто с надеждой спросил он.

— Я бы отменил оба десанта и бросил все резервы на усиление обороны на Сухумском шоссе, — просто и твёрдо ответил майор. — И уже потом разбирался.

Холостяков провалился в ничего не выражающую задумчивость, и затем, как будто спохватившись, быстро заговорил:

— Нет, Цезарь, я такое решение на себя не возьму. Во-первых, не забывай, что мы действуем не сами по себе. Всё это — лишь часть намного более масштабной операции. Поэтому каждое изменение в планах нуждается в детальной проработке с высшим командованием и в координации с соседями, а такой возможности у нас нет. Во-вторых, если вину Бурова не докажут, ты представляешь, что меня ждёт? Что если здесь действительно какая-то ошибка?

— Какая, например? — быстро спросил майор.

Сомнения на лице Холостякова были видны отчётливее контрастных теней от неяркой настольной лампы. Казалось, что напряжёнными складками лба он пытается выдавить из головы хоть одну относительно логичную мысль.

— Какая-то спецоперация чекистов, — наконец нашёлся Холостяков. — Может такое быть?

— При всём уважении, товарищ контр-адмирал, — напористо, но стараясь не нарушать субординации, процедил Куников, — такого быть не может. Вас бы обязательно поставили в известность.

— Да-да, конечно, ты прав, Цезарь, — заёрзал в кресле Холостяков, словно не узнавая собственного будто железной петлёй перетянутого голоса. — Похоже, это действительно предательство. Как теперь быть?

Кустистые брови над его глубоко посаженными глазами изогнулись прямыми углами. Набухшие от бессонницы веки и опустившиеся уголки рта выдавали полное утомление и неспособность принять хоть какое-то решение.

— Похоже, придётся ввести в действие резервный план высадки в Станичке, — твёрдо произнёс Куников, понимая, что нужно брать инициативу в свои руки. — Однако, чтобы я был уверен в правильности принимаемого решения, мне нужен Буров. Вы должны помочь мне, контр-адмирал. Вы сейчас же позвоните ему и под любым предлогом пригласите его ко мне на катер. Как только он поднимется на палубу, я отойду вместе с ним от берега и там в море заставлю объясниться. Если это действительно недоразумение, он вернётся в Геленджик на том же катере вместе с Сипягиным.

— И что дальше?! — воскликнул Холостяков, уже совсем, похоже, от охватившего ужаса не контролируя нахлынувшие эмоции. Каждый дрожавший в его горле звук обнажал полный упадок сил. — Опять лагерь?! Я там уже был, спасибо. Теперь скорее встану под фашистские пули, чем снова пойду туда. Не дай бог вам оказаться в руках чекистов, майор. Вы просто не знаете этих людей.

— И только поэтому я должен вести честных солдат на убой, как слепых котят? — разъярённый голос Цезаря начал наливаться той лаконичностью и отрывистой резкостью, какие отличают мужественных людей в минуты неотвратимой опасности. — Если вы боитесь, товарищ контр-адмирал, если вы уже сдались и заняты сейчас лишь своим спасением, выбирая даже не между жизнью и смертью, а лишь ища для себя более лёгкого конца, то не тяните, пожалуйста, за собой меня и моих бойцов, — кидал он острые тяжёлые, как камни, слова

на голову Холостякова, не жалея его и не щадя его самолюбия.

Куников был уверен, что так было надо — оскорбить, озлобить и возбудить опустившего руки командира, заставить его сопротивляться и бороться. Он быстрыми шагами подошёл к столу контр-адмирала, снял трубку телефонного аппарата и, протянув её Георгию Никитичу, уверенно пообещал:

— Всю ответственность возьму на себя. Скажите, что делаете это по моей просьбе и не знаете, зачем именно я хочу его видеть. Только подчеркните, что это очень срочно, — медленно договорил Куников, вбивая в собеседника каждое слово.

Слабея и судорожно озираясь по сторонам, будто опасаясь слезки, Холостяков неуверенно протянул руку, и холодная телефонная трубка нехотя влипла в его влажные вздрагивающие пальцы.

Нерешительными движениями он набрал номер.

— Товарищ полковник?... Да-да, это я, — неожиданно бодрым непринуждённым голосом заговорил Георгий Никитич, хотя его лицо с каждой секундой заметно бледнело и деревенело. — Конечно, всё готово... Всё как по маслу идёт. Комар носа не подточит. Осталось только прийти, увидеть и победить, — Холостяков даже умудрился более или менее натурально рассмеяться. — И не говорите... Я на самом деле по немного срочному делу вам звоню... Даже не сомневался... Вопрос, собственно, простой: майор Куников хочет увидаться с вами перед выходом в море. Очень настаивает... Мне не доверяет, к сожалению. Только полковнику скажу, говорит... Что-то по вашей части, да... Может, и про это, не знаю, не буду врать... Не говорит мне... Наверное... А как же?... Успеете до отхода? Тогда он будет ждать вас на катере... Предупрежу... Спасибо большое, товарищ полковник...

Уверен, там действительно что-то важное. Куников не из тех, кто суетится по мелочам... Взаимно... Всего доброго.

Непослушной рукой Холостяков положил трубку и совершенно другим, тихим убитым голосом произнёс:

— Вам пора, Цезарь. Он будет на пристани через десять минут. Чем бы всё это ни закончилось, желаю тебе удачи.

Едва взбежав по трапу на катер, Куников приказал вызвать Новицкого.

— Ты хорошо знаешь местные горы? — спросил он немного удивлённого Андрея.

— В детстве мы с отцом часто ходили здесь в походы. В принципе, неплохо ориентируюсь, — насторожённо ответил Новицкий, не понимая, к чему этот разговор перед самым отправлением.

— До батареи Зубкова знаешь самый короткий и безопасный путь?

— Думаю, да, — прикидывая в голове, проговорил Андрей. — Можно через Пенай пойти. Там, правда, немного круто, придётся карабкаться по скалам, но, наверное, это будет быстрее, чем в обход.

— Хорошо, — ответил Куников. — Сколько тебе нужно времени, чтобы добежать туда?

— Я точно не успею до отправления, — ответил Новицкий.

— И пускай. Сколько? — впился в него требовательным взглядом майор.

— Не меньше часа.

— За час надо успеть, Андрей, — настойчиво попросил его командир. — Сейчас же беги к Зубкову и на словах передай лично ему, никому другому, что если я дам

красную, а затем зелёную ракету, мы будем высаживаться в Станичке по нашему резервному плану. Пусть бьёт туда из всех стволов.

Всегда быстрый и исполнительный Новицкий неподвижно замер перед майором.

— Пошлите кого-нибудь другого, — попросил он. — Я обязательно должен быть в Станичке, если мы пойдём туда. У меня там...

— Кого я, по-твоему, пошлю? — прикрикнул на него Куников. — Какого-нибудь сибиряка, который заблудится на первом же перевале?

— Разве нет связи? — продолжал упираться Новицкий.

— Связь есть, — напряжённо выдохнул командир и, бегло осмотревшись по сторонам, понизил голос:

— Нас предали, Андрей. Весьма вероятно, что все наши шифрограммы читают, а линии прослушивают. Всё, что я сейчас могу, — послать доверенного человека. Больше я ни в ком не уверен. Жизнь всего отряда зависит сейчас от тебя.

Новицкий кивнул и, сняв с шеи автомат, положил его на стоявший рядом ящик с патронами.

— Через час артиллеристы получат ваш приказ, — решительно сказал он, но прежде чем тронуться с места добавил:

— Досадно лишь то, товарищ майор, что мне быть в этом отряде намного нужнее, чем всем остальным вместе взятым.

— Постой, — окликнул его Куников, расстёгивая планшет и доставая из него блокнот. — Рейдовый тральщик «Скумбрия», гружённый патронами и боеприпасами, будет дожидаться моей команды у подножия Пеная. Просто нет смысла таскать его за собой, пока не

выяснится точное место высадки, чтобы он не отставал и не задерживал весь отряд. Я дам письменный приказ его командиру взять тебя на борт, — майор быстрым убористым почерком исписал узкую страницу блокнота и, вырвав её, протянул Новицкому. — Но ждать тебя, сам понимаешь, никто не будет. Не успеешь — придётся вернуться в Геленджик.

Новицкий выхватил бумагу из пальцев майора.

— Спасибо, командир. Увидимся в Станичке.

— Автомат всё же возьми, — посоветовал Цезарь. — Уверен, что горы сейчас кишат диверсантами.

Андрей быстро схватил снятый минуту назад ППШ и, на ходу запихивая за пазуху письменный приказ Куникова, бросился на берег. На узком трапе он едва не столкнулся с тяжело поднимавшимся по нему Буровым.

— Честно говоря, вы могли бы спуститься ко мне на пристань, товарищ майор, — недовольно проворчал он.

— Извините великодушно, — широко улыбаясь и протягивая ему руку, ответил Куников. — Сами знаете, эти дурацкие морские суеверия, что если уже поднялся на палубу, то будь добр сойти с неё только в месте назначения. Иначе беда.

— Надеюсь, эти приметы вам помогут, — усмехнулся Буров. — Не зря же я карабкался на эту посудину. Ну давайте, выкладывайте, что у вас там.

— Вопрос, с одной стороны, простой, но с другой — требует, чтобы вы об этом знали, а может, поделились с нами некоторой информацией, если она у вас есть. Начальник высадки, капитан-лейтенант Сипягин отмечает странные перемещения румынских судов по курсу нашего следования, — очень быстро заговорил Куников,

не давая Бурову вникнуть в происходящее. — Кстати, будет лучше, если он сам доложит, чтобы я чего не напутал. Ко-оля-я, — закричал Цезарь во весь голос в сторону рубки.

Это был условный сигнал. Моторы катера бешено взвыли, и судно, круто качнув палубой под ногами и быстро набирая скорость, поползло прочь от берега. Потерявший точку опоры трап повалился в воду, выплеснув фонтаны пенных брызг. Вслед за головным катером от причалов один за другим начали отходить остальные.

Буров растерянно оглянулся, но быстро придя в себя, заорал:

— Что, чёрт возьми, происходит? Высадите меня обратно! Слышите?!

— Похоже, я совсем забегался и пропустил время выхода в море, — словно оправдываясь, заговорил Куников, постукивая пальцем по наручным часам.

— Условленное время 21:45, а сейчас 21:43, — сквозь зубы процедил Буров, сверля взглядом собственные часы. — Что за дурацкие выходки, майор? Под трибунал захотели? Быстро высадите меня на берег!

— Боюсь, это уже невозможно, товарищ полковник. Мы ложимся на курс. Любое промедление неизбежно поставит под удар всю операцию. Обещаю, что после высадки отряда вас в целости и сохранности доставят обратно в Геленджик.

— Кто же, интересно, отвечает за мою целостность и сохранность? Вы? — ещё более разъярённо заорал тот.

— Да, я, — спокойно ответил Куников. — Скорость и внезапность на нашей стороне. Прежде чем фашисты успеют сделать первый выстрел, вы будете уже далеко от берега. Поэтому не волнуйтесь. Ещё спасибо мне скажете, когда после нашей победы будете иметь предлог

записать её и на свой счет. И знаете, я вовсе не буду этому возражать. А сейчас извините, мне нужно командовать десантом.

С этими словами он оставил взбешённого тяжело дышащего Бурова на палубе и удалился в рубку.

XX

Выскочив на берег, Новицкий со всех ног бросился по непривычно опустевшим улицам. В просветах зданий он видел, как тусклые огни катеров один за другим отдаляются от причалов и быстро выстраиваются в ровные кильватерные колонны. В сереющем метельным снегом морском пространстве, бледно искрилась в свете прожекторов мелкая изморось, но вскоре в целях маскировки фонари погасли, и Новицкий уже ничего не мог различить в слабо подсвеченной ледяными звёздами ночной черноте.

Он выбежал за город и, легко отыскав узкую извилистую тропинку, свернул в горы. Обступивший со всех сторон лес глухо трещал по ветру. Обледеневшие камни проскальзывали под ногами. Месяц, выкатившийся на середину неба, слабым ровным светом заливал подпавшие тёмный небосвод горы.

Андрей, уже порядком выбившийся из сил, понимал, что не преодолел ещё и половины пути, поэтому на пределе возможностей карабкался по почти отвесным горным тропам, лишь иногда позволяя себе коротко петлять вдоль по склонам. Выбравшись на один из относительно плоских участков, он забросил ППШ за спину и, не осматриваясь по сторонам, бегом бросился к следующему перевалу.

Темнота сбоку от него внезапно треснула оглушительным громом, и блеснувшая череда коротких вспышек контрастно высветила три фигуры в песочно-коричневой румынской форме. Андрей припал к земле, и в лицо ему брызнуло каплями замёрзшей грязи, выбитыми близко прошедшей автоматной очередью. Он быстро

откатился за невысокий камень, стащил со спины автомат и только тогда, от резкого движения, почувствовал тяжёлое жжение в боку. Бегло осмотревшись, он заметил, что порванная пулей пола ватника промокает на боку неровно расползающимся красным пятном.

Резко вспоров тугой полог недолго длившейся тишины, в камень, звонко рикошета, хлестнули пули. Натренированным чутьём Новицкий определил, что стреляют из двух стволов, значит, один подбирается к нему под прикрытием других. Он переложил автомат в левую руку, выждал несколько секунд и, резко выгнувшись из-за камня с неожиданной для нападавших стороны, почти в упор всадил полмагазина в уже близко подбежавшего румынского пехотинца.

Едва двое других успели перенести на него огонь, Новицкий перехватил автомат правой рукой, перекувыркнулся за укрытием и, вывалившись из-за другой стороны, выпустил в растерявшихся румын оставшуюся половину патронов. Один из них успел отпрыгнуть за дерево, а другой, неуклюже шатнувшись, упал с простреленной грудью.

Последний диверсант принялся длинными раскатистыми очередями отчаянно поливать камень, за которым затаился оставшийся без патронов раненый Новицкий. Когда он полностью расстрелял боезапас, Андрей выскочил из-за укрытия, чтобы подобрать оружие первого убитого бойца. Однако прежде чем он успел до него добраться, сильнейший удар сбил его с ног — последний румын оказался намного быстрее и сильнее его.

Это был необыкновенно высокий и жилистый солдат, яростно сжимавший в огромные кулаки длинные крепкие руки. Большой рот его распахнулся в широкой улыбке, в глазах сверкала ярость победителя, подбежавшего добить жертву. Не дожидаясь, пока верзила

размозжит ему череп, Новицкий вскочил и первым бросился на него, однако тот мощнейшим прямым ударом ноги легко отбросил его. Андрей отлетел далеко назад и упал в нескольких метрах от крутого обрыва.

Румын выхватил из сапога длинную финку и двинулся на Новицкого. Тот начал быстро пятиться, пока не нашупал позади себя скользкий край пропасти. Диверсант, воодушевлённо выкрикнув что-то, кинулся на Андрея и, навалившись сверху всем телом, попытался ударить ножом. Новицкий перехватил руки и на несколько секунд задержал направленное прямо в горло лезвие. Однако силы были явно не равны, и клинок стал медленно опускаться вниз.

Отстраняясь от ножа, Андрей свесил голову с края обрыва, упёршись взглядом в широко раскинувшуюся позади него чёрную пустоту. Где-то там вдалеке плескалось недоступное его взгляду море, по которому шли катера с куниковским десантом — прямиком на верную смерть. В памяти мельком проскользнула ночь на горе с Полиной, когда он спрыгнул на скалистый уступ и напугал её. Тогда была такая же красивая звёздная ночь, и непроглядная мгла так же окутывала скрывающийся под скалой морской простор, и так же отсвечивали нависавшие с обеих сторон горы.

«Да это же и есть тот самый обрыв со скалистым уступом!», — вдруг сообразил Андрей. Он изо всех сил оттолкнулся ногами от холодной земли и вместе с румыном, уже почти вонзившим клинок в его горло, опрокинулся вниз. Больно ударившись о заледеневшие камни, он прижался спиной к стенке скалы и изо всех сил оттолкнул ногой рухнувшего рядом с ним диверсанта. Тот откатился на противоположный конец уступа и сорвался вниз, успев в последний момент зацепиться пальцами одной руки за каменистый край. Новицкий схватил

валявшийся рядом широкий обломок мергеля и с размаху ударил остро зазубренной гранью по впившимся в ледяной камень пальцам. Румын, дико заорав, сорвался вниз. Глубина полумрака тут же скрыла его, но Андрей, хорошо помнивший эту пропасть, мог представить, как тот падает с огромной высоты, ударяясь об острые углы скал.

Капая кровью на снег сквозь прижатые к простреленному боку пальцы, Новицкий выкарабкался наружу и, подобрав последний снаряжённый патронами автомат, побежал дальше к батарее Зубкова.

Выкатившаяся из мелких лохматых туч неполная луна безжизненно висела посередине фиолетово-чёрного неба. Тёмная холодная ночь неподвижно лежала на заваленных снегом высотах и над чёрной водой оставшейся позади Геленджикской бухты. Где-то вдали сонно светился тусклыми огнями Новороссийск. Кристальную тишину нарушали лишь дремотно поскрипывающие уключины и изредка звякающие ржавые цепи лееров. Студёная зимняя вода с еле слышным шелестящим лепетом тёрлась о борта катеров, остановившихся у входа в Цемесскую бухту перед последним броском. В кромешной темноте их форштевни стеклянно хлюпали по невидимой сверху воде, мягко разламывая синие зигзаги тускло подсвеченных луной волн.

На палубу вышел Куников. Буров, неподвижно смотревший на неярко светившийся за изгибом Тонкого мыса Геленджик, не обернулся.

— Мы скоро атакуем, товарищ полковник, — обходительно предупредил майор, приближаясь к леерам, возле которых стоял Буров. — Сейчас машины дадут самый полный, а ближе к берегу будут вынуждены

включить прожектора, поэтому в течение нескольких минут мы будем достаточно заметной целью для немцев. Я бы советовал вам укрыться в рубке.

— Это всё не имеет ровным счетом никакого смысла, дорогой Цезарь, — неожиданно спокойно заговорил чекист. — Не думаю, что в рубке будет больше шансов выжить, когда немцы накроют нас прицельным огнём прямо посередине этой гавани.

— Почему вы так уверены, что нам не удастся дойти до берега? — не забываясь изображать удивление, спросил Куников.

— Потому что я лично неделю назад передал немцам все планы этой операции, — Буров обернулся и застывшим ледяным взглядом посмотрел прямо в глаза Цезарю. — Они знают каждый наш шаг с точностью до секунды, майор. У вашего отряда нет ни единого шанса.

Его лицо искривилось в усмешке. Брови согнулись пополам, как будто невероятная тяжесть ломила его виски и путала мысли.

— Вы, наверное, хотите знать, зачем? — немного погодя продолжил он, вновь поднимая глаза на Куникова, молча смотревшего на него в упор. — Потому что я ненавижу всё, что окружает меня здесь в России. Чем раньше мы сбросим с шеи ярмо большевистского гнёта, тем лучше будет для всех нас. Немцы помогают нам в этом. Германия — это сила, закон и порядок. Там можно жить и работать достойно. Здесь — нет.

— Разве человек не сам творит свою судьбу? — задумчиво спросил Куников. — Разве немцы не сами построили тот порядок, ради которого вы обрекли на гибель тысячи своих соотечественников?

— Думаю, вам лучше задать этот вопрос своему брату Вениамину, — с садистской усмешкой процедил чекист.

Куников словно врос в мелко дрожавшую под ним металлическую палубу. Судьба его старшего брата, воювавшего во время Гражданской войны на стороне белых, затем эмигрировавшего в Швейцарию и теперь, по слухам, сотрудничавшего с фашистами, всегда была тайной за семью печатями даже для некоторых членов его семьи. Откуда в НКВД знают об этом?

— Я могу всех нас спасти, майор, — лукаво заговорил Буров.

Он расстегнул свой портфель и извлёк из него новенький напечатанный на хорошей плотной бумаге бланк с крупным немецким орлом, держащим в лапах жирную свастику.

— Напишите прошение о помиловании на имя генерал-лейтенанта Руоффа и дайте мне радиосвязь. Одного моего слова будет достаточно, чтобы вам позволили беспрепятственно подойти к берегу и спокойно сдаться в плен.

— Никогда не сделаю этого, — быстро и уверенно ответил Куников.

Буров тяжело вздохнул и закатил глаза к огромному тускло переливавшемуся холодными звёздами небу, чья бездонная студёная высота была неровно перетянута туманно искрящейся лентой Млечного пути.

— Тогда что вы сделаете, майор? — с непритворным любопытством поинтересовался чекист. — Пойдёте прямо под немецкие снаряды и разорванный на части утонете? Или вернётесь в Геленджик дожидаться, пока немецкие дивизии сметут его с лица земли вместе с вами? Вы очень мудро поступили, заманив меня на борт, потому что я ваше единственное спасение. Так поступите же ещё более мудро и сейчас. У вас нет другого выбора.

— Мой долг...

— Какой к чёрту долг?! — почти в истерике оборвал его Буров. — Сдохнуть за паршивое захолустье, где и имени вашего знать не захотят? Это ваш долг? Ради кого и чего вы готовы пожертвовать своей единственной жизнью, майор? Ради правительства, заморившего голодом миллионы своих граждан? Ради командиров, для которых вы не более чем пушечное мясо? Вы всерьёз готовы умереть за эту страну? Чем же она, по-вашему, лучше Германии, с которой вы так отчаянно сражаетесь?

— Я готов умереть за свою страну не потому, что она лучше других, а потому, что она моя, — твёрдо ответил Куников.

Ночной ветер становился напористее. Начинался шторм.

— Какая беспросветная тупая наивность! Слышали бы вы себя со стороны, — развёл руками и досадливо покачал головой Буров.

В этот момент далеко на западе крошечными накалёнными мотыльками, лихорадочно разбрызгивая пульсирующий огненный свет, задрожали в бешеной пляске острые змеистые вспышки. Некоторое время спустя ветер добросил до ушей ослабленный длинными морскими милями пронизывающий звук мощных бомбовых разрывов.

— Вот и конец, — проговорил Буров, многозначительно кося глазами в сторону красных кустов разрывов, отчаянно грохочущих где-то в районе Южной Озерейки. — Основной десант разгромлен на ваших глазах, майор. Ваш отряд ещё не гниёт на дне лишь потому, что не представляет для немцев никакой опасности. Но это ненадолго. Ситуацию вы уже не спасёте, а себя — ещё успеете. Подпишите бумагу, — он вновь протянул ему бланк со свастикой, — и дайте мне связь.

Куников на несколько секунд закрыл глаза, словно представляя, как от близких взрывов переламываются пополам последние имевшиеся в распоряжении Новороссийской военно-морской базы эсминцы и канонерские лодки, как срываются с неповоротливых боиндеров и, путаясь в перебитых тросах, уходят под воду орудия и танки. Его сердце обожгла мучительная боль пятнадцати тысяч человек, расстреливаемых «мессершмиттами», низко пикирующими над их кораблями и злобно пульсирующими рваными вспышками. Он как будто сам оказался на месте солдат, разрывааемых снарядами, вонзающимися кипящим багровым пламенем в накренившиеся борта, и мучительно захлёбывающихся в ледяных солёных волнах.

— От вас уже ничего не зависит, майор, — настойчиво проговорил Буров. — Кавказская кампания проиграна. Всё кончено.

— Нет, пока не всё, — медленно ответил Куников, поднимая полные гнева и ненависти глаза. — Почти три сотни бойцов моего отряда ещё живы.

— Вы рассчитываете захватить этими силами плацдарм? — удивлённо округлил глаза Буров.

Вместо ответа Куников сделал широкий шаг и прямым ударом ноги толкнул его в грудь. Тот отлетел назад и, перекинувшись через громко скрипнувшие леера, вывалился за борт.

— Не совершайте ошибки, майор! Вы же благоразумный человек! — истошно закричал дрожащим от страха голосом Буров, беспомощно барахтаясь между широких, стремительно набирающих силу волн и громко отфыркиваясь от заливавшей в ноздри воды.

Куников выхватил из оружейного ящика новый, щедро смазанный маслом и забитый патронами ППШ и наставил его на Бурова. Однако прежде чем он успел

вдавить побелевший от напряжения палец в тугую спусковой крючок, неожиданно появившийся за его спиной Сипягин быстрым движением схватил автомат за ствол и резко выдернул его из рук опешившего Куникова.

— Спасибо, Николай, — продолжая захлёбываться на накатывающихся волнах, закричал особист. — Хорошо, что хоть ты всё понимаешь. Просто подпишите бумагу, и я гарантирую вам жизнь. Только я сейчас могу всех вас спасти.

Сипягин, не обращая внимания на его слова, взглядом показал Куникову на близкий новороссийский берег, с которого автоматная очередь могла быть хорошо слышна, и молча протянул ему остро заточенный штык-нож. Цезарь взял его и сильным отточенным движением метнул в Бурова. С выкаченными в предсмертном испуге глазами особист провалился под воду, и она плотно сомкнулась над ним чёрной пустотой.

— Идём на Станичку, Коля, — стальным голосом приказал Куников, заряжая во второй сигнальный пистолет не предусмотренную первоначальным планом зелёную ракету.

Ночное февральское небо над Маркотхским хребтом загадочно мерцало и тускло переливалось холодной синеватой чернотой. Бледно распустившиеся созвездия висели над лесами, ниспадающими к морю крутыми уступами. Набравшая силу и высоту луна светло заливала недвижный рельеф гор и кипящее беснующимся штормом море.

Командир 394-й батареи капитан Зубков периодически поправляя резкость скользкого, в холодной измороси бинокля, сверлил напряжённым взглядом сквозь узкие прорезы амбразуры бескрайнее пространство

Цемесской бухты. На широком фанерном столе, застеленном крупномасштабной картой Новороссийска и окрестностей, с приглушённым монотонным гудением горели две заправленные бензином артиллерийские гильзы, освещающие с двух сторон запланированный участок высадки. Время начала операции стремительно приближалось. Орудия были заряжены, личный состав в нетерпении ожидал команды.

Наконец в тёмное небо, тонко распуская сумрачный кровавый свет и роняя почти мгновенно гаснущие искры, взмыла красная ракета. Зубкова смутило, что она появилась не в запланированном месте, а намного левее, но списав это на непредвиденную боевую ситуацию, он набрал в лёгкие воздух, чтобы громким баритоном выдохнуть первую команду, однако в ту же секунду окуляры бинокля осветила ещё одна, зелёная, ракета. Косо опускаясь в беспокойное море, яркие огни долго и высоко летели над акваторией, пока не осыпались в чёрную ночную бездну двухцветным дождём. Зубков неподвижно застыл на месте, не понимая, что делать.

— Что за чёрт! — раздражённо выругался он в пустоту, вновь нависшую над бухтой. — Что всё это значит?!

Массивная деревянная дверь в толстой бетонной стене командного пункта с грохотом распахнулась. На пороге, тяжело привалившись к косяку и плотно прижимая ладонь к окровавленному ватнику, стоял, пошатываясь от напряжения и усталости, чёрный силуэт.

— Это значит, стрелять нужно по Станичке, — прохрипел Новицкий. — Приказ Куникова.

— К бою! — тут же проорал Зубков, быстрым движением сдвигая горевшие гильзы на левую часть карты.

Первые орудия содрогнулись от мощных выстрелов, крупной дрожью раскалывая на мелкие части

и стряхивая с длинных стволов налипшую на них корку льда. Резкий блеск широко полыхнувших молний рас­сёк небо. В темноте контрастно прорезались оголённые силуэты деревьев, по которым короткими рывками по­ползли чёрные тени кустов. Ухнули, сдвинув морозный воздух, тяжёлые взрывы. Со звоном и паром из казён­ников вылетели стреляные гильзы. Тошнотворная вонь сгоревшего тола быстро расползлась в стороны. Берег на противоположном конце Цемесской бухты опалил­ся острыми огненными брызгами. Пышные фонтаны жёлто-красного пламени плотными рядами взбились над Станичкой. Плещущее в чёрное небо пламя густо клубилось и высоко поднималось рушащимися крыша­ми и стенами домов, оставляя после себя белёсую муть дымов.

«Хорошо хоть, что Полины там сейчас нет», — подумал Новицкий и бросился обратно вниз по склону, что­бы успеть на «Скумбрию», которую уже совсем скоро, после высадки десанта, Куников должен был вызвать на занятый плацдарм.

— Постой, парень! — окликнул его наводчик, выбе­жавший вперёд с биноклем, чтобы засечь трассы и скор­ректировать огонь. — Ты же ранен! Останься, сделаем перевязку!

Но Андрей не слышал его. Оставляя за спиной рву­щийся из стволов сумасшедший огонь, звонкий грохот гильз, падающих в груды между заледенелых станин, страшные, в копоты глаза наводчиков, он со всех ног бежал к подножию Пеная, чтобы успеть на последний катер, который ещё мог забрать его в родной город.

Выбежав на пустынный покрытый ноздреватым снегом пляж, Андрей слышал стелющийся над водой медленно отдаляющийся тяжёлый прерывистый гул ма­ломощного мотора. На расстоянии нескольких десятков

метров от берега тускло мерцали раскачивающиеся на крутых волнах синие маскировочные огни «Скумбрии».

— Стой! — во всё горло заорал Андрей, ускоряя шаг и размахивая руками. «Не видно, наверное, — сразу по­думал он, — с борта судна». Он сбросил с плеча «Беретту» убитого румына, и взяв на прицел чуть выше рубки, до онемения вдавил палец в спусковой крючок. Непривыч­но узкий деревянный приклад яростно, словно живой, заколотил в ключицу, отдавая болью в простреленном боку. Весь магазин вылетел в ледяную черноту одной непрерывной очередью, и автомат смолк. Огненные нити пуль широким веером разошлись прямо над суд­ном и быстро погасли в сгустившейся тьме. Андрей ещё несколько раз торопливо дёрнул бесполезную гашетку и опять заорал:

— Стой! Приказ командира отряда взять меня на борт!

Еле видимый силуэт катера начал медленно при­ближаться к берегу. Новицкий бросился к нему, не чув­ствуя холода воды, едва не сводившей ноги судорогой.

— Кто такой?! — громко прокричали с быстро над­вигавшегося ему навстречу борта. — Что здесь делаешь?!

— Сержант Новицкий. Передавал указания майора Куникова артиллеристам, — крикнул Андрей, продол­жая проламываться сквозь ледяные волны к катеру. — У меня его письменный приказ — взять меня на борт.

Оказавшись вплотную к катеру, он протянул про­мокший листок свесившемуся через леер краснофлотцу. Ему подали руки и помогли взобраться на палубу. Взяв­ший записку включил фонарь, прочёл приказ и перевёл яркий пучок света на Андрея:

— Ты же ранен, — неуверенно сказал он, рассматри­вая порванный, мокрый, сильно набухший кровью бок ватника.

— Ерунда, — отмахнулся Новицкий.

— Не ерунда, парень, — твёрже добавил из-за его спины другой. — Какой тебе десант? Возвращайся в Геленджик.

— Нет, я пойду с вами, — упёрся Андрей.

— Как ты с нами пойдёшь? — оборвал первый. — Ты же на ногах еле стоишь.

— Забирайте меня с собой, — раздражённо заорал Новицкий, вскидывая к плечу пустой автомат и направляя его на упрямого матроса.

Стоявший рядом краснофлотец легко вырвал оружие из рук, и Андрей беспомощно упал на одно колено.

— Давай быстро на берег и в медсанбат, без глупостей, — громко велел матрос.

— Не уйду, — негнувшись металлическим голосом процедил Новицкий.

— Что здесь происходит? Почему стали? — прогремел из-за спин моряков громкий бас командира катера Ивана Флейшера.

— Солдат в десант рвётся, товарищ старший лейтенант, — доложил матрос, державший в руках записку Куникова, — а сам ранен, еле на ногах стоит.

— У меня письменный приказ командира отряда, — решительно ответил Новицкий. — И в нём нет ни слова, что меня можно не брать, если я ранен.

Флейшер выступил из темноты, взял промокший листок из рук краснофлотца, быстро пробежал его глазами в дрожащем свете фонаря и, аккуратно сложив его во внутренний карман гимнастёрки, приказал:

— Взять на борт и оказать первую помощь. И живее отходим. Шторм усиливается. Ещё немного замешкаемся и вообще не пройдем через бухту.

Поднимая невысокие буруны позади широкой кормы катера, плотно заставленной ящиками с гранатами,

патронами и противотанковыми ружьями, негромко загревели с трудом проворачиваемые маломощной машиной винты. В ноздри потянулся прогорклый запах сгорающей соляры. С трудом пробиваясь сквозь водяные валы, «Скумбрия» начала отходить от берега.

Андрея усадили на палубу и, сняв с него ватник, стали перебинтовывать. В Цемесской бухте к этому времени уже всюду бушевал яростный шторм, достигая семи баллов. Набравший неистовую силу ледяной морской ветер, наполненный мельчайшей водяной пылью, больно сёк глаза, натягивал кожу на лице и пробирал до костей. С отчаянными кренами и дифференцами судно то круто взлетало на гребни бурлящих пеной штормовых волн, то почти отвесно проваливалось, словно в пропасть, между ними. Новицкого, вцепившегося мёртвой хваткой в пропитанный тавосом трос, и пытавшихся сделать ему перевязку матросов швыряло по захлёстываемой свирепыми волнами палубе из стороны в сторону.

За бортом всё вокруг безудержно ревело и клокотало. Над тревожным ночным морем бушевала непроглядная снежная пурга. Февральская — самая злая в здешних краях — борá превратила Цемесскую бухту в бурлящий ледяным кипятком котёл. Валивший с мглистого неба густой снег хорошо скрывал тихходную «Скумбрию» от катеров противника, уже наверняка прочёсывавших акваторию в поисках советских судов, но вынуждал и её саму идти через бухту почти вслепую.

Андрей, завернувшись, наконец, после перевязки в свой промокший ватник, привалился спиной к шатающемуся деревянному ящику и сидел, осыпаемый брызгами высоких вспенённых волн, разбивающихся о борт и хлещущих в лицо плотным, косо секущим дождём.

— Разобрать оружие! — неожиданно разнёсся над палубой отчаянный крик Флейшера. — К бою!

Матросы быстро забежали, распахивая оружейные ящики и, выхватывая из них ППШ. На середину палубы швырнули открытый короб с гранатами. Схватив автомат и несколько магазинов, Новицкий залёг на правом борту и увидел, что их судно на полном ходу движется прямо на линию хорошо заметных ползущих слева направо огней. Это была кильватерная колонна немецких торпедных катеров, и командир «Скумбрии», судя по всему, решил не поворачивать обратно, а с боем прорваться сквозь неё посередине, чтобы успеть доставить высадившемуся под Станичкой и уже вступившему в первые бои отряду Куникова жизненно необходимые ему вооружение и боеприпасы. Обогнуть строй быстроходных кораблей противника, уже заметивших «Скумбрию», было невозможно.

Неправдоподобно плотная, как перед смертельной бурей, темнота взорвалась сотнями оранжевых вспышек с обеих сторон. На всех катерах разом беспорядочно задрожали всплески автоматов. Торопливо смешиваясь, извиваясь в небе и над водой, вперекрёст запульсировали длинные струи трасс, замелькали, вонзаясь в воду, тяжёлые пулемётные очереди.

Пытаясь как можно глубже вжаться в вибрирующую под ним металлическую палубу, Андрей, едва успевая менять магазины, без остановки поливал свинцом стремительно наплывавший немецкий катер. Стаи пуль, будто обгоняя друг друга, дробно колотили по бортам, палубам и рубкам. Острые удары гулко отдавались в замёрзшем металле.

Выбрасывая из волн высоко поднимающиеся вспененные столбы и хлётко шлёпая осколками по воде, сочно, с оглушительным треском лопались гранаты,

напористый норд-ост швырял в лица едкий запах тротила. Чем ближе «Скумбрия» приближалась к немецкой колонне, тем сильнее пенилась вокруг неё вода.

Выбрав момент, Новицкий тоже метнул несколько гранат. Одна разорвалась точно под бортом немецкого катера. Как живые, задрожали упруго вогнутые и вывернутые наизнанку несколько листов чёрной стали с нарисованным на них белым крестом, и отколотый взрывом кусок бортовой обшивки волной сорвало в море. На катере начался пожар, и он, заволакиваясь дымом, стал тонуть.

Насколько позволяли её слабые мощности, «Скумбрия» на полном ходу врезалась между этим и соседним катерами и, раздвинув их, протиснулась через колонну. С обеих сторон почти в упор ударили автоматы и пулемёты. Близкий треск десятков стволов выбивал барабанные перепонки. Всё происходило так близко, что Андрею казалось, будто каждая взвизгнувшая пуля летит в него.

Морская вода набухала вокруг тяжёлыми вспененными разрывами. Жарко и колюче ударило в щеку, но Новицкий, не обращая внимания на текущую кровь, продолжал яростно отстреливаться широкими длинными очередями, быстро опустошая один автомат за другим.

Расстояние от фашистских катеров начало быстро увеличиваться. Взорвались два из них, между которыми прорвалась «Скумбрия», и теперь высоко полыхали, размашисто качаясь на крутых волнах. В ало-оранжевом зареве как будто горела сама вода, среди обломков плавали и кричали от ран и обжигающего холода сброшенные за борт люди.

Белёсые буруны, стихающие за кормами немецких судов, свидетельствовали, что фрицы не намерены

преследовать густо изрешечённый тральщик и остаются на месте поднимать из воды своих.

Прорвавшейся сквозь колонну «Скумбрии» удалось не только остаться на плаву, но и, выжав последние ресурсы из единственного уцелевшего, еле работавшего мотора, потеряться в ночном штормовом море. Несмотря на пронизывающий норд-ост, терпкая горьковатая вонь недавнего боя прочно висела над разорванной в нескольких местах палубой, заваленной мёртвыми телами, среди катающихся в лужах крови гильз. Все, оставшиеся в живых, включая контуженного близким разрывом командира Флейшера, были тяжело ранены. «Скумбрия» продолжала, хоть и с очень большим трудом, идти вперёд сквозь бушующие косматые волны.

От Станички катер всё ещё отделяло внушительное расстояние, однако ориентир уже был хорошо виден даже невооружённым глазом. Казалось, крошечный клочок земли на западном берегу Цемесской бухты багрово плавился в высоких всплесках пунцового пламени и почти жидкой огненной массой стекал в ночное море. По чёрному небу, яростно брызжа ослепляющими рдяными хвостами, часто проносились снаряды — Зубков со свойственной ему ювелирной точностью продолжал долбить по Станичке через всю бухту, аккуратно отодвигая широкую стену огня вглубь территории.

Ревущий норд-ост ошпаривал морским холодом, вдавливая в уши отголоски гремющей пальбы боя, завязавшегося под Станичкой. Хлестало сметаемой с раскученной рубки ледяной крошкой, которая, как битое стекло, колола лицо.

Тревожно прислушиваясь к артиллерийскому грохоту, заглушающему несмолкаемый шум плещущей в борта воды, Новицкий лежал на палубе с распоротой осколком щекой и сильно ноющей раной в руке. Ватник был часто

посечён осколками, на нём чернели рваные пятна. Бинт, второпях наложенный на рану в боку, буро намок и отяжелело обвис. Скалясь зубами, впившимися деревянную рукоять чей-то финки, Андрей мертвенно-синими, замёрзшими пальцами пытался перетянуть бинтом простреленное навывлет предплечье, но дрожавшие от напряжения, перепачканные в крови руки не слушались его.

Напористый ветер тонкими острыми струями свистел в отверстиях изрешечённой осколками и пулями рубки. Посреди неё, из последних сил упираясь ногами в дрожавшую, опасно шатающуюся под ним палубу, стоял у штурвала командир катера Флейшер. В уголках крепко сжатых губ и на мочках ушей толстой коркой запеклась кровь. Он был сильно контужен, но знал, что прежде чем провалиться в беспамятство, должен доставить груз с оружием отряду Куникова, и, похоже, только эта мысль удерживала его сейчас на негнувшихся, с трудом держащих его ногах.

Когда «Скумбрия» миновала середину залива и до берега, казалось, осталось уже совсем немного, по левому борту появилось несколько быстро приближающихся огней. Флейшер заглушил машину в попытке переждать, пока неприятельские суда пройдут мимо, но немецкая колонна уже заметила советский тральщик и двинулась прямо по направлению к нему.

Не дожидаясь команды, матросы начали разбирать оружие и готовиться к последнему для них сражению. Новицкий лёг за пустым деревянным ящиком из-под гранат с пулемётом ДП и взял на прицел медленно пробивающийся сквозь шторм и метель первый катер колонны. Каждому было понятно, что предстоящего сражения «Скумбрии» уже не пережить, и единственная цель этого боя — прежде чем погибнуть, успеть утопить ещё хотя бы один вражеский корабль.

В ту секунду, когда Андрей уже был готов до упора вдавить натянутую онемевшим пальцем гашетку, с головного немецкого катера вдруг засигналили фонарем: тире — точка — тире.

— Не стрелять! — громким шёпотом скомандовал вышедший на палубу Флейшер. — Убрать оружие.

Опытное чутьё бывалого моряка не подвело его. «Если немцы вместо того, чтобы сразу открыть огонь, передают запросы, значит ожидают встретить на этом направлении кого-то, кто может им ответить», — рассудил командир.

— Быстро передавай то же самое направо, — приказал он сигнальщику.

Едва матрос скопировал немецкий код, справа, с борта другого невидимого сквозь непогоду судна, тотчас отозвались: точка — тире — тире. Сигнальщик тут же повторил его ответ на левый борт, и немецкая колонна, круто изменив курс, начала уходить в сторону. Понимая, что ему теперь нужно держаться подальше от обеих групп немецких катеров, прочёсывавших бухту в поисках советских конвоев, Флейшер дал самый полный вперёд и, срезая галсами, начал уходить к Станичке.

Обросшая до верхушек мачт ледяным панцирем и осевшая кормой в воду почти по самые леера «Скумбрия» не доползла до берега нескольких десятков метров и мёртво легла на дно с разгромленной чёрной от копоти рубкой, с обгорелыми, густо посечёнными бортами, с расколотым гребным валом и с многочисленными пробойнами, заткнутыми даже телами погибших.

Новицкий в числе немногих уцелевших спрыгнул в обжигающе холодную воду и, сбиваемый с ног высокими волнами, побрёл к берегу.

Отряду к этому времени уже удалось перенести бой в глубину суши. Первым же броском куниковцы

захватили девять орудий противника, заняли несколько кварталов в южной части Станички и береговую полосу вдоль разрушенного железнодорожного полотна. Вокруг плацдарма в кромешной темноте гремел беспощадный и яростный — до мелочей отработанный десантниками, и потому страшный для врага — ночной бой.

На обледелом галечном пляже матросов уже встречал сам майор с группой солдат. Разбившись на две части, они начали разгружать оружие и боеприпасы с утонувшей «Скумбрии». Пока одни, раздевшись догола, вытаскивали из катера тяжёлые ящики, другие, завернувшись в ватники, грелись на берегу. Куников лично засекал время, чтобы люди не находились в ледяной воде дольше пяти минут.

XXI

Жёсткий норд-ост мощно гудел над головами и разносил над kloкочущей штормом Цемесской бухтой канонаду яростного боя. Выбежав на охваченный пожарами берег, Новицкий сразу бросился на передний край. Впереди всё пульсировало тёмно-красными вспышками. Пламя полыхающих домов густо мешалось с тяжёлыми жирными дымами. Снежная крошка сыпалась на шапку-ушанку. Усиливающийся ветер насквозь продувал разорванный в нескольких местах ватник. Влажное от пота, мокрого снега и морской воды тело быстро теряло тепло под слипшимся от крови бельём. От пронизывающего холода начинало сводить челюсти.

Косые тени сгорбленных фигур заячьими скачками перемещались вокруг него среди частых всплесков мин и снарядов. Лица бойцов, красные от напряжения и нахлётанные ветром, высвечивались в отблесках трассирующих очередей жуткими гримасами.

К трём часам ночи бой прекратился. Расчёт Куникова на внезапность оправдался. Слабость противовесантной обороны фашистов в районе Станички позволила советским бойцам с ходу разгромить брошенные туда немецкие и румынские отряды и захватить небольшой плацдарм. Однако майор прекрасно понимал ненадежность первого успеха, поэтому, не дав людям ни секунды отдыха, приказал окапываться. Многократное превосходство противника в живой силе и технике делало обстановку, в которой оказался отряд, весьма тяжёлой, а бушевавший за спинами шторм отрезал всякую надежду на подкрепление: море стало несудоходным.

— Продовольствия и патронов мало, — сказал Цезарь Котанову, пока они наскоро размещали штаб в наиболее уцелевшем после первого боя доме, — но это полбеды. Десант у Южной Озерейки, судя по всему, полностью разгромлен. Значит, примерно через сутки — думаю, раньше немцы вряд ли перебросят оттуда войска — все освободившиеся силы навалятся на нас, и мы уже не сможем их сдержать. Но если бригада Потапова успеет высадиться на плацдарм и закрепиться здесь, тогда, возможно, фрицам не удастся сбросить нас в море. Поэтому наша единственная задача сейчас — продержаться хотя бы сутки и удержать эту землю любой ценой.

— Лишь бы перестало штормить и Потапов смог сюда дойти, — хмуро отвечал Котанов, вынимая из чехла радиопередатчик. — Иначе грош цена нашему героизму.

— Перестанет, никуда не денется, — успокоил Цезарь, доставая грязными пальцами ручку и блокнот из планшета. — Так сильно штормить долго не может... А пока передай Холостякову вот это, — он протянул начальнику штаба листок, только что исписанный его аккуратным убористым почерком.

— Какой смысл? — недоверчиво спросил Фёдор, не глядя на записку. — Буров, надо полагать, сдал нас не только с потрохами, но и с радиошифрами.

— Передавай! — твёрдо повторил Куников.

Котанов взял листок, бегом пробежал его взглядом и медленно поднял на Цезаря недоверчивый взгляд.

— Так и радировать? — спросил он.

— Именно так. Слово в слово, — ответил Куников и вышел на улицу проверить, как окапывается отряд.

Станичка угрюмо темнела под крупными зимними звёздами. Снежная позёмка густым дымом стелилась по земле в крепких порывах усиливающегося норд-оста. Белые шлейфы широкими жгутами скользили между

домов и плотно обвивали заиндевевшие впаянные в лёд редкие деревья. Ночь была заполнена дробным стуком металла о мёрзлую землю и сыпучим шорохом отбрасываемых комьев. Низовой ветер доносил отовсюду тупые удары и скрежет сапёрных лопат по звонкой каменистой поверхности. Вгрызаться в твёрдый, как железо, грунт было неимоверно сложно. Лопаты не брали прокалённую влажными приморскими холодами почву, а лишь глухо клевали её, брызгая в стороны крепкими, как кремнь, осколками. С огромным трудом кроша неподатливый грунт, сверкающий в свете яркой луны сталью, бойцы медленно углублялись в землю и выкладывали перед собой низкие брустверы из отколотых комьев.

Андрей, преодолевая боль, с размаху рубил жёсткую оледеневшую почву острым ребром сапёрной лопаты. Каждый удар отдавался в висках больными толчками крови. По телу шершавыми змейками полз озноб. Ныли мускулы плеч и рук, ломило шею, горели мозоли на ладонях, ознобным покалыванием по спине пробегали мурашки. Его не оставляло тягучее чувство голода, неутолимо хотелось пить. Он сгрёб дрожащей ладонью пригоршню колкого, как битое стекло, снега, разгрыз его и начал глотать острые быстро тающие в горле куски. Холодная влага леденила рот, на зубах скрипел песок. Высосав из перемешанного с землёй снега последние капли, Новицкий выплюнул оставшуюся во рту грязь и продолжил копать.

Ближе к рассвету в прояснившемся небе отчётливо задрожал и начал стремительно нарастать надвигающийся со всех сторон утробный, тяжело вибрирующий гул. Андрей почувствовал, как затряслось под ним, словно живое, холодное тело земли. Гремящие издали раскаты густо заполонили небо. На сером метельном фоне начал

отчётливо проступить ровный косяк тяжело нагруженных «юнкеров». Мощный рёв их моторов стремительно расплзался по окрестностям и отчаянно колотился в ушах, подавляя все другие звуки. Тонкими красными и синими полосами по периметру крошечного плацдарма поднялись ракеты — немцы спокойно, как будто никого не боясь, уточняли световыми сигналами район предстоящей бомбёжки, и Андрей, судорожно оглядевшись по сторонам, только сейчас понял, насколько мал и беззащитен этот крошечный клочок земли, на который им удалось выбраться.

Искристые струны тем временем всё туже стягивали петлю вокруг Станички. Огненная паутина зигзагами оплетала плацдарм, сворачиваясь вокруг него смертельным кольцом, словно давая понять, что обратной дороги отсюда нет.

Первый «юнкер», как будто споткнувшись в воздухе, опрокинул вниз чёрный хищный нос и, яростно сверкнув огромными белыми крестами на крыльях и фюзеляже, стал отвесно падать вниз. Из железного брюха вывалились несколько чёрных бомб и неумолимо понеслись вниз, стремительно увеличиваясь в размерах и грузно покачивая боками. В ту же секунду тонны смертоносного металла начали падать на плацдарм из других самолётов.

— Ложи-ись! — призывно разнёсся над берегом густой баритон Куникова.

Новицкий отбросил сапёрную лопату и свалился лицом вниз в крошечный неглубокий ровик, который ему удалось выдолбить. В тот же момент его сильно ударило жаром сверху и накрыло ураганом. Недорытый окоп как будто трянуло, подбросило и сдвинуло в сторону. В нос и горло поползли удушливые струи химического толового смрада, словно невидимая рука

с размаху швырнула в лицо густо клубящуюся наволочь чёрного дыма. На зубах закрипела земля. Воздух мгновенно забило душным густым туманом, из-под которого уже не было видно неба. Андрей лишь чувствовал, как оно кипело и наливалось грохотом. Сотни осколков с мерзкой разнотонной визготнёй пропарывали туго натянувшийся горячий воздух, каждый удар которого рвал барабанные перепонки. Перемешанная со снегом земля обрушивалась сверху тяжёлыми пластами, больно била по телу.

Новицкий вжался в недорытый окоп, боясь пошевелиться, изо всех сил цепляясь за последнюю нить сознания, удерживающую разум над пропастью безрассудного страха. Титаническим усилием он оторвался от казавшейся последним спасением ледяной земли и осторожно поднял глаза. Развёрсто и чёрно дымились свежие воронки. Яростно слепя зазубренным пламенем пулемётов, крестообразные силуэты бесконечно ползли по небу над высоко встающими разрывами. Туго скрученные толстые пучки трасс хлестали берег. Пули, звеня и жадно чавкая, жёстко раскалывали камни и с шипением впивались в мерзлотную землю.

В оглушительный гром взрывов и зычное урчание самолётов врзался надрывный крик: «Танки!»

«Юнкерсы», отбомбив заданный участок, начали один за другим разворачиваться над морем и уходить обратно, разбрасывая в уставшем небе быстро затухающие булькающие звуки. А со стороны крутого ската Навагирского хребта, обёрнутого вдалеке дымной сизой пеленой, зашевелилась и хищно поползла к морю ровная линия серых квадратов. Слитая в сплошную пепельную тень полоса машин катилась прямо на них с глухим дрожащим рокотом. Синхронная вибрация множества

моторов гулко отдавалась в развороченной авиабомбами земле зловещей дрожью.

— Гранаты к бою! — гремящим баритоном проорал Куников. — К орудиям! Бронебойные!

Среди воронок зашевелились окровавленные, перемазанные землёй головы. Несколько солдат, спотыкаясь о тела убитых, побежали к четырём из девяти уцелевших немецких орудий, захваченных во время ночной высадки, и принялись вставлять панорамы в гнёзда. Другие тащили ящики со снарядами к раздвинутому станинам.

Андрей перебежал из недорытого окопа в глубокую бомбовую воронку. Немецкие танки уверенно неслись вперёд, тяжело покачиваясь на бугристой земле и стальным вспенённым облаком закручивая вокруг гусениц лохматые вихри снега и грязи. Новицкий сдёргнул с пояса гранату и вырвал зубами кольцо.

— Не торопиться! — услышал он по-прежнему твёрдый уверенный голос Куникова. — Ждать! Не тратить снаряды впустую!

Танки начали быстрым хорошо заученным манёвром перестраиваться для последнего броска, таранно вытягивая вперёд тупое проламывающее острие складывавшегося на ходу треугольника. Железный лязг и скрежет нарастали с каждой секундой. Андрей уже мог видеть искры из выхлопных труб и пятна снега на дробно покачивающейся броне. Каждый его мускул напрягся до окаменения. Суженные под секущим норд-остом глаза упёрлись в быстро надвигающиеся машины.

— Ого-о-онь! — наконец скомандовал Куников.

Резким грохотом ударили трофейные орудия. Тотчас же рассветный полумрак раскололся безудержным эхом ответных танковых выстрелов. Строй серых силуэтов, напористо слепящих мощными фарами, в долю секунды окутался кипящими огненными отблесками.

Разрывы снарядов, глуша уши жаркой болью, запрыгали вперёд ярко-красными скачками. Казалось, то здесь, то там берег внезапно вскипал огненными валами, словно адское пламя вдруг начинало вырываться из-под пробитой насквозь земли.

Подпустив один из танков на расстояние уверенного броска, Андрей швырнул под гусеницу гранату. Рывок огня вышиб из неё несколько траков, которые, отлетев в сторону, звонко загудели о корпус соседнего танка. Подорванную машину повело в сторону, она забуксовала, беспомощно осела на бок и загорелась от прямого попадания другого снаряда, вздрагивая, словно раненое животное, и предсмертно воя от жалившего его изнутри огня. Из быстро распахнувшегося люка выскочили три танкиста. Андрей тут же срезал двух из них одной очередью и после короткой паузы с внезапно охватившим его мстительным восторгом прострелил голову последнему. Тело коряво сползло по заснеженной броне, жирно перечеркнув кровью огромный белый крест, и рухнуло под круто задравшиеся вверх и бесполезно крутящиеся на весу колеса.

Нескончаемый поток танков, часто мерцая острыми вспышками тяжёлых выстрелов, не прерываясь ни на минуту, волна за волной накатывался на плацдарм из глубины немецкой обороны. В орудийный грохот деревянным хрустом вонзались сухие щелчки противотанковых ружей. Несколько машин, как будто с ходу натолкнувшись на невидимую стену, остановились и, мощно тараня друг друга гремящим металлом, начали ввинчиваться в землю, распуская по земле плоские ленты перебитых гусениц.

В угарно стелющейся по берегу жёсткой пороховой мути, под взрывами, окатывающими мелко раздробленными комьями земли и забивающим глаза мокрым

песком, Новицкий почти утратил чувство реальности. Краем глаза он замечал густо измазанные копотью, аспидно-чёрные, окровавленные лица отчаянно дерущихся друзей, но уже не мог сказать, сколько времени прошло с начала первого удара, и сколько ещё он выдержит в этом сумасшедшем ритме неравного боя.

Несколько десятков танков уже горели на подступах к маленькому плацдарму, полощущийся по ветру огонь жадно облизывал их. От быстро обугливающих машин густо валил жирный чёрный дым. Внутри некоторых толчками рвались неиспользованные снаряды, заставляя безжизненно замершие башни и гусеницы крупно вздрагивать. Из-под трескучего пламени, смешиваясь с запахом горящего масла и соляры, вырывалась смердящая вонь обугленного человеческого мяса.

Через несколько часов стало понятно, что танковая атака ослабла. Уцелевшие машины бесцельно кружили вокруг десантников, не решаясь ещё на попытку. Каждый метр земли был плотно измят гусеницами, изрыт и искромсан пулями и снарядами. Продавленные в земле широкие следы густо заплыли мокрым снегом, грязью и кровью. Вокруг подбитых машин в нелепых позах бугрились трупы немецких танкистов в чёрных комбинезонах. В глубине их глаз, широко раскрытых в последнем ужасе, стеклянно горели отблески незаконченного боя — вслед за танками начала прибывать немецкая пехота в бронетранспортерах. Рывкнула и загремела гитлеровская артиллерия. Небо вновь запыхало трассами и косматыми искрами ракет. Гулкие раскаты гудели в такт штормовой погоде, обрушивавшей на берег ревущие волны прибоя. Огневые буруны вновь накрыли плацдарм.

С противоположной стороны бухты отчаянно утюжил Станичку громяющим катком артиллерийского огня Зубков.

Взбѣшенно протыкая утреннюю зарю вспышками выстрелов, на куниковцев двинулись длинные пехотные цепи. Порывы ветра разносили отчаянную стукотню тысяч пулемѣтов и автоматов. В воздухе звонко лопались бризантные снаряды. Горький запах окалины и пороха забивал ноздри. Шершавый холод, словно наждаком, драл одеревеневшие лица. Коченеющие пальцы обжигались на толстых раскалённых стволах ППШ. Сердца захлёбывались, неровно стуча сдвоенными ударами. Не надолго замершая после отбитой танковой атаки земля вновь превратилась в кипящее месиво.

Многочисленные немецкие отряды, поддерживаемые уцелевшими бронемашинами, неумолимо шли вперѣд. Земля с грохотом разверзалась свежими воронками. Взламывая непрерывный гром боя, остро хлопали противотанковые орудия, всаживая в тупые лбы фашистских машин один бронебойный за другим. Тяжёлые гаубичные разрывы, фосфорические росчерки реактивных снарядов, одиночные выстрелы и протяжные пулемѣтные очереди — всё густо переплеталось в пульсирующих клубах огня и дыма. Широкие косяки полыхавших над посѣлком пожаров перекрещивались над крышами домов, и дробно звенели высаживаемые взрывами стѣкла.

В кабинете генерал-лейтенанта Руоффа царило оживление. Срочно вызванные на оперативное совѣщание генералы и офицеры переговаривались между собой возбуждённым шѣпотом. С одной стороны, они радовались успеху под Южной Озерейкой, с другой — недоумевали, как советскому отряду удалось закрепиться под Станичкой.

Сам командующий армией стоял возле стола, склонившись над широкой картой Новороссийска и окрестностей.

— Как мы видим, никакого отвлекающего удара по центру города, о котором предупреждал наш осведомитель в НКВД, не было, — громким нетерпеливым голосом говорил он. — Теоретически это можно объяснить тем, что наша авиация и артиллерия начала уничтожение сил основного десанта в море раньше, чем вспомогательная группа советских войск подошла к бухте. Допустим, что увидев или получив сообщение о гибели головных сил, они приняли решение не высаживаться, поскольку это потеряло смысл. Но кто мне объяснит эту странную высадку в Станичке? Буров о ней не сообщал. Местность для десантирования сложная. Если не знать о критической слабости нашей обороны именно в этом месте, никому не пришло бы в голову атаковать там. В наличие русских шпионов среди нас я не верю. Для случайного совпадения, по-моему, чересчур. У кого-нибудь есть версии, что происходит?

Стоявший на противоположном конце стола худой и высокий, с жѣлтым, как шафран, лицом генерал-майор Гельмут Ветцель слегка наклонился вперѣд и, опершись костяшками пальцев в карту, негромко заговорил:

— При всѣм уважении, господин генерал-лейтенант, хорошо ли вы знаете этого своего Букова, что так доверяете его информации? — на его бледных губах задрожала улыбка, и глаза загорелись блеском. — Не в моих правилах лезть в чужие дела, но до всех нас дошли слухи, как минувшей осенью русский лазутчик выкрал секретную карту прямо из-под носа гестапо. О нём вас тоже предупреждал Буров? Сильно вам это помогло?

— Что вы имеете в виду? — пристально глядя на него, спросил Руофф.

— То, что Буров, судя по всему, снабдил советского разведчика намного более полезной информацией, чем нас, — мелко двигая длинным тонким носом, ответил

Ветцель. — Не имеем ли мы и сейчас дело с похожей хитростью? Доверившись Бурову, мы вывели из города, перетащили через горы и перебросили под Южную Озерейку достаточно крупные силы. В бой они там ни с кем не вступили, потому что основной десант был якобы разгромлен ещё в море. А кто-нибудь из нас видел этот десант? Да, мы знаем, что расстреляли какую-то группу кораблей. Но кто подтвердит, что там действительно были крупные советские силы? Кто поручится, что вместо настоящих танков и орудий мы не утопили сотню макетов?

— Вы хотите сказать, что Буров обманул нас? Зачем? — задумчиво проговорил Руофф.

— Затем, чтобы мы не успели перебросить эти силы обратно в Новороссийск, когда русские высадятся в Станичке, — твёрдо ответил генерал-майор. — Я совершенно убеждён, что основной десант высажен именно там, и нам не стоит недооценивать его возможностей.

В кабинете повисла долгая напряжённая пауза, которую осторожно нарушил оберст Шэффер.

— Позвольте мне высказать свое соображение, — неуверенно начал он. — Вчера вечером по приказу господина Руоффа я встречался с Буровым в горах. Он производил впечатление человека, всецело заинтересованного в сотрудничестве с нами и очень рассчитывающего на нашу победу. Поэтому я категорически не могу принять утверждение, что он сознательно предал нас. Скорее всего имело место обычное для любой сложной боевой ситуации непредвиденное стечение обстоятельств. Скажем, после разгрома основного десанта отвлекающий отряд, возможно, решил зачем-то выброситься на берег в Станичке, а не в центре города...

— Если верить Бурову, в нём должно было быть не больше трёхсот человек, господин оберст, — тут же

огрызнулся Ветцель. — Такие силы русских уничтожаются силами одной нашей дивизии за четверть часа. А этот десант дерётся против нашей 26-й пехотной дивизии, поддерживаемой танками и авиацией, уже дольше шести часов. Значит, у них там явно более крупные силы.

— Похоже, вы совершенно не учитываете такие понятия, как стойкость и героизм, — возразил Шэффер. — Особенно, когда речь идёт о загнанных в угол людях.

— Стойкость и героизм — не более чем предельные значения статистически допустимых величин, — высокомерно заявил Ветцель. — Поэтому я не вижу смысла учитывать то, что противоречит здравому смыслу.

— Хорошо! — вмешался, наконец, Руофф. — Я принял ваши оценки. Какие будут предложения?

— Продолжать давить до конца, — быстро ответил Шэффер. — Мы должны очистить плацдарм, пока русские не перебросили на него дополнительные подразделения. Уверен, что основные силы отряда Куникова уже уничтожены, и нам теперь нужно лишь добить его остатки.

— Полностью не согласен, — сразу же возразил Ветцель. — У меня нет никаких сомнений, что все запланированные к высадке подразделения уже там, поэтому мы лишь зря губим сейчас своих солдат и технику. Нужно отвести войска и дожидаться возвращения основных сил из Южной Озерейки. Тогда можно будет наверняка разгромить русских под Станичкой и намного меньшей кровью.

Руофф застыл над столом, не отводя глаз от тесного переплетения красных и синих стрелок на хорошо освещённой карте. «Продолжать или отвести?», — никак не мог решить он.

Дверь в кабинет отворилась. Вошедший офицер вручил генерал-лейтенанту чёрную картонную папку.

— Перехваченная радиограмма русских из района Станички, — пояснил он. — Единственная с момента высадки.

Руофф нетерпеливо распахнул папку и прочитал: «Полк высадился успешно. Действую по плану. О необходимости отправки последующих эшелонов доложу отдельно. Куников».

— Отвести войска и срочно начать переброску сил из Южной Озерейки к Станичке, — уверенно приказал он, поднимая глаза на собравшихся. — Совещание окончено. Все свободны.

Проводив подчинённых, Руофф сел к письменному столу, чтобы написать донесение фюреру о том, что ударная группировка вверенных ему войск вынуждена прекратить наступление по Сухумскому шоссе и временно перейти к обороне до ликвидации образовавшегося на западном берегу Цемесской бухты советского плацдарма.

Тяжело вздыхая и подолгу раздумывая над каждой фразой, он писал это послание не собственной кровью, как предыдущее, а простыми канцелярскими чернилами, пачкая дрожащие от досады пальцы.

XXII

Холодное зимнее солнце быстро клонилось к западному горизонту, а над Станичкой продолжал немолчно греметь яростный бой. Десантникам удалось занять половину посёлка, другая по-прежнему оставалась у немцев, их разделяла линия высоких пожарищ.

Низкое предвечернее небо расцвечивалось десятками огненных хвостов. Снаряды рвались с тяжким звоном, засыпая мелкие окопчики и воронки, служившие десантникам единственным укрытием на крошечном участке берега, многократно перепаханном свинцом и лихорадочно дрожавшем от не прекращающихся обстрелов. С утробным скрипучим грохотом били немецкие шестиствольные миномёты. Сквозь сплошной гул взрывов пробивался отчётливый стук крупнокалиберных пулемётов. Трассирующие пули широкими веерами хлестали по земле и, вспыхивая синим, с гулом и чавканьем вонзались в разъезженную гусеницами грязь. Горячий пепел медленно опадал в нагретом воздухе.

Куниковский отряд несмотря на огромные потери продолжал упорно сопротивляться неослабевающему натиску со всех сторон. Частые разрывы немецких мин ровными квадратами методично ложились на Станичку, грубо вздёргивая землю. Сильно поредевшие ряды советских солдат в грязных окровавленных ватниках с уже плохо различимыми белыми повязками на руках, пригибая головы от визжащих осколков, металась среди разрывов.

По всему берегу скакали мутно-красные вспышки. Земля под ногами катилась и ныряла, падала вниз и взлетала вверх. Пулемётные очереди и трескуче щёлкающие

разрывные пули вышибали из вмёрзших в лёд трупов обескровленные куски. Из-за навала мёртвых тел отстреливались живые — в чьей-то вытянутой руке быстро вздрагивал немецкий «люгер».

Снаряды месили мёрзлый грунт, осыпая ледяные крошки с края воронки, из которой, быстро меняя магазины в трофейных автоматах, отстреливался Новицкий. В землю, словно пытаясь расшатать её, гулко ударили и разорвались с оглушительным грохотом два дальнобойных снаряда. Лавина земли поднялась в небо и, развалившись на чёрные пряди, обрушилась на Андрея. По плечам и голове зашлёпали холодные комья.

Он выскочил из воронки и бросился в сторону почти сгоревшего немецкого танка, чтобы прикрыться им. Сбоку с опадающим грохотом разорвался снаряд, рассыпались автоматные очереди. Переждав, пока белые трассы с коротким визгом хлестнут над головой и точно срезав нескольких фашистов ответными выстрелами, Андрей рванул сквозь спутанно перекрещенные трассы и злобный посвист пуль, обдававших его порывами рассечённого воздуха. Густо встававшие вокруг огненные фонтаны мелко шибали землёй и снегом в меловое обескровленное лицо. Когда он уже почти добежал до обугленной машины, прямо перед ним гулко лопнул танковый снаряд. Обвальным взрыв, подсвеченный огнём, сильно потряхнул землю. Вокруг него надсадно перекатилось эхо, заныли осколки. На мгновение его оглушило покрывшим всё грохотом, швырнуло на землю, горло и грудь удушающе забило гарью и толом. Красные брызги вперемешку с чьими-то ошметками плеснули в лицо. Когда дым опал, Новицкий поднял голову и сквозь ссыпающуюся с шапки-ушанки землю увидел, что прямо перед ним на грязном, залитом кровью дне воронки корчится и стонет морпех

без обеих ног. Из его рта, пузырясь и клокоча, толчками вырывались потоки крови. А прямо на них, выбрасывая из выхлопных труб снопы искр и скрежеща траками по развороченной бомбами, усыпанной стреляными гильзами земле, ползли танки. Прячась за бронёй, уверенными перебежками приближались немецкие солдаты.

Новицкий скатился в воронку, быстрым движением сорвал с шеи умирающего автомат и длинной очередью пропорол плотные цепи наступающих фашистов.

Тотчас воздух трубными перекатами грома тяжело проломили ответные танковые выстрелы, отдавшиеся гулким эхом над заваленной трупами обожжённой землёй. Синие искры разрывных сверкнули в грязном снегу.

Лёжа на краю воронки, Андрей отстреливался до последнего патрона, но силы были слишком неравны. Железные траки гусениц, сминая навалы тел и земли, быстро подползали к нему. Перед тем как отступить, Новицкий, елозя промокшим от крови и пота ватником по мёрзлому грунту, повернулся к раненому. Тот неподвижно лежал в бурой жиже, виском вмяв в грязь насквозь простреленную в нескольких местах шапку-ушанку. Оставив умершего, Новицкий выбросил из воронки несколько гранат и скрывааемый их разрывами переметнулся в другое укрытие. Вся земля вокруг сколько хватало глаз была сплошь покрыта воронками и развалена гусеницами. Повсюду торчали разбитые пулемёты и автоматы, белели обломки расщеплённых взрывами деревянных прикладов. На заметаемых снегом трупах трепались под ветром разбухшие от влаги и крови серо-зелёные шинели. Между догорающих машин огненными лужами полыхал бензин. Пламя жадно облизывало обугленные остовы и развороченную броню танков

и бронетранспортеров. Напористый ветер разносил высокие снопы искр. Угарно и приторно несло тесно переплетавшимися запахами раскалённого железа, жжёной резины и сторевшего человеческого мяса. В воздухе со свистом разлетались куски рваного металла. Под взрывами и пулёмётными очередями безучастно вздрагивали и шевелились тела убитых.

Силы куниковского отряда стремительно таяли.

В очередной раз развёрнутым строем по перемешанному с грязью снегу поползли танки. Прикрываемые ими, стреляя от бедра, шли коваными сапогами по мёрзлой земле немецкие автоматчики.

Их вновь встретила кинжальным огнём яростная трескотня ППШ.

Глухо захлопали противотанковые гранаты. Разбрасывая искры, замерли и задымились загоревшиеся танки.

Немцы ответили бешеным обстрелом. Как тараканы из горящих щелей, со всех сторон на Станичку в бесчисленный раз полезла гитлеровская пехота.

В прорезь прицела противотанкового ружья за фрицами пристально следил оставшийся последним на своём рубеже Эндель Мэри. Мороз тысячами игл колот туго натянутую свирепым норд-остом кожу. Сдавленное дыхание вырывалось изо рта белым парком. На искромсанной бомбами и снарядами земле высоко пылали красные огни, затягиваемые косыми траурными шлейфами дыма.

Землю сотряс ломающийся грохот танковых снарядов. Всполохи огня закрутились огненными спиралями. Голова налилась чугуном звонком. Раздробленная земля обрушилась и заколотила по телу. На лицо мелкими сгустками налипла горячая грязь.

Мэри всадил несколько бронебойных в ближайший танк. Тот загорелся и, обволакиваясь на ходу розовеющим дымом, с размаху врезался гусеницами в бок недавно подбитого бронетранспортера. Барабанной дробью загудел и тонко заскрежетал под многотонной тяжестью догорающий остов. Мазутный дым длинными извивающимися кольцами потёк на снег, по броне широко замотался высокий огонь. Сладко и приторно потянуло тошнотворной вонью жжёного мяса.

Несколько упавших рядом с Энделем гранат разорвались клочковатыми облачками. Сорванная с головы шапка упала за спину. Отброшенный взрывной волной автомат отлетел в сторону. Подняв голову, Мэри неправдоподобно близко перед собой увидел очередной надвигавшийся прямо на него танк. Грязные окоченевшие пальцы крепко вцепились в ручки гранат. Эндель выдернул кольца зубами и, высунувшись из укрытия, рассчитанным движением метнул одну из них.

Немецкий стрелок, приподнявшийся над бронёй, успел нажать на спуск танкового пулемёта. Яростно сверкнуло пламя. Расчётливым движением Эндель бросил в танк вторую гранату и упал на дно окопа, отброшенный горячим жёстким ударом в грудь.

Из широко распахнувшегося рта хлынула кровь. Громко сопя пробитыми насквозь лёгкими, Мэри загребал руками воздух на заваленном гильзами полу окопа. На восковых губах лопающимися пузырями закипала и пузырилась красная пена. Перед помутившимся взглядом поползли широкие багровые волны, и оглушающая канонада боя начала медленно потухать в глухой пустоте. Он ещё успел увидеть, как длинные искры чиркнули по немецкой броне, и выстреливший в него пулёмётчик мёртво скатился под гусеницы.

К Мэри с ещё теплым после выстрела автоматом подбежал Новицкий. Он сразу увидел, что неживая пелена уже подёрнула светло-голубые глаза друга. Ватник был прорван и окровавлен у самого сердца, руки широко раскинуты в стороны. Отброшенное противотанковое ружьё остывало в перемешанном с землёй снегу, проплавленном раскалённым стволом.

— Только не умирай, Эндель! Слышишь, не умирай! — кричал Андрей, склонившись над другом.

Мэри, собрав последние силы, неотрывно глядя в глаза Новицкого, вложил грязные окровавленные пальцы в его руку и, мучительно выдавливая каждое слово, запинаясь от боли, произнёс:

— Это было у той девушки, которую я похоронил здесь.

Его зрачки заledenели и остановились.

Андрей осторожно разжал ладонь. На ней лежало кольцо — то самое, сделанное им тонкое медное колечко с гравировкой «Полине от Андрея», подаренное ей в день их последней встречи.

— Нет, Эндель, нет! — кричал Андрей, поднимая к серому небу опухшие, красные от грязи и холода глаза. — Вставай, Эндель. Хоть ты-то не умирай, прошу тебя! — кричал он, не выпуская из рук отяжелевшее тело друга.

Над плацдармом внезапно разнёсся басовитый голос с сильным немецким акцентом:

— Советские солдаты!

Новицкий увидел лёгкий бронетранспортёр, выехавший вперёд между двумя подбитыми и уже почти сгоревшими танками, и высунувшегося из его башни офицера с громкоговорителем в руках.

— Германское командование впечатлено вашей смелостью и стойкостью, поэтому даёт вам последний

шанс сохранить жизнь, — натужно выговаривая неудобные для него русские слова, продолжал немец. — Мы знаем, что у вас нет ни патронов, ни пищи, ни воды. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Если вы сложите оружие, мы гарантируем вам безопасность, медицинское лечение, тёплую одежду и горячее питание.

Боль и ненависть закипели в сердце Андрея. Он длинным кувырком перекатился через остывающее тело друга и подобрал лежавшее на краю воронки его противотанковое ружьё.

— В противном случае, — ещё сильнее коверкая жёстким произношением русские слова, перешёл к угрозам гитлеровец, — мы одним ударом сбросим вас в море. Тогда не ждите пощ...

Прогремел выстрел. Бронебойный патрон разнёс голову офицера вместе с громкоговорителем.

Замешательство немцев длилось недолго. Фашисты опять начали гвоздить плацдарм из всех стволов. Высокими чёрными кустами встали миномётные взрывы. Басовито загревели разрывы дальнобойных снарядов. Цепи автоматчиков бросились вперёд.

Андрей выпустил в набегавших последние патроны из трофейного «шмайсера» и, не желая погибнуть, вжавшись в землю безоружным, выскочил с финкой прямо на набегавших фашистов. Он с размаху всадил нож в грудь одного из них, вырвал из рук автомат и непрерывной очередью скосил ещё нескольких нападавших. Когда патроны закончились, он отшвырнул горячее оружие в сторону, выпрямился в полный рост и, вздохнув всей грудью, приготовился принять ураган смертоносного свинца, который должен был вырваться из десятков направленных на него с разных сторон автоматных и пулемётных стволов.

В этот момент с неба на немцев обрушился огненный ливень. Несколько советских самолётов, дрожа острым пламенем и часто роняя в землю густые радуги трасс, пропороли воздух длинными сухими очередями. Вокруг Андрея кувыркались и с шипением падали в снег раскалённые гильзы крупнокалиберных авиационных пулемётов. Уцелевшие фашисты побежали, бросая оружие.

Перечёркивая небо косыми траекториями и обдавая запахом горячего железа, низко, почти над головами десантников проносились хорошо узнаваемые силуэты советских истребителей и штурмовиков. Пробивая редкие облака, они со стремительно угасающим гулом уходили в сторону Новороссийска. Навстречу им один за другим спешили немецкие «юнкерсы». Стоящий посреди дымящегося поля боя Новицкий устало наблюдал, как посверкивая в лучах заходящего солнца далёкими пулёмётными очередями, падали и возносились в небо схлестнувшиеся в бою самолёты. Шёл малопонятный с земли воздушный бой.

Убежавшие фашисты не вернулись. Уродливая смерть, с раннего утра раскрывавшая повсюду свои объятия, как будто отступила вместе с ними. Недовырытые утром окопы с обвалившимися брустверами лежали залитые кровью, раздавленные танками и исполосованные широкими следами гусениц. В них чернели полузасыпанные холодной грязью и осколками снарядов мёртвые тела, искорёженные пулемёты, автоматы и противотанковые ружья. Вокруг плацдарма заметаемые снегом плотно бугрились груды трупов в серо-зелёных шинелях. Из распаханной земли торчали клочья окровавленных ватников и обугленных шапок-ушанок, виднелись забрызганные кровью лица убитых.

Непривычную тишину, нависшую вдруг над Станничкой, нарушали лишь сухие потрескивания радио-разрядов из перекошенного взрывом авиабомбы дома, служившего штабом отряда. Твёрдое как всегда, осунувшееся, бесконечно усталое лицо Куникова склонилось над только что отремонтированным им радиоприёмником, рукоятку которого, то добавляя, то убавляя громкость, крутил Котанов. Несколько часов назад, в самый разгар боя, броневой снаряд, жёстко фырча, врезался в боковую стенку, легко прошил её и вдребезги разнёс радиоаппарат. Собрав обломки, Куников сумел починить прибор.

— Сильные помехи, товарищ майор. Не с моим немецким это разобрать, — задумчиво проговорил Котанов, не знавший немецкого языка толком, но научившийся за время войны вычленять нужную информацию из радиоперехватов.

— Поищи другую волну, — посоветовал Куников. — Нам бы в самых общих чертах понять, что происходит.

— Эфир очень оживлённый, — проговорил начальник штаба, медленно прокручивая разбитую рукоятку. — Ещё румынские рации как назло влезают.

Пропустив несколько радиоволн, сыпавших быстрым румынским речитативом, Фёдор, наконец, остановился на энергично пульсирующей немецкой речи.

— По-моему, у них приказ отвести войска до завтрашнего утра, — неуверенно сказал Котанов, вслушавшись в переговоры. — Перебрасывают подкрепление из Южной Озерейки.

— Если это так, — медленно проговорил Куников, — нам очень повезло. На сегодня мы выстояли.

Немного подумав, он спросил:

— Сколько человек осталось в живых?
— Одиннадцать, товарищ майор. Все тяжело ранены.
Глубоко и напряжённо вздохнув, Куников молча взял автомат и вышел из дома.

XXIII

Поздним вечером майор, глубоко задумавшись, стоял на берегу. С багровым солнцем ушёл за горизонт ужасающий вихрь трудного дня. О том, что завтра ждёт их, оставшихся в живых одиннадцать тяжелораненых человек, можно было только гадать. Сутки назад казалось, будто весь мир обернулся против его отряда. Им удалось, хоть и чудом, отбить у врага крошечный участок береговой линии на западном берегу Цемесской бухты и отвоевать ещё одну трудную военную ночь, пусть и без воды, пищи и связи с большой землёй. Не слишком ли много на сегодня чудес? Вправе ли они ждать ещё чего-то от безжизненного штормового моря и бушующей над ним свирепой грозы? Порывы холодного ветра ерошили гребни широких волн, мощными ревушими накатами растекавшихся по студёному галечному берегу, с треском швыряя и звонко ломая друг о друга гладкие овальные камни. Солёные брызги белыми крапинами взлетали ввысь.

Куников был готов вечность простоять на тёмном ночном берегу, лишь бы дожждаться помощи, но вязко тянувшееся время не нарушалось ничем, кроме монотонных ударов холодной воды о заледеневшие камни.

Внезапно ему показалось, что острые порывы ветра, вырывающиеся из бурлящего непогодой морского пространства, добрасывают до него негромкий гул двигателей. Через несколько минут еле различимый в ночной черноте силуэт крупного шедшего без огней судна на мгновение загородил нависшие над горизонтом звёзды и скользнул в сторону располагавшегося на окраине Станички рыбозавода.

Не веря происходящему, Куников со всех ног побежал туда и увидел, как крупная канонерская лодка приблизилась к пристани южнее рыбных цехов. Это был «Красный Аджаристан», старательно приберегавшийся Холостяковым до самого сложного момента. К тому времени, как Цезарь добежал к месту швартовки, на берег уже спустился командир 255-й бригады морской пехоты полковник Алексей Степанович Потапов, коренастый, плотного телосложения, с широким славянским лицом немолодой человек. Увидев Куникова, он двинулся ему навстречу. Офицеры крепко обнялись и, словно не веря каждый своему счастью, посмотрели друг на друга.

— Слава богу, не зря шли! — наконец облегчённо выдохнув, произнёс Потапов. — Значит, всё-таки есть плацдарм. Есть где размахнуться, чтобы бить фрицев.

Спокойная улыбка, как луч света, осветила смертельно усталое лицо Куникова.

— Плацдарм есть, и он полностью в вашем распоряжении, товарищ полковник, — произнёс Цезарь. — Правда, полноценно развернуться здесь, на мой взгляд, будет сложно.

Алексей Степанович, внимательно изучив на карте в свете фонаря участок береговой линии, точно очерченный Куниковым, как бы разочарованно согласился:

— Да уж, невелика земляца-то.

— Малая, но удалая, — невесело отшутился Куников. — Всё, что смогли, товарищ полковник.

— Пожалуй, вы смогли невозможное, товарищ майор. Огромное спасибо вашим бойцам за плацдарм.

— Пока рано благодарить, — предостерег Куников. — Есть все основания предполагать, что уже к завтрашнему утру фашисты перебросят в этот район очень крупные силы из Южной Озерейки и навалятся сюда с утроенным остервенением.

— За это не беспокойтесь, товарищ майор, — твёрдо возразил Потапов. — К завтрашнему утру я превращу эту твою малую, как ты говоришь, но удалую землю в непреступную крепость.

Полчаса спустя к берегу севернее пристани рыбозавода подошла «Красная Грузия» и ещё несколько кораблей. В эту ночь несмотря на сильный шторм, сопровождавшийся напористыми снежными метелями, на плацдарме были высажены 255-я бригада морской пехоты в полном составе, часть 165-й стрелковой бригады и отдельный парашютно-десантный полк. На берег один за другим выкатились танки и тяжёлые орудия. Пока тысячи солдат выносили из трюмов ящики с оружием и боеприпасами, другие уже принялись за рытьё траншей и возведение дотов.

Новицкий не видел этих грандиозных приготовлений к завтрашнему сражению. Сразу после окончания боя он, тяжело передвигая ноги, выплёвывая изо рта и стирая с подбородка чёрную запёкшуюся кровь, побрёл к Полининому дому. Почти полностью разрушенная Станичка была неузнаваема. Андрей с трудом угадывал в открывающихся его взгляду одиноких обугленных, занесённых снегом руинах когда-то светлые многолюдные улицы. Между вмёрзших в окровавленный снег трупов фашистов с важным видом вышагивали голодные помойные чайки. При приближении Андрея они одна за другой сорвались с мест и, громко хлопая белыми крыльями, принялись чертить уродливые кружева в стылой мгле, на лету проглатывая вырванные хищными клювами куски из тел мертвецов. Резкие порывы норд-оста стряхивали с обвалившихся крыш горсти колкого инея, хлещущего в лицо режущими нахлёстами.

Новицкого била дрожь, зубы выстукивали неровную дробь. Он с трудом узнал дом Щербаковых, стоявший возле моря на окраине посёлка. Один угол почти полностью обрушился в глубокую воронку от снаряда. В проломе торчали зазубренные концы разорванных брёвен, светлевших свежими жёлтыми надломами, крыша провалилась, дверной косяк и оконные рамы вылетели наружу. В ужасе отвернувшись от мертвенных провалов окон, Андрей увидел посередине двора под толстым слоем снега две могилы. Маленькую Ванину и большую — Полины, догадался он.

Несколько бесконечно долгих минут он простоял на пронизывающем ветру, не сводя помертвелых глаз с невысокого заледеневшего, покрытого голубым ноздреватым снегом холмика — единственного, что осталось от его любимой. Медленно прошёл к дому и по обломкам крыльца забрался внутрь.

Полинина комната с выбитыми окнами и наметёнными в углах снежными сугробами почти не пострадала. Над изголовьем старой железной кровати, на которой он оставил её выздоравливать, уходя на войну, всё ещё висело приколотое иголками одно из его довоенных писем. Рядом стоял большой письменный стол.

Андрей подошёл к нему и выдвинул верхний ящик, в котором она хранила фотографии. Они и сейчас лежали там, но не аккуратной, перетянутой резинкой стопкой, как он привык их видеть, а россыпью — похоже, после его ухода Полина часто пересматривала их.

Сев на кровать, Андрей один за другим доставал пожелтевшие, помятые по краям снимки и подолгу рассматривал каждый. Вот здесь им обоим меньше десяти лет. Радостно чему-то смеясь, они со всех ног бегут по красивой густо посаженной кипарисами городской набережной. На другой они старше — Полина увлечённо

что-то рассказывает, а он, не обращая на неё внимания, задумчиво смотрит в окно. А это они в походе по горам: он тащит огромный рюкзак, а Полина с интересом рассматривает большие цветы под ногами.

Внезапно его одеревеневшие от холода пальцы вместо очередной фотографии вытащили из ящика сложенный треугольником, как письма на фронт, лист бумаги. Он осторожно развернул его и сразу же узнал округлый почерк Полины.

«Дорогой Андрюша,

Очень надеюсь, что моё письмо застанет тебя живым и в добром здравии. По крайней мере только об этом я сейчас молюсь изо дня в день. Пишу тебе, даже не зная, удастся ли отправить это письмо или нет. Если ты получишь его, то уже наверняка и сам будешь знать, что наш город захвачен немцами. Это произошло так быстро и неожиданно, что я сама до сих пор не верю в это, хотя прямо за нашими окнами каждый день теперь проходят чёрные немецкие танки, а по вечерам разъезжают на мотоциклах фашистские автоматчики.

В тот день, когда фрицы штурмовали город, мы пытались убежать от них, но наш корабль обстреляли, и он утонул. Ване удалось спасти меня, но прямо рядом с нами в море застрелили твою сестру Нину. Твой брат Витя остался в вашем доме на Октябрьской площади и вместе с забаррикадировавшимися там матросами до последнего дрался против немцев. Говорят, они схватили его и сожгли заживо. Твоя мать пыталась забрать его оттуда, но её насмерть раздавил немецкий танк.

Даже не могу представить, как больно будет тебе читать эти строки. Всю жизнь я мечтала дарить тебе только счастье и радость, но имею ли я право не сообщить, что произошло? Тем более, что кроме меня это больше никому сделать.

Постоянно смотрю на кольцо, которое ты мне подарила, и ловлю себя на мысли, что с каждым днём люблю тебя всё сильнее. Я дала себе слово, что обязательно дождусь тебя и больше никогда в жизни не отпущу. Очень надеюсь, что эта проклятая война закончится как можно раньше, и ты наконец вернёшься ко мне.

Крепко тебя целую и обнимаю,

Навечно твоя Полина

17 сентября 1942 года»

Несколько капель упали на лист, и Андрей не сразу понял, что это были его слёзы. Он затолкал письмо вместе с фотографиями во внутренний карман своего разорванного окровавленного ватника и, неуклюже завернувшись в покрывавшее кровать одеяло — то самое, которым была укрыта Полина в день их последней встречи, — провалился в беспамятство.

Ранним утром в комнате было сыро, а за окном уже рассветало. За прозрачными и чистыми, как слеза, стёклами зеленела под косым звонким дождём изумрудная листва, и в крышу по-летнему шумно барабанили ветки деревьев. Андрей поднялся на локте и за столом рядом с кроватью увидел Полину. Ей было двенадцать лет. Она была в лёгком ситцевом платице и низко склонилась над тетрадкой, в которой что-то писала. Заметив, что он проснулся, она отодвинула тетрадь и чернильницу на край стола, радостно схватила его за руку и потащила на улицу. Проходя мимо зеркала, Андрей увидел себя — в детских коротких белых шортах и голубой футболке.

Перепутанный паутиной садик во дворе дома был насквозь пронизан золотистым медленно поднимающимся из-за гор солнцем. В тёплом воздухе, расцвеченном над Цемесской бухтой огромной радугой, метались

в поисках убежища от начинающегося дождя крупные стрекозы.

Тихий летний дождь усиливался, разгоняя с улиц ленивых котов и назойливых насекомых. Полина, стоя посередине двора, подставляла крупным тёплым каплям лицо и руки. Из-за уха выпал выующийся нежно-золотистый локон и влажно засветился на солнце.

Дождь мягко хлестал из-под густых дымчатых туч, клубившихся над посёлком, и тягуче шумели на ветру ярко-зелёные верхушки деревьев. С ласкового неба вперемешку с водой щедро лились на душистую землю потоки солнечного тепла. Андрей провёл кончиками пальцев по сочным стеблям высокой травы, и она нежно защекотала его.

Полина в коротком светлом платице, промокшая под дождём, смахнула с сияющего улыбкой лица растрёпанные пряди волос и побежала по направлению к городу. Андрей бросился за ней, и через считанные секунды они оказались на городской набережной. Слабо потянуло прохладным запахом обсыхающих после дождя акаций. Вокруг их крупных белоснежных гроздей мелькали небольшие бабочки. Дымящийся после дождя асфальт приятно обдавал жарким запахом. От выложенной брусчаткой набережной с фиолетовым блеском моря в стёклах домов тянуло живительной прохладой.

Андрей полной грудью, почти захлёбываясь, вдыхал это разнообразие запахов. Ему виделось, что впереди — целая жизнь с тысячами таких же прекрасных рассветов, наполненных запахами летних акаций, или синеватым январским снегом, или парным апрельским дождиком с отсырело позванивающими пузатыми красными трамваями на улице Советов. А вечером за окном его комнаты загорится длинный ряд ярких фонарей, уходящий напрямиком в поздний земляничный закат.

Неожиданно купол неба лопнул, и посветлевшую после дождя лазурь расколола ветвистая трещина, разбросавшая тысячи ослепительных бликов по морской глади. Небосвод в один миг затянули плотные багровые тучи. Земля под ногами дрогнула и осыпалась вниз. Больно стучась друг об друга, разбивая в кровь колени и головы, они с Полиной покатались в удушливый провал. Упав на жёсткое дно, Андрей почувствовал, что тяжёлые комья земли валяются ему на лицо и что Полины нет рядом. Лёжа на спине с застывшим от ужаса сердцем, он задыхался от могильной сырости и слышал, как скрежетали сверху острые штыковые лопаты. Вбрасываемая в яму влажная земля начала засыпать глаза, тяжело давить на грудь, не давая ни вздохнуть, ни закричать. Он пытался отбросить комья, встать на рассечённые до крови, гудящие от боли ноги, но бездна засасывала его, не позволяя даже пошевелиться.

Неясная сила вытолкнула его из сна. Негромким сухим треском где-то вдали рвались бронебойные снаряды — немцы стягивали к западной окраине Новороссийска новые резервы, подкрепляя очередное наступление. Андрей откинул одеяло и, тяжело переставляя ноги, вышел из дома. Утренний морозец свежо обдал израненное тело и защекотал за ушами. Слабый свет восходящего солнца прорывался сквозь рваные облака, рисуя тенями обугленных руин на свежем снегу причудливые картины. Плотнее завернувшись в окровавленные лохмотья ватника, ознобно дрожа и шатаясь от слабости, Новицкий медленно побрёл в сторону штаба отряда. Каждое движение отдавалось во всём теле нестерпимой болью. Временами ему казалось, что идти он больше не может. Хотелось упасть на снег и уснуть на ледяной земле навсегда.

Он совершенно не узнавал место вчерашнего боя. Весь плацдарм был густо изрыт разветвлёнными сетями свежих траншей с высокими брустверами, оборудованными хорошо укреплёнными пулемётными гнёздами и огневыми точками. Тысячи солдат заканчивали строительство дотов и установку тяжёлых орудий. Отдалённо загудели и пронеслись мимо него несколько танков Т-34. Низко над головой под угрюмыми серыми тучами с уверенным рокотом прошла в сторону Новороссийска группа советских штурмовиков.

Санитарный взвод собирал тела убитых. Новицкий увидел, как один из солдат с трудом отцепил мёртво сжатые на рукоятках ДП пальцы пулемётчика, и замёрзшее тело, не изменив положения, опрокинулось в бомбовую воронку. Несколько бойцов финками выбивали из замёрзшего кровавого месива тело Энделя. Андрей, не отрываясь, долго смотрел, как достают из земли и кладут на запряжённую серым кавказским осликом телегу его друга и, проводив его полным боли и отчаяния взглядом, зашагал дальше.

Штаба отряда в частично разрушенном, покосившемся на бок доме он не нашёл. Неподалеку от него белел свежеструганными досками приземистый сруб новой землянки, в которой располагался штаб 255-й бригады морской пехоты. Из него вышел высокий, плотно затянутый в новые ремни лейтенант и, заметив Новицкого, направился к нему.

— Ты из куниковского десанта, боец? — спросил он. Андрей кивнул.

— Почему ещё здесь? — удивился офицер. — Почему не эвакуировался со всеми?

— Мне не надо, — с трудом прохрипел в ответ Андрей. — Дайте оружие. Я буду драться.

Лейтенант недоверчиво окинул взглядом еле стоящего на ногах, мертвенно бледного Новицкого.

— Вчера вечером все оставшиеся в живых бойцы отряда спецназначения были вывезены на катерах в Геленджик, — объяснил офицер. — Ты должен был уйти вместе с ними. На плацдарме из ваших остаётся только майор Куников в качестве старшего морского начальника.

В этот момент к ним подошёл Потапов. Удивлённо посмотрев на Новицкого, он спросил, что происходит.

— Это боец куниковского десанта, товарищ полковник, — бойко доложил комбригу лейтенант, бывший судя по всему его адъютантом. — Выясняю, почему он не ушёл в госпиталь вместе со всеми.

— К чёрту госпиталь! — исступлённо проревел Новицкий Потапову. — Я остаюсь здесь. Они убили всех. Слышите? Всех! Дайте оружие. Мне нужно отомстить, — словно в бреду кричал он посиневшими губами, с трудом выдавливая слова, еле переступая на скованных холодом одеревеневших ногах. Капельки пота густо капались по его воспалённому, пылающему простудным жаром лицу.

Потапов шагнул вперёд и по-отечески обнял его.

— Не глупи, сынок. Успокойся, — мягко похлопав Андрея по плечам, сказал он и, окинув твёрдым взглядом кипевший последними приготовлениями к предстоящему бою плацдарм, добавил:

— Здесь больше семи тысяч человек, и каждый из них хочет отомстить. У тебя тоже будет такая возможность. Обещаю, что после возвращения из госпиталя тебя назначат командиром отделения противотанкового взвода. А сейчас иди в Геленджик. Тебе нужно лечение. Лейтенант распорядится, чтобы тебя проводили на катер.

В сторону небольшого, построенного этой ночью пирса, возле которого ожидал небольшой плоскодонный глиссер, Андрея понесли уже на носилках.

XXIV

К середине апреля 1943 года, когда Новицкий вернулся на плацдарм, получивший с лёгкой руки Куникова название Малая земля, подконтрольная советским войскам территория на западном берегу Цемесской бухты была уже совсем не такой маленькой, как в первые дни отчаянного штурма в начале февраля. С сотен квадратных метров она увеличилась до почти сорока квадратных километров. Немецкое командование было вынуждено забыть о планах перехода в наступление и сосредоточиться на обороне.

Майору Куникову не было суждено увидеть этого. 8 февраля, всего через несколько дней после дерзкой высадки, он был смертельно ранен осколком немецкой мины во время разгрузки катеров близ соседнего со Станичкой посёлка Алексино. Из-за вновь разыгравшегося шторма и вспыхнувших с утроенной силой боёв доставить его в госпиталь удалось лишь спустя сутки. Врачи в Геленджике отчаянно боролись за его жизнь, но время было безвозвратно потеряно, и майор, не приходя в сознание, скончался.

14 февраля его хоронили. Улицы Геленджика были забиты людьми. Во главе колонны офицер штаба Новороссийской военно-морской базы нёс на маленькой красной подушечке единственную награду Цезаря — мирную медаль «За трудовое отличие», а в конце её, преодолевая боль в незаживших ранах, медленно шёл Андрей Новицкий, с огромным трудом уговоривший врачей отпустить его на прощальное шествие.

Как и обещал Потапов, по возвращении на плацдарм Новицкий был назначен командиром отделения

противотанкового взвода. Восемнадцать молодых солдат уже ждали его на берегу. Это были недавно призванные, не успевшие ещё толком повоевать ребята из числа срочно переброшенных в большом количестве войск с севера, что стало возможным после разгрома Паулюса под Сталинградом и возобновления регулярного транспортного сообщения по Волге.

— Моя фамилия Новицкий, — громко представился Андрей не очень ровно выстроившемуся перед ним строю. — Новороссийск — мой родной город. Уходя отсюда на фронт в самом начале войны, я оставил здесь всех самых дорогих мне людей — всё, что было у меня в этой жизни. Я воевал под Одессой, затем отступил в Севастополь, потом мы сдали Крым и Тамань и только здесь под Новороссийском смогли остановить фашистов. И здесь я узнал, что они убили их всех — всю мою семью, мою невесту Полину, её мать и брата...

Он ненадолго замолчал, но совладав с собой, продолжил:

— Наш враг по-прежнему многочислен и очень силен. Когда разрывные пули будут разбивать камни у ваших ног, а на головы будут сыпаться тяжёлые комья от бомбовых разрывов, вам будет страшно. Захочется вжаться в землю, затаиться и переждать, пока вместо тебя немца убьёт кто-то другой. Этот страх будет отнимать у вас самое главное — время, которое необходимо, чтобы дать отпор. То самое бесценное на войне время, за которое фрицы успеют захватить очередной дом. Из таких домов затем сложатся улицы и города. В том числе и ваши города, как бы далеко отсюда они ни находились. Помните об этом, идя в бой. Убивайте фашистов здесь и сейчас, не дожидаясь, пока они поднимутся на крыльцо вашего родного дома.

Андрей замолчал, твёрдо глядя на немного растерянные и словно смущённые лица молодых бойцов.

— Напра-во, — скомандовал он мягким, пока ещё совсем не командирским голосом. — На позицию — шагом-ма-арш!

17 апреля 1943 года четыре отборные немецкие и две румынские дивизии при поддержке многочисленной артиллерии и четырёх воздушных эскадр ринулись на решающий штурм Малой земли с целью ликвидировать ненавистный плацдарм. Сменивший на посту командующего 17-й армией вермахта Рихарда Руоффа, с позором разжалованного после куниковской высадки, генерал-майор Гельмут Ветцель, как и его предшественник, дал лично фюреру скреплённую кровью клятву ко дню его рождения сбросить в море прочно закрепившиеся на западном берегу Цемесской бухты советские войска.

Каскады огня в очередной раз захлестнули плацдарм. После многочасовой артиллерийской и авиационной подготовки лучшие эсэсовские полки при поддержке огромного числа собранных со всего южного направления танков бросились в стремительное наступление.

Отделение Новицкого в течение многих часов сдерживало мощнейший натиск на переднем рубеже. Отразив очередную атаку, Андрей обнаружил, что живых в их траншее осталось двое — он и совсем ещё юный архангелогородец Ярослав Прозоров. По его детскому, заострившемуся от тягот ожесточённых боёв лицу бродили беспокойные тени, но он старался не показывать страха и, как виделось Андрею, держался молодцом. Смертельно уставшие, но в любую секунду готовые к отражению очередной атаки, они сидели на заваленном стреляными

гильзами дне окопа среди трупов товарищей и стальных головок бронебойных гранат. Подкрепление всё не прибывало, а оставить важную позицию они не могли.

Андрей аккуратно протёр рваным платком забитую патронами кассету ТТ и, с щелчком втолкнув её в пистолет, посмотрел на товарища. В эту секунду несмотря на несколько тяжёлых боёв, которые им уже пришлось пройти вместе, тот показался ему слабым незащищённым мальчиком, неожиданно и случайно попавшим из безбрежной тишины далёкого поморского Севера в эту грубую обстановку обнажённой ненависти и грязной уродливой смерти.

Косо затянутый ремень, стоптанные сапоги, высоко закатанные не по уставу рукава фланки — весь этот подчёркнуто невоенный вид Ярослава говорил Новицкому, что война, к которой он уже так привык, не на всю жизнь, что не за горами то время, когда с такими, как у этого парня, закатанными рукавами вновь можно будет пробежаться под летним дождём по освобождённой городской набережной. Примятые съехавшей набок бескозыркой, кудрявые, белокурые влажные от пота волосы Прозорова, широкий лоб, ровный нос и заполненные льдистой голубизной глаза на налитом здоровым румянцем лице напомнили ему Энделя.

Ярослав держал в руках измятую фотокарточку и неотрывно смотрел на неё. Андрей осторожно заглянул через его плечо и увидел красивую широко улыбавшуюся девушку с длинными, белыми, густо рассыпанными по плечам волосами.

— Красивая, — сказал Новицкий.

— Не то слово, — простодушно и широко улыбнувшись, но не отрывая взгляда от фото, ответил Ярослав своим размеренным говорком с непривычным для Андрея северным оканьем. — Это моя невеста. Катей

зовут. Мы самого детства друг друга знаем. В соседних дворах росли. Если бы не война, наверное, уже и поженились бы.

Он поднял глаза на Новицкого и с удивлением увидел его затылок — Андрей сидел, отвернувшись от собеседника, пристально глядя на бугрящееся широкими волнами море.

— Извините, товарищ сержант, — виновато произнёс Ярослав, пряча фотографию в карман. — Вам, наверное, всё это неинтересно.

Ближние разрывы сотрясли землю. Над траншеей взметнулись широкие столбы дымящейся земли. Малиновые разрывы засверкали пламенем. Визг развернувшихся высокими кострами снарядов заставил обоих инстинктивно втиснуться в землю.

— К бою! — проорал Новицкий, первым вскакивая на ноги и подхватывая с земли противотанковое ружьё.

Нарастающий металлический рёв армады танковых моторов начал давить на уши. Запоздало пролетел и мокро воткнулся в бруствер обессиленный осколок. Струйки песка зашуршали, скатываясь в траншею. На окраине Новороссийска, уже видимой с расширившихся рубежей Малой земли невооружённым глазом, с грохотом разламывая тяжёлыми гусеницами остатки городских руин, разворачивались и на ходу перестраивались в ровные чёрные колонны манёвренные немецкие танки. Доносящийся издалека металлический лязг быстро перерастал в тяжёлый оглушающий рёв. Две пригнувшиеся фигуры на брустверах жарко осветились спаренными разрывами.

Коротко переждав, пока красный рой раскалённых осколков, оглушительно свистя и взвизгивая, пронесётся над головами, Новицкий и Прозоров принялись отчаянно долбить из всех стволов по неудержимо

накатывающей на них бронированной волне. Струи песка горячо хлестали по оскалившимся лицам. Бегло рвались мины. Непроглядная багровая метель пылала и звенела, застилая чистое весеннее небо. Огненные трассирующие точки, насадно фырча, срезая и рассекая ветки поваленных деревьев, с чавканьем влипали в вязкую глину. По всей линии фронта отчаянно сверкали колющие языки огня в стволах противотанковых ружей. Зловонные шлейфы шафранного дыма ползли над землёй. Андрей, упав животом на бруствер, едва успевал всаживать патрон за патроном в надвигающиеся танки, однако силы были слишком не равны. Несколько бронемашин уже дымили прямо перед их огневой позицией — валяющий из них жирный дым прижимало ветром к земле, но бесчисленное количество новых огибали их и продолжали стремительно рваться вперёд.

Сквозь разрывающий воздух перестук снарядов неожиданно близко пахнуло удушающим жаром горячей брони. С рёвом и грохотом в прицеле возник перечёркнутый белым крестом танк. Оглушающим визгом шарахнул над головой вихрь пулёмётных очередей. Напористая струя пара окатила бензиновой гарью. Новицкий выпустил последние бронебойные патроны в вырвавшийся из багрово взлетающей мглы танк, но они не остановили его — чёрная машина, протяжно буксуя на развороченной снарядами земле, медленно наползала на траншею.

— Надо уходить, Ярослав! — с трудом перекрикивая надвигающийся грохот, проорал Новицкий. — Больше не удержим.

— Сложно будет уйти! — на ходу отстреливаясь из ППШ, подбежал к нему Прозоров. — Они нас уже плотно на мушке держат.

— Времени нет, — ответил Новицкий, выхватывая из расколотого ящика две противотанковые гранаты. — Я их подорву, а ты быстро уходи в задние окопы. У тебя полминуты!

Ярослав, словно оглушённый неправдоподобно близким рёвом мотора, ошеломлённо застыл, не сводя с Андрея растерянного вопросительного взгляда. Вызывая тошноту, к горлу всё сильнее подкатывал сладковатый густой запах синтетического бензина.

— Так не пойдёт, сержант. Я тебя не брошу, — выкрикнул Прозоров.

— Это приказ! — заорал Новицкий.

— Ну уж нет! Если уходить, то вместе. Умирать тоже вместе, — белея от досады или от злости прокричал Ярослав и нагнулся за гранатами.

Андрей перехватил его руки почти у самой земли и, посмотрев ему прямо в глаза, отчётливо произнёс:

— Не надо вместе. Ты живи, прошу тебя. Тебе есть ради кого жить.

С этими словами он выскочил из окопа и бросился с гранатами под уже почти наехавший на них танк.

Эпилог

Июль 1965 года выдался на Соловецких островах на редкость холодным. Неяркое, словно меркнувшее на глазах низкое северное солнце роняло на камни и в море слабые почти негреющие лучи.

Выпускник Ленинградского Нахимовского военно-морского училища Андрей Прозоров, высаженный рыбаками на Муксаломской дамбе, коротко попрощался с доставившими его из Кеми попутчиками-земляками и, предвосхищая долгожданную встречу с семьёй, нетерпеливой походкой зашагал по неширокой построенной сотни лет назад дороге, округло прорезающей лесные заросли на Большом Соловецком острове.

Слыша лишь собственное учащённое дыхание, Андрей пробирался сквозь чащи приземистых кустарников и вековых разлапистых елей, под широкими ветвями которых до сих пор белели кривые пятна нерастаявшего снега. Его ноги то тонули в пружинистых подушках крепкого мха, то скользили по мокрым после утреннего дождя камням, не нарушая окружавшей его вековой тишины. По бокам дороги неподвижными чёрными зеркалами лежали несколько тихих молчаливых озёр, окаймлённых тёмно-зелёными валунами. Посреди безмолвия сурового леса в их равнодушной ко всему живому холодной глади полноцветно, до мельчайших штрихов отражались стоявшие на берегах высокие сосны.

Наконец вдали за маленьким налитым тёмно-сизой водой Святым озером на фоне хмурого соловецкого неба чёрно вырисовались обомшелые стены и грузные заострённые башни кремля, придавившего землю исполтинским утюгом.

Андрей обогнул массивный корпус древнего монастыря, сложенного из огромных, густо поросших травой и мхом валунов, и вошёл в центральные ворота. На широком дворе сидели жирные чайки, коротко перекликающиеся друг с другом обрывистым лаем. У некоторых на спине рябым пушистым яичком на тонких лапках стоял недавно вылупившийся птенец. По широким ступеням бывшего Преображенского собора, вросшего в землю несокрушимой тяжестью белых без узоров стен, быстро сбегал инженер-реставратор Ярослав Иванович Прозоров, минуту назад заметивший Андрея из окна кабинета.

— Ну, наконец-то, — не скрывая радости, проговорил он, огибая неповоротливых, путающихся под ногами птиц и крепко обнимая сына. — Мать с Полиной и Сашкой уже заждались, наверное.

Они вышли из кремля, косо раскинувшегося неправильным кубом на берегу бухты Благополучия, и направились к узкой пристани, у которой их ждал небольшой моторный карбас. Береговые чайки долго вились над ними, провожая до выхода из бухты и отчаянно требуя хлеба. Постепенно они отставали от деревянной лодки, стремительно летящей по ровной, без намёка на волны глади, и легко втыкаясь выпуклыми грудками в её нарушенную мотором поверхность, усаживались на серую воду. Оставленный позади берег синел в дали тонкими, едва заметными тенями над пустым и свободным морем.

Ярослав Иванович ошвартовал лодку у крошечного пирса на мысе Печак и вместе с сыном вышел на берег. Екатерина и Полина — жена и дочь — уже варили на костре жирную соловецкую уху из свежей, только что выловленной сельди, а младший Саша копошился среди мокрых болотных кочек, собирая со стеблей и сразу же поедая крупную оранжевую морошку. Увидев Андрея, все разом бросились к нему.

— Вернулся, вернулся! — громче всех кричал Сашка, с интересом рассматривая новую матросскую форму Андрея и его белый ремень с квадратной якорной бляшкой.

После сытного ужина, разливая по кружкам горячий душистый отвар из северных трав с терпким ароматом лесной хвои, Ярослав Иванович спросил сына:

— Что будешь дальше делать, Андрей? Уже получил какое-нибудь распределение?

— Пока только предварительно, отец, — ответил тот, отпивая обжигающий напиток. — Вероятнее всего, на Черноморский флот.

Ярослав Иванович поднял глаза к мглистому, как будто затянутому брезентом, но по-своему красивому небу и задумался. Весной 1943 года он начал там, на бесконечно далёкой от этих суровых полярных широт Малой земле свой боевой путь, с тяжелейшими сражениями дошёл до Берлина и вернулся домой. Здесь его ждала любимая девушка Катя, ставшая его женой и подарившая ему троих замечательных детей.

— Ты же вроде воевал в тех краях? — как будто догадавшись, о чём думает отец, спросил Андрей. — Если что-то нужно, скажи.

— Да, пожалуй, — словно собирая нахлынувшие мысли, ответил тот. — Если доведётся оказаться в городе Новороссийске, поставь там, пожалуйста, на Малой земле памятный венок в честь моего сослуживца Андрея Новицкого.

— От тебя, отец? — спросил Андрей.

Ярослав Иванович взглянул на сидящую вокруг него семью и, счастливо улыбнувшись, ответил:

— От нас, сынок. От всех нас.

Хартум, Гавана, 2016

Оглавление

От автора	4
Пролог	9
I	13
II	24
III.....	36
IV.....	47
V.....	63
VI.....	79
VII	93
VIII	104
IX.....	115
X.....	126
XI.....	137
XII	148

XIII	164
XIV.....	177
XV	190
XVI.....	210
XVII.....	224
XVIII	237
XIX.....	248
XX	260
XXI.....	280
XXII.....	293
XXIII	303
XXIV	314
Эпилог	321

Литературно-художественное издание

Коняшин Сергей Сергеевич

Последний рубеж

Выпускающий редактор Т. Евтеева
Литературный редактор Н. Маренина

Корректурa: Н. Маренина
Компьютерная верстка: С. Морозов
Дизайн обложки: А. Горбачёв, Н. Лейбина

Подписано в печать 00.00.2018

Формат 60х90/16

Бумага офсетная

Тираж 100 экз.

ООО «Издательство РСП»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru